

— р е а л ь н ы е и с т о р и и —

Тони Магуайр

Только не говори маме!

История одного
предательства

Annotation

Маленькая девочка Тони Магуайр из провинциального ирландского городка Коулрейн подверглась сексуальному насилию со стороны своего отца. Он заставил ребенка молчать, пугая тем, что ей все равно никто не поверит. Тони попыталась найти понимание у матери, но та обвинила дочь во лжи и потребовала не позорить семью. Тогда ежедневное насилие стало нормой. Год за годом отец издевался над собственной дочерью. «Семейный секрет» раскрылся, когда, забеременев, 14-летняя Тони вынуждена была сделать аборт, который едва не стоил ей жизни.

И тогда девочку отвергла не только мать, но и родственники, учителя, друзья, знакомые, соседи. Строить свою новую жизнь Тони пришлось в одиночку, рассчитывая только на себя...

-
- [Тони Магуайр](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Эпилог](#)
-

Тони Магуайр

Только не говори маме. История одного предательства

КЭРОЛАЙН

...которая открыла передо мною дверь и вдохновила сделать первый шаг

Особая благодарность Элисон, Джерри и Гари, которые так обогатили мою жизнь.

Большое спасибо моему агенту, Барбаре Леви, за терпение и лучшую в мире китайскую кухню.

Спасибо и тебе, Мейвис Чик, за веселые и остроумные книги, которые скрасили мои ночи, проведенные у постели больной матери.

Глава 1

Дом на тихой окраине Белфаста ничем особенным не выделялся. Внушительное здание из красного кирпича стояло чуть в стороне от дороги в окружении живописных садов. Обычный дом для большой семьи. Номер на воротах подтвердил, что я прибыла по нужному адресу, который я на всякий случай еще раз сверила, заглянув в листок бумаги, зажатый в руке.

Не в силах больше оттягивать решающий момент, я подняла свой чемодан, выгруженный таксистом на тротуар, прошла по дорожке к дому и толкнула дверь.

– Я – Тони Магуайр, – объявила я неформально одетой женщине за стойкой администратора. – Дочь Рут Магуайр.

Она с любопытством взглянула на меня:

– Да. Сегодня утром ваша мать сказала, что вы приезжаете. А мы и не знали, что у нее есть дочь.

«Сомневаюсь, что вы не знали», – подумала я.

– Пойдемте, я проведу вас к ней. Она вас ждет.

Бодрым шагом она двинулась по коридору к уютной четырехместной палате, где лежала моя мать. Я проследовала за ней, стараясь не выказывать волнения.

Четыре пожилые дамы полулежали в креслах, выставленных перед их прикроватными шкафчиками. Три шкафчика были украшены фотографиями любимых и близких, в то время как четвертый, принадлежащий моей матери, был голый. Уже знакомая боль кольнула меня. Даже ни одной моей детской фотографии.

Она сидела в кресле, с одеялом на коленях, приподняв ноги на подножку. Это была уже не та крепкая женщина, которая еще год назад, во время моего прошлого приезда в Ирландию, выглядела лет на десять моложе своего возраста. Теперь на меня смотрела ссохшаяся немощная старушка, явно безнадежно больная.

Темно-зеленые глаза, которые так часто полыхали гневом, наполнились слезами, когда она протянула ко мне руки. Уронив свои вещи на пол, я кинулась в ее объятия. Впервые за многие годы мы с матерью обнимали друг друга, и моя любовь, дремавшая все это время, пробудилась и вспыхнула с новой силой.

– Ты приехала, Тони, – пробормотала она.

– Я бы и раньше приехала, если бы ты попросила, – тихо ответила я, с

ужасом ощупывая ее костлявые плечи.

В палату вошла медсестра и плотнее укутала ноги матери одеялом. Обернувшись ко мне, она вежливо поинтересовалась, как я добралась из Лондона.

– Неплохо, – сказала я. – Всего три часа от двери до двери.

Я с благодарностью приняла чашку чая, которую протянула мне медсестра, и устала в нее, пытаясь собраться с силами, чтобы не выдать шока, в который меня повергло состояние матери. Я знала, что однажды ее уже госпитализировали в хоспис для мониторинга болевого синдрома, как знала и то, что на этот раз она отсюда не выйдет.

Осведомленный о моем приезде, лечащий врач зашел в палату. Это был жизнерадостный молодой человек приятной наружности, с широкой улыбкой.

– Рут, – спросил он, – ты счастлива теперь, когда к тебе приехала дочь?

– Очень счастлива, – ответила мать со свойственной ей интонацией леди, безучастной, как если бы она комментировала погоду.

Когда врач повернулся ко мне, я увидела в его глазах то же выражение любопытства, что промелькнуло во взгляде администратора.

– Могу я называть вас Тони? – спросил он. – Так называет вас ваша мать.

– Конечно.

– Я бы хотел сказать вам два слова, когда вы закончите с чаем. Зайдите ко мне в кабинет. Медсестра покажет, куда пройти.

Ободряюще улыбнувшись матери, он вышел из палаты.

Намеренно оттягивая визит к врачу, который не обещал ничего хорошего, я медленно пила чай.

Войдя в кабинет, я с удивлением обнаружила там еще одного мужчину, сидящего рядом с врачом, неформально одетого, лишь белый пасторский воротничок выдавал род его занятий. Я присела на единственный свободный стул, посмотрела на врача как можно более бесстрастно и приготовилась выслушать его. Как только он начал мягко излагать ситуацию, мое сердце сжалось. Я поняла, что от меня ждут ответов, которые мне как раз не хотелось давать, ведь для этого пришлось бы впустить их в свои воспоминания, где до сих пор витал призрак моего детства.

– У нас есть проблемы с лечением вашей матери, и мы надеялись, что вы прольете свет на некоторые обстоятельства, которые могут спровоцировать ухудшение ее состояния. Дело в том, что обезболивающий курс не приносит ощутимых результатов. И, откровенно говоря, она уже

принимает максимальную дозу, превысить которую мы не имеем права. – Врач сделал паузу, ожидая моей реакции, и, не дождавшись, продолжил: – В дневное время она ведет себя адекватно по отношению к персоналу, позволяет вывезти себя в кафетерий, выказывает интерес к собственной внешности, демонстрирует хороший аппетит. Но вот по ночам возникают проблемы.

Он снова замолчал, а я по-прежнему сохраняла нейтральное выражение лица, все еще не готовая сбросить эту маску. Вскоре он продолжил, но уже с меньшей долей уверенности:

– У вашей матери очень тревожный сон. Она просыпается утомленной и измученной, с приступами сильной боли, чего быть не должно. Такое впечатление, что ее организм противостоит лечению.

О, эти ночные кошмары, подумала я. Как мне знакомо это состояние, когда ты не можешь управлять своими мыслями, и самые темные воспоминания рвутся наружу, заставляя просыпаться с ощущением отчаяния, злости, страха и даже вины. Меня спасало лишь то, что я могла встать с постели, приготовить себе чашку чая, почитать или послушать музыку. Но мать, в своем нынешнем состоянии, была совершенно беспомощна перед лицом этих мрачных призраков.

– Она уже дважды просила медсестру позвать священника. Но, – врач повернулся к сидевшему рядом мужчине, – мой друг говорит, что к тому времени, как он приезжал, она уже меняла свое решение и не хотела с ним разговаривать.

Священник кивнул головой в подтверждение его слов, и я почувствовала, как две пары глаз пытаются отыскать в моем лице какие-то ответы; на этот раз молчание прервал священник, который перегнулся через стол и задал следующий вопрос:

– Тони, вам есть что сказать нам, что могло бы помочь вашей матери?

В его лице я увидела неподдельное участие и, тщательно подбирая слова, начала говорить:

– Думаю, я понимаю, в чем причина беспокойного сна моей матери. Она верует в Бога. Она знает, что осталось совсем мало времени до встречи с Ним, и очень боится смерти. Я хочу ей помочь, но вряд ли у меня что-то получится. Надеюсь, ради ее же блага, что она найдет в себе силы поговорить с вами.

Врач выглядел озадаченным:

– Вы хотите сказать, что вашу мать мучает совесть?

Я подумала о том, как много в ее прошлом грехов, в которых стоило бы раскаяться. Не они ли теперь преследуют ее? Я изо всех сил старалась,

чтобы мои мысли не отразились на лице, но почувствовала, что легкий вздох все-таки сорвался с губ вместе с ответом:

– Должно быть, так. Скорее всего, что так. Но я не уверена в том, что она когда-нибудь признается в своих ошибках. Во всяком случае, раньше за ней такого не замечалось.

Врач встревожился:

– Что ж, это определенно влияет на болевой синдром. Когда сознание пациента находится в таком взволнованном состоянии, как у вашей матери, лекарство не может полностью проявить свой эффект.

– В таком случае вам просто придется более тщательно следить за ее состоянием, – ответила я, возможно, чуть более резко, чем следовало бы, но это лишь от собственной беспомощности.

С этим я и вернулась в палату к матери. Стоило мне переступить порог, как ее взгляд уже не отпускал меня.

– Что хотел доктор? – спросила она.

Зная о том, что ей самой все известно, я в упор посмотрела на нее.

– Мне сказали, что ты дважды вызывала среди ночи священника и находилась в сильном стрессе... – И тут я снова спасовала, как всегда: – Но теперь все волнения позади, не так ли?

Детская привычка беспрекословно подчиняться ее железному правилу «разговор окончен» прочно сидела во мне.

Остаток того первого утра она провела в слезах. Я знала, что это обычное дело у безнадежно больных, но сердце все равно разрывалось на части. Я нежно вытирала ей слезы, вспоминая те дни, когда она делала то же самое мне, маленькой девочке. Давно уже она не была такой нежной: ей все время хотелось держать мою руку, говорить со мной, вспоминать счастливые времена. Я смотрела на нее, старушку, чьи дни были сочтены и не сулили спокойного ухода из жизни, и понимала, как сильно она нуждается во мне.

– Ты надолго останешься? – спросила она.

– Я буду рядом, пока нужна тебе, – ответила я как можно более беспечно, стараясь скрыть то, что хотела сказать.

Моя мать, всегда умевшая читать мои мысли, улыбнулась. Меня вдруг пронзила боль воспоминаний о том времени, когда она была молодой и мы были так близки. В душе шевельнулось забытое чувство любви.

– Я не знаю, сколько это продлится, – устало улыбнулась она. – Но не думаю, что очень долго. – Она сделала паузу, посмотрела на меня и спросила: – Ты приехала только потому, что я умираю?

Я сжала ее руку, нежно потерла большим пальцем:

– Я приехала, потому что ты попросила об этом. Я бы приехала и раньше, по первому твоему зову. И конечно, я приехала, чтобы помочь тебе умереть в мире, потому что только я могу это сделать.

Я надеялась, что у нее хватит мужества поговорить честно, и в тот момент я поверила в это. Притянув меня к себе, она сказала: – Знаешь, Тони, дни, когда ты была совсем маленькой, были самыми счастливыми в моей жизни. Я помню их так, будто это было вчера. Когда ты родилась, я, двадцатидевятилетняя, сидела на больничной койке и так гордилась тем, что смогла произвести тебя на свет. Ты была таким маленьким ангелочком. Меня переполняла любовь к тебе. Я хотела все время держать тебя на руках. Ухаживать за тобой, защищать. Я хотела хорошей жизни для тебя. Любовь и нежность – вот что я тогда испытывала.

Комок застрял у меня в горле, стоило мне вспомнить те давние годы, когда я купалась в ее любви. Тогда она нянчилась со мной, играла, читала сказки, укладывала спать; ее запах я вдыхала всякий раз, когда она склонялась надо мной, чтобы поцеловать на ночь.

Детский голос зазвучал в моей памяти, пока его не прервал предательский шепот:

«Куда исчезла эта любовь, Тони? Сегодня твой день рождения. Она говорит, что помнит, когда ты родилась. Говорит о том, как любила тебя тогда. Так почему же спустя четырнадцать лет она едва не отправила тебя на тот свет? Неужели она этого не помнит? И думает, что не помнишь и ты? Неужели она действительно вычеркнула это из своей памяти? А ты?»

Я закрылась от этого внутреннего голоса, велела ему замолчать. Я хотела, чтобы воспоминания оставались под замком, как все эти тридцать лет, чтобы они никогда не будоражили мою душу. Так было все эти годы, разве что в кошмарных снах ледяные щупальца прошлого все-таки прорывались наружу и щекотали подсознание, воспроизводя смутные картинки далекого детства, пока я не просыпалась, чтобы загнать их обратно.

В тот же день я вывезла ее на прогулку в инвалидной коляске. Она всегда любила ухаживать за садом; иногда мне казалось, что материнские инстинкты, которые она давно перестала испытывать по отношению ко мне, перекинулись на цветы.

Она просила меня останавливаться у разных растений и кустарников, вспоминала их названия. В какой-то момент она печально пробормотала, обращаясь, скорее, к себе, чем ко мне:

– Больше я уже никогда не увижу свой сад.

Я вспомнила, как навещала мать в самом начале ее болезни. Я поехала

в Северную Ирландию с подругой. Воспользовавшись тем, что отца не было дома – он ушел на целый день играть в гольф, – я заехала к матери. Она с гордостью показывала мне фотографии сада, каким он был до того, как она начала его облагораживать, – заросший бурьяном, без единого, пусть даже дикого, цветка.

Она водила меня по саду и что-то показывала, а я невольно улыбалась. Дело в том, что на День матери и ко дню рождения я всегда присылала ей корзины с саженцами. И вот она демонстрировала мне, какие удачные композиции ей удалось создать, рассадив их в свою эклектичную коллекцию контейнеров из труб, старых кухонных раковин, глиняных горшков и шлангов, расцветив буйством красок патио, которое она сама спроектировала.

В тот день она тоже перечисляла мне названия цветов и кустарников.

– Это моя любимица, будлея, – говорила она. – Но мне больше нравится ее прозвище бабочкин куст.

И, словно оправдывая это более популярное название, целое облако бабочек опустилось на темно-пурпурный куст, и их крылышки заискрились в послеполуденном солнце. С соседней клумбы доносился головокружительный аромат роз с лепестками самых разных оттенков – от сливочного до ярко-розового и карминного. Рядом росли ее любимые лилии. А чуть дальше – дикие цветы вперемешку с культурными.

– Если цветок симпатичный, то он уже не сорняк, – смеялась она.

По саду тянулись выложенные гравием дорожки, проволочные арки были увиты жасмином и жимолостью, которые добавляли воздуху свои ароматы. В траве, у подножия одной из арок, притаилась компания гномиков.

– Мои маленькие чудачества, – назвала их она.

В тот день она выглядела такой счастливой и умиротворенной, что этот образ мне захотелось сохранить в фотоальбоме моей памяти, при желании доставать его оттуда и наслаждаться.

На следующий день я поехала в садоводческий центр, купила для нее беседку и организовала доставку.

– Чтобы ты при любой погоде могла любоваться своим садом, – сказала я, зная, что любоваться садом ей осталось не больше одного лета.

Матери удалось создать настоящий английский сад в Северной Ирландии, стране, которую она никогда не воспринимала как свою родину, где чувствовала себя чужой.

Я снова извлекла из памяти тот образ и прониклась такой жалостью к ней, моей одинокой бедной матери, которая соткала свою жизнь из

фантазий, ставших для нее реальностью. Я была счастлива оттого, что нахожусь рядом с ней в этом хосписе, несмотря на всю ее немощность. Ведь я могла наконец побыть наедине с ней какое-то время – время, ускользающее с каждой минутой.

В тот вечер я помогла ей лечь в постель, расчесала ее волосы и поцеловала в лоб.

– Я посплю в кресле рядом с твоей постелью, – сказала я. – Я буду рядом.

После того как медсестра выдала снотворное, я взяла мать за руку, теперь такую маленькую и слабую. Кожа, исчерченная голубыми венами, казалась почти прозрачной. Кто-то сделал ей маникюр, придав ногтям овальную форму, отполировав их и покрыв нежно-розовым лаком. Это были совсем не те ногти с вьезшейся землей, которые запомнились мне со времени нашей последней встречи.

Когда мать заснула, я взяла книгу Мейвис Чик и вышла с ней в холл. Мне было очень горько от сознания того, что мать, которую я когда-то так любила, умирает; пусть она принесла мне много горя, но я жалела ее, так никогда и не испытавшую счастья. Мне безумно не хватало ее любви, которую довелось почувствовать разве что в раннем детстве.

В ту ночь книга так и осталась нераскрытой – меня поглотили воспоминания, которым я дала волю. Мои мысли вернулись к тем далеким дням, проведенным с ней, когда я чувствовала себя любимой, защищенной и обласканной. Эти дни всегда были солнечными в моей памяти, а потом пришла темнота.

Малышка Антуанетта явилась мне в полуночной темноте, когда сон еще не овладел сознанием. В серых призрачных одеждах, она склонилась ко мне свое личико цвета слоновой кости.

– Тони, – прошептала она, – почему ты так и не позволила мне стать взрослой?

– Оставь меня в покое, – беззвучно прокричала я, призывая на помощь все свои душевные силы, чтобы оттолкнуть ее.

Мои глаза открылись, и теперь лишь пыльные мушки плясали в воздухе, но стоило мне прикоснуться руками к своему лицу, как они тут же стали влажными от детских слез на взрослых щеках.

– Тони, – прошептала она, – позволь мне рассказать тебе, что же произошло на самом деле. Время пришло.

Я знала, что Антуанетта уже проснулась и теперь мне не удастся загнать ее в то дремотное состояние, в котором она пребывала все эти годы. Закрывая глаза, я впустила к себе ее шепот, чтобы он наконец рассказал

нашу историю.

Глава 2

Мои первые воспоминания связаны с тем периодом, когда мы с матерью жили в домике с садом в Кенте, где моя миниатюрная бабушка была частой и желанной гостьей. Едва услышав ее голос, звавший: «Антуанетта, где ты?», как будто она искала меня, я бросала все свои дела и мчалась к ней навстречу, чтобы оказаться в ее теплых объятиях.

У нее был особенный запах – смесь пудры и ландышей, – и в будущем он неизменно вызывал в моей памяти воспоминания о ней. Вместе с этим ароматом я вдыхала любовь, которая связывала нас с бабушкой.

В солнечные дни она предлагала прогуляться по главной улице Тентердон, и мы обязательно заходили в уютную чайную с дубовыми балками под потолком. Перед прогулкой меня переодевали в чистое платье, мыли мне лицо и руки, расчесывали волосы, чтобы я выглядела достойно.

Бабушка надевала туфли на высоких каблуках, брала сумочку в тон, мама красила губы яркой помадой, припудривала нос, и мы втроем выходили в город.

Официантка в черно-белой униформе провожала нас к столику, и бабушка заказывала послеполуденный чай. Блинчики с джемом и кремом, за которыми следовало розово-желтое мороженое, я запивала соком, а взрослые пили чай.

Моя мать, в платье с квадратным вырезом, с непокрытой головой, весело болтала с бабушкой, которая всегда, независимо от погоды, прятала свои огненно-рыжие волосы под шляпкой. Дамы ее возраста в цветастых платьях, соломенных шляпках или таблетках с улыбкой приветствовали ее, непременно отмечая, как я выросла, комментировали погоду, что мне, ребенку, казалось излюбленной темой разговоров у взрослых.

Среди других особенных событий я выделяла визиты к миссис Триветт, старой школьной подруге моей бабушки, которая, к моему восторгу, готовила изумительные сладости в своем крохотном черно-белом коттедже. Ее сад размером с почтовую марку был заполнен темно-розовыми гортензиями, их пышные кружевные шапки нависали над низкой кирпичной оградой и кивали под порывами ветра. Особенно меня завораживали два гномика с удочками в руках, которые сидели под кустом. Возможно, именно от миссис Триветт передалась моей матери любовь к этим садовым фигуркам.

Бабушка стучала отполированным молоточком по черной двери, и

миссис Триветт, в пышном фартуке, открывала ее, выпуская наружу теплый аромат кипящей сладкой смеси, из которой потом получались столь любимые мною конфеты.

Провожая меня на кухню, она показывала, как делаются конфеты. Жирные полоски черно-белой сладкой тянучки подвешивали к крюку, затем вытягивали, пока они не утраивались в длине. После этого миссис Триветт снимала полоски с крюка, некоторые нарезала маленькими кубиками, другие – кусочками покрупнее, скручивая их в пастилки.

Завороженная, я наблюдала за ее работой, а мои щеки раздувались от образцов, которые миссис Триветт разрешала мне скатать самостоятельно и испробовать на вкус. Когда последняя капля сахарного сиропа проскальзывала в горло, я затевала игру, в которую мы играли каждый раз.

– Миссис Триветт, а из чего сделаны маленькие девочки?

Меня никогда не утомлял ее извечный ответ:

– Антуанетта, ну сколько раз тебе повторять? Конечно, из сахара и ванили и из всего самого вкусного!

Я заливалась счастливым смехом, и она награждала меня очередной конфетой.

А в другие дни мама показывала мне игры, в которые сама играла ребенком; эти игры переходили из поколения в поколение. Мы наряжали кукол, лепили из грязи пирожки с помощью маленького ведерка и лопатки. Но больше всего мне нравилось играть с чайным сервизом, который мне подарила бабушка. Сначала я выставляла на салфетку крохотные чашки с блюдцами, за ними чайник и миниатюрный молочник. Потом аккуратно ставила в ряд тарелки. Когда сервировка была закончена, в ход шли маленькие камешки или цветы, служившие сэндвичами и пирожными, которые я подавала своим взрослым компаньонам по игре или куклам. Я разливала импровизированный чай по чашкам, передавая их по кругу, вытирала куклам личики, смахивая невидимые крошки.

Моя мама не только успевала играть со мной в свои детские игры, но и любила одевать меня в красивые наряды, многие из которых шила сама, украшая их пышными оборками по моде того времени.

Сохранилась профессиональная фотография, на которой я, трехлетняя, позировала в шитом мамой платье в полоску, с белой оборкой. Я сидела, сложив свои пухлые ножки одна на другую, и уверенно улыбалась в камеру. Выглядела я ребенком, обласканным любовью, и я знала, что так оно и было.

Однажды мама привела меня на конкурс «Мисс Перз», и, к ее великой радости, я заняла второе место. Маленькая фотография в рамке заняла

почетное место на каминной полке.

Но тем счастливым дням, когда мы были семьей из двух человек, пришел конец. Я столько лет мечтала о том, чтобы они вернулись, и вот, спустя годы, это произошло, но радости не принесло.

Мой отец после войны несколько лет оставался в армии и лишь навещал нас время от времени, привнося в наш быт сумятицу и волнение. Мне он казался, скорее, важным гостем, а не родителем. За несколько дней до его приезда в доме начиналась генеральная уборка, перетряхивали подушки, полировали мебель, натирали полы. Дом наполнялся ароматами выпечки – пекли его любимые печенье и торты, – а в долгожданный день его приезда мама наряжала меня и сама надевала свое самое красивое платье. Нетерпеливо выглядывая в окно, мы ждали, когда откроется калитка и раздастся громкий голос отца, и тогда мать спешила к двери и бросалась в его распростертые объятия.

Отец в то время производил на меня впечатление большого красивого мужчины, повергавшего мою мать в счастливый смех, от которого ее лицо заливалось румянцем. Его приезд всегда сопровождался подарками в виде шелковых чулок для матери и шоколада для меня. Мать терпеливо разворачивала свои подарки, бережно складывая бумагу для дальнейшего использования, а я с восторженными криками срывала упаковку со своего шоколада. Он, великодушный гость, садился в самое удобное кресло и с улыбкой наблюдал за нами.

На мой четвертый день рождения под сорванной упаковкой объемного свертка обнаружился большой, красный плюшевый слон. Взяв его в руки, я подумала, что он куда красивее всех моих кукол. Я назвала его Джамбо и в течение нескольких месяцев отказывалась выпускать из рук. Держа Джамбо за хобот, я таскала его по дому, настаивая на том, чтобы он спал в моей постели и ходил со мной в гости.

Спустя несколько месяцев после того дня рождения отец объявил, что его тянет к гражданской жизни. Он сказал, что хочет проводить больше времени с женой и дочерью. Когда мать услышала эти слова, лицо ее вспыхнуло радостью, и следующие несколько недель я чувствовала, как она возбуждена в предвкушении его возвращения, на этот раз окончательного.

О дне приезда отца я догадалась по запаху выпечки и особенно усердной уборке дома, но прошло еще три дня, прежде чем он наконец приехал. На этот раз подарков после громогласного приветствия не последовало, и за считанные часы беспечная атмосфера, царившая в нашем доме, исчезла навсегда. Началось нарастание напряженности.

После того как меня уложили спать в обнимку с любимым слоником, в

мой сон ворвались звуки первой ссоры между родителями. Я ощутила беспокойство. До сих пор мне еще не доводилось слышать таких злых голосов. Я крепче прижала к себе Джамбо, надеясь, что ссора вот-вот утихнет, и вскоре снова провалилась в тревожный сон.

Уже гораздо позже мать объяснила мне, что ссорились они из-за того, что отец пил и играл в карты. Я тогда не понимала истинных причин, но мне было некомфортно. Демобилизовавшись из армии с выходным пособием, отец еще до возвращения домой просадил все деньги за покерным столом, и надежды матери на покупку дома, который она могла бы превратить в настоящий семейный очаг, рухнули. Из того, что рассказала мать в одной из наших редких доверительных бесед, мне стало ясно, что это было лишь первое разочарование из череды грядущих.

Моя мать поняла, что с ребенком на руках и без финансовой опоры ее мечты о собственном доме если и сбудутся, то только при условии, что она сама начнет работать. Но и здесь возникли проблемы. Мало того что в послевоенные годы женщинам трудно было рассчитывать на приличный заработок, рабочих мест вообще осталось крайне мало. Солдаты-победители, задержавшиеся в армии для восстановления разрушенной Германии, возвращались домой, где их ждали массовая безработица, убогие жилищные условия и карточная система. С мрачной решимостью, которая была неотъемлемой чертой ее характера, мать упорно не желала признавать поражение, и вскоре ее настойчивость была вознаграждена. Она нашла работу ночного кассира в гараже, в нескольких милях от нашего дома, и маленькую темную квартиру с освобождением от арендной платы.

Отцу тоже нелегко оказалось устроиться на работу. Хотя он был квалифицированным механиком, единственное, что ему удалось найти, так это место на фабрике, и тоже в ночную смену. Поскольку других предложений не было, он согласился.

Наша жизнь в корне изменилась: теперь каждое утро отец возвращался домой, ворча на усталость, и сразу шел спать, а мать, на плечах которой лежали и дом, и уход за ребенком, спала урывками, лишь когда выпадала свободная минутка.

Хотя бабушка иногда все-таки выводила меня на прогулку, ее визиты становились все более редкими, а дни, когда мы оставались с матерью вдвоем, ушли в прошлое. Я просыпалась в нашей маленькой квартирке, прижимала к себе Джамбо, словно искала в нем опору, и шла искать маму. Не найдя ее дома, я брела в гараж, прямо в пижаме, чтобы побыть с ней. Она никогда не сердилась на меня, просто подхватывала на руки мое еще сонное тельце, смеялась, а потом несла обратно в квартиру и укладывала в

постель.

За несколько месяцев до моего пятого дня рождения мы снова переехали, на этот раз в маленький дом с террасой и садом. Отец как раз получил повышение, что означало постоянную работу с более высоким заработком и в дневное время. Ночные смены были слишком утомительны для матери, и теперь, впервые после возвращения мужа, она почувствовала, что может стать полноценной домохозяйкой.

В ночь перед днем рождения я никак не могла уснуть – все гадала, что мне подарят. Уже целую неделю я умоляла маму рассказать о подарке. Не склоняясь на мои мольбы, она лишь смеялась и говорила, что мне следует умерить любопытство и дождаться дня рождения.

Проснувшись рано утром, я бросилась вниз по лестнице, вспоминая, как годом раньше появился Джамбо, и оглядела гостиную. Но ничего не увидела. Заметив разочарование на моем лице, мама сказала, что мы пойдем в гости и там мне вручат подарок.

Я наспех проглотила завтрак, меня одели в пальто, и вот мы с мамой, держась за руки, двинулись к автобусной остановке. Красный двухэтажный автобус довез нас до соседней деревни, в нескольких милях от нашего дома. Выйдя из автобуса, мы прошли к дому, которого я никогда прежде не видела. Я была озадачена. Все никак не могла себе представить, что за подарок ждет меня. Подарки, насколько я знала, обычно покупались в магазинах.

Мать постучала в дверь, и я услышала залиvistый лай собак. Волнение нарастало. Джамбо, все еще любимый, постепенно стал отходить на второй план. Уже давно мне больше всего на свете хотелось иметь собственного щенка. Неужели, думала я, сегодня сбудется моя мечта?

Маленькая, пухлая, седая женщина открыла дверь. Возле ее ног крутились несколько черно-рыжих терьеров, они виляли хвостиками, подпрыгивали, приветствуя нас. Пытаясь успокоить собак, она быстро провела нас в большую кухню. Я еще больше разволновалась, когда увидела прямо перед плитой корзину со спящими щенками. А возле нее плюшевое маленькое создание – с черными и рыжими отметинами и яркими жизнерадостными глазками, оно пыталось устоять на еще дрожащих лапках, обнюхивая воздух черной пуговкой носа.

Прежде чем моя мать успела попросить женщину показать нам остальных щенков, я бросилась к этому смельчаку и опустилась на колени. Я сразу поняла, что он хочет быть моим. Взяв щенка на руки, вдыхая его теплый запах, чувствуя прикосновение его шершавого красного языка к своим щекам, я поняла, что мы уже неразлучны; он стал лучшим другом

моего детства.

– Тебе этот больше всех понравился? – спросила мать.

Мое счастливое лицо было ответом.

– Тогда он твой. Это подарок ко дню рождения.

Я едва не захлебнулась от восторга, когда поняла, что сбылась моя самая большая мечта. Я поцеловала щенка в макушку черно-рыжей плюшевой головки, и это проявление материнской любви пятилетней девочкой означало, что щенок мой.

– Как ты назовешь собаку? – спросила мама.

В моей памяти сразу возникло еще одно маленькое существо, запавшее мне в душу в тот волшебный день, когда я ездила на побережье. Мы с бабушкой тогда отправились на поезде в городок Рамсгейт на Кентском побережье. Сжимая в руке большой рожок с мороженым, я смотрела на сидевших кружком смеющихся детей. Их взгляды были устремлены на что-то, мне не видимое. Нетерпеливо дергая бабушку за руку, я увлекала ее вперед, неотрывно глядя в ту же сторону, что и дети, пока в поле моего зрения не возникли фигурки Панча и Джуди. Забытое мороженое таяло и стекало по моей руке, а я стояла как вкопанная, замороженная кукольным представлением. Увидев, что Панч набросился на Джуди, я засвистела, а потом вместе с другими ребятами издала восторженный вопль, когда Джуди нанесла ответный удар. Даже после того, как кукольник вышел на поклон со своими фигурками, тайна его миниатюрных персонажей осталась для меня нераскрытой, и моя терпеливая бабушка подверглась шквалу вопросов.

– Я назову ее Джуди, – ответила я.

Тот день рождения навсегда остался в моей памяти самым счастливым воспоминанием о детстве.

Мама записала меня в маленькую частную школу. Каждое утро она отводила меня на занятия, а днем ждала у школьных ворот с неизменной теплой улыбкой. Я чувствовала себя очень взрослой в школьной форме, с карандашами, ластиком и первыми учебниками, тщательно уложенными в холщовый рюкзак, который я носила на плече. Хотя мне и нравилась учеба, все время в школе я проводила в волнении, постоянно думая о Джуди, и с нетерпением ждала последнего звонка. Я наспех проглатывала молоко и сэндвичи, которые мне давали дома, после того как я снимала темно-синюю школьную форму. И только потом мне разрешали пойти на улицу и часок поиграть с Джуди в мяч. Когда мама решала, что мы обе сожгли уже достаточно энергии и пора утомиться, она открывала дверь кухни и звала нас домой. Из рюкзака я доставала либо книгу для чтения, чтобы каждый

день учить новые слова, либо книгу-считалку. Я занималась за столом, в то время как мать готовила ужин, а Джуди, обессиленная, лежала у моих ног.

На Рождество, когда Джуди превратилась из щенка в маленькую собачку, я на сэкономленные деньги купила ей модный красный поводок с ошейником в тон. Теперь, закутанная в теплое зимнее пальто, я гордо выводила Джуди на прогулку, и она резвилась у меня в ногах, а я светилась от радости, когда кто-нибудь из прохожих останавливался, чтобы полюбоваться ею. Счастье стало полным, когда бабушка возобновила свои визиты к нам. Никто так и не объяснил, почему в свое время она перестала приезжать. Спустя годы она призналась мне, что ее возмущало то, что мы живем над гаражом, к тому же она никогда не любила моего отца и не считала его хорошей партией для своей дочери. Хотя к тому времени я была более чем согласна с ней, говорить что-либо было слишком поздно.

Она, как и я, обожала Джуди, которая всегда восторженно приветствовала ее. Бабушка брала собачку на руки, щекотала ей брюшко, за что Джуди облизывала своим язычком ее напудренное лицо.

Приезды бабушки неизменно сопровождались подарками. В основном она дарила книги, которые, если мама была занята, обязательно читала мне.

Когда в феврале родители сообщили о предстоящем переезде в Северную Ирландию, откуда был родом отец, мою радость омрачила лишь мысль о том, что отныне я не смогу так часто видеться с бабушкой. Впрочем, ее бесконечные заверения в том, что она будет приезжать часто, рассеяли мои страхи.

Как бы то ни было, прошло шесть лет, прежде чем я снова увиделась с ней.

Мы регулярно писали ей письма, причем не раскрывая правды о нашей семейной жизни. Она никогда не забывала поздравлять с днем рождения и Рождеством, но долгожданное письмо о том, что она приезжает, так и не пришло. Тогда я и не подозревала, какие только отговорки не придумывала моя мать, чтобы отделаться от визитов бабушки. Со временем ее образ потускнел в моей памяти, и я вспоминала ее лишь как человека, который когда-то любил меня.

Глава 3

Три жалких деревянных ящика и один чемодан стояли на полу нашей гостиной, в них умещалось все нажитое в браке имущество. В последующие десять лет на моих глазах их много раз упаковывали и распаковывали, пока они не превратились в символ поверженного оптимизма. Однако в мои пять с половиной лет они еще ассоциировались с началом увлекательного путешествия. Накануне вечером мать торжественно захлопнула крышку последнего ящика, и, когда за ними приехал грузовик, я поняла, что наша поездка начинается.

Отец, уехавший в Северную Ирландию несколькими неделями раньше, чтобы подыскать жилье, наконец прислал за нами. Его долгожданное письмо пришло неделю назад, и с тех пор мать постоянно зачитывала мне выдержки из него. Она с энтузиазмом объявила, что отец подыскал для нас дом в сельской местности. Однако сначала нужно было навестить его родителей, которые с нетерпением ждали нашего приезда. Мы должны были погостить у них пару недель, пока не придут наши ящики и мебель, после чего нам предстояло отправиться в свой новый дом.

Мать снова и снова уверяла меня в том, что Ирландия мне очень понравится, что жизнь там будет счастливая и я буду рада встрече со своими новыми родственниками. Она с восторгом строила планы на будущее; нам предстояло жить на ферме, где можно было разводить птицу и выращивать свои овощи. Я уже представляла себе пушистых желтых цыплят, трогательных, как с пасхальной открытки, и заряжалась ее энтузиазмом. Я вслушивалась в отрывки из отцовского письма, где он писал о моих двоюродных братьях и сестрах, о нашем домике и о том, как он скучает без нас. Радость матери была заразительна, когда она описывала будущую идиллию.

Грузовик увез наши ящики и мебель, и я оглядела пустые комнаты со смешанным чувством: грустно было покидать знакомые стены и радостно в предвкушении переезда в новую страну.

Мать подхватила ручную кладь, я взяла Джуди на поводок, и мы отправились в двадцатичетырехчасовое путешествие. Но то, что мне казалось увлекательной авантюрой, для матери было суровой пыткой. Ей предстояло следить не только за багажом и мною, но еще и за Джуди, которая к тому времени выросла в шустрого терьера с яркими глазками.

Автобус довез нас до железнодорожной станции, где было много

цветочных лотков и дружелюбных носильщиков. Мы сели на поезд до Миддендз, где сделали пересадку до Кру. Я сидела в купе и смотрела, как поднимается в облака паровозный дым, вслушивалась в стук колес, и мне казалось, будто они отбивают: «Мы едем в Северную Ирландию, мы едем в Северную Ирландию».

Я едва могла усидеть на месте, но волнение не сказалось на моем аппетите. Заботясь о нашем бюджете, мать заранее упаковала продукты в дорогу. И вот теперь, развернув коричневую бумагу, я обнаружила сэндвичи с отварной говядиной и яйцо вкрутую, которое очистила и съела, глядя в окно. Затем мне досталось сочное яблоко, а мать налила себе чай из термоса. В отдельном пакете лежали объедки для Джуди, бутылочка воды и маленькая пластмассовая миска. Собака съела все до крошки, благодарно облизала мне пальцы, свернулась клубком в ногах и уснула. После того как мы поели, мама взяла влажную салфетку из другого пакетика, вытерла мне лицо и руки, а потом достала позолоченную пудреницу и быстро пробежалась пуховкой по своему носу и подбородку. Поджав губы, она покрасила их своей любимой темно-красной помадой.

Станция Кру оказалась большой и шумной, грязной и тускло освещенной, совсем не похожей на сияющие свежей штукатуркой вокзалы Кента. Мама укутала меня в шерстяное пальто, дала мне в руку поводок с Джуди, после чего занялась нашим багажом.

Согласованный с расписанием паромов поезд Кру – Ливерпуль был забит счастливыми пассажирами, пребывающими в отпускном настроении, многие из них были военными, которые ехали домой на побывку. Недостатка в помощниках не было, и десятки рук потянулись к нашим сумкам, чтобы поставить их на верхнюю полку. Джуди получила множество комплиментов и дружеских похлопываний, и мне это было приятно. Моей миловидной матери, с темными волосами до плеч и изящной фигуркой, пришлось объяснять не одному военному, что ее встречает муж в Белфасте.

Достав свои книжки-раскраски и карандаши, не желая упускать ни минутки, я отчаянно пыталась не смыкать глаз, но безуспешно. Через час меня сморил сон.

К тому времени, как я проснулась, мы уже прибыли в Ливерпуль. Сквозь клубы дыма я наконец разглядела наш паром – серую громадину, возвышавшуюся над нашими головами. Тень от нее накрывала толпы пассажиров, которые, нагруженные своим багажом, ринулись к причалу. Уличные фонари тускло освещали маслянистую воду под мерно раскачивающимися лодками. До сих пор мне доводилось видеть лишь

рыболовецкие суденышки в Рамсгейте, так что мне даже в голову не приходило, что мы можем путешествовать на таком огромном судне. Крепко зажав в руке поводок Джуди, я прижалась к матери, и мы вместе поспешили в хвост очереди, выстроившейся у трапа.

Все те же руки добровольных помощников помогли нам забраться на борт, где стюард в белом кителе проводил нас до скромной каюты второго класса, обставленной деревянным стулом, одной койкой и маленьким умывальником.

– Что, мы вдвоем будем спать здесь? – удивленно воскликнула я.

Стюард потрепал мои волосы и рассмеялся:

– Конечно, ты ведь не такая большая!

В ту ночь я прижалась к матери, и качка так меня убаюкала, что я проспала все двенадцать часов пути. Я даже не испытала морской болезни, которая, как сказал стюард, принесший нам утренний чай с тостами, скосила многих пассажиров.

Мы прибыли в Белфаст перед рассветом и снова встали в очередь, теперь уже чтобы сойти на берег. Пассажиры махали руками, перегибаясь через перила, но мне, слишком маленькой, приходилось сдерживать свое нетерпение. Как только паром окончательно причалил к берегу, опустили трап, и перед моими глазами предстал Белфаст.

Лучи восходящего солнца сверкали на влажной брусчатке пристани, по которой сновали маленькие пони с груженными багажом тележками. Встречающие обступили трап, на их лицах сияли широкие улыбки. Мой слух резанул грубый североирландский акцент приветствий, которыми обменивались родственники и друзья.

Все вокруг выглядело и звучало странно и непривычно, пока мы высматривали отца. Мы с мамой увидели его одновременно – он шел прямо на нас, широко улыбаясь. Он крепко обнял и поцеловал мать, потом подхватил меня на руки, закружил и звонко чмокнул в каждую щеку. Джуди с подозрением обнюхивала его ноги, и впервые ее хвостик не вилял.

Он говорил о том, как скучал без нас, как рад нашему приезду, с каким нетерпением все ждут встречи с нами. Подхватив наши чемоданы, он повел нас к машине.

Автомобиль, как сообщил отец, заговорщически подмигнув, он взял напрокат, чтобы облегчить нам финальный этап путешествия. Мать засветилась от удовольствия, услышав, что он не хотел утомлять ее поездкой на поезде до Коулрейна, теряя счастливые мгновения, которые можно было провести вместе.

Меня усадили на заднее сиденье, укутали теплым пледом, и так

начался наш последний переезд. Он держал мать за руку, и я слышала, как он говорил ей:

– Все будет совсем по-другому, вот увидишь, здесь мы будем счастливы. Антуанетте тоже будет хорошо, все-таки на свежем воздухе – не в городе.

Мать склонила головку ему на плечо, и он потерся об нее своей рыжеволосой головой. В тот день их счастье было по-настоящему осязаемым. Даже для меня, маленькой девочки, это было очевидно.

Впервые в жизни я почувствовала себя лишней. Все внимание отца было сосредоточено на матери. Я видела ее улыбки, на этот раз предназначенные не мне, и понимала, что родители поглощены друг другом. Смутная тревога, словно предупреждение о грядущих переменах, постепенно овладевала мной, пока я разглядывала проплывающие за окном пейзажи.

Передо мной появились ирландские горы цвета индиго, их вершины еще были спрятаны в утренней дымке. А по суровым равнинам были разбросаны приземистые серые домики, так не похожие на нарядные черно-белые, крытые соломой коттеджи Кента. На полях, разгороженных низкими каменными изгородями, овцы жались друг к другу в поисках тепла. Мы проезжали крохотные деревушки, где в одном из домов находился единственный на всю округу магазин. Свиньи, вокруг которых топтались тощие куры, умиротворенно валялись в грязных дворах одноэтажных ферм. Дети махали вслед нашей машине, и я махала им в ответ, поднося к окну Джуди, чтобы она тоже могла их видеть.

Решив, что Ирландия мне понравилась, я переключилась на мысли о своих ирландских родственниках. Хотя я и любила бабушку по материнской линии, оставшуюся в Англии, мне не терпелось познакомиться с новой родней. Еще до отъезда мама все пыталась описать их, но картинки у меня так и не сложилось. Насколько я знала, они видели меня еще в младенчестве, но я никого, разумеется, не помнила.

Поля сменились широкими дорогами с большими домами на живописных участках, а потом и рядами компактных домов с эркерами и палисадниками за аккуратно подстриженными изгородями. За ними потянулись дома ленточной застройки с бесцветными кустарниками за низкими заборами.

Отец сказал, что скоро будет дом его матери, где нас ждет ланч, и я сразу вспомнила, что хочу есть. Со времени завтрака, состоявшего из жидкого чая с тостом, прошло уже несколько часов.

Вскоре вся зелень куда-то исчезла, улицы становились все более

узкими, а дома мрачными. Наконец мы свернули на улицу, вдоль которой стояли крохотные домики из красного кирпича. Их парадные двери открывались прямо на тротуар. Это, как сказал отец, квартал, где он вырос и где жили мои ирландские родственники, в том числе и бабушка с дедушкой. Я, вытянув шею, пыталась разглядеть улицу, совершенно не похожую ни на одну из тех, что мне доводилось видеть раньше.

Какие-то женщины в платках поверх бигуди выглядывали из-за дверей, перекрикивались через улицу с соседями, попутно присматривая за своими сопливыми детьми, возившимися в сточных канавах. Другие, с голыми ногами, в домашних тапочках, стояли, прислонившись к стенам домов, дымя сигаретами. Дети в потрепанных одеждах играли в крикет, забрасывая мяч в нарисованные на стенах воротца. Собаки неопределенной породы заливались яростным лаем, подпрыгивали, пытаясь перехватить мяч. Мужчины в подтяжках поверх футболок бесцельно прогуливались по тротуару – руки в карманах, на головах кепки, – а некоторые стояли группками и, как казалось со стороны, увлеченно беседовали.

Стоило нам припарковаться, как нашу машину окружили собаки. Не зная, насколько дружелюбно они настроены, я взяла Джуди на руки и крепко прижала к себе. На мою заботу она ответила тем, что завиляла хвостом и стала вырываться, норовя спрыгнуть на землю. Нас встречала невысокая полная женщина с седыми волосами и широкой улыбкой на лице.

Она крепко обняла отца и распахнула дверь. Мы прошли мимо крутой лестницы с голыми ступеньками и прямо с тротуара попали в маленькую гостиную дома бабушки и дедушки.

В комнате было жарко от растопленного камина и многолюдно: здесь собрались все члены отцовской семьи. Дед оказался уменьшенной и постаревшей копией моего отца. Он был невысок, коренаст, с такими же, как у отца, густыми кудрявыми волосами, зачесанными назад. Но если у отца волосы отливали медью, у деда они потускнели до бледно-желто-серого оттенка. Правда, глаза были такие же – орехово-серые, окаймленные густыми ресницами, – но, когда он улыбался, обнажались желтые гнилые зубы, а не отцовские, ослепительно белые.

Бабушка, подвижная и очень напоминающая колобка, была одета во все черное, ее белые волосы были забраны в пучок, а под живыми голубыми глазами краснели круглые, как яблоки, щеки. Она радостно суетилась вокруг нас, и я сразу ее полюбила.

– Антуанетта, – воскликнула она, – я не видела тебя с тех пор, как ты родилась. И только посмотри, какая ты стала, совсем взрослая.

Она подтолкнула вперед молодую женщину, которую назвала моей тетей Нелли. Маленькая, с темными волосами и карими глазами, она была единственной сестрой моего отца.

Потом меня познакомили с дядей Тедди и дядей Сэмми, младшими братьями моего отца. Они с явным уважением относились к своему старшему брату. Тщедушный Тедди, рыжеволосый подросток с заразной улыбкой, был настолько обаятельным, что не мог не понравиться, в то время как черноволосый Сэмми, будучи на несколько лет старше, выглядел куда серьезнее. Хотя оба они, похоже, были рады видеть нас, приветствие Сэмми было более сдержанным.

Тедди охотно вызвался вывести Джуди на прогулку, чего она ждала с нетерпением, и я с удовольствием протянула ему поводок. Чувствуя себя несколько скованно в новой обстановке, я пока не решалась выходить на улицу.

Моя бабушка и тетя Нелли суетились вокруг нас, накрывали на стол, заливали кипяток в алюминиевый чайник.

– Ну, а теперь садитесь, – сказала бабушка. – Вы наверняка проголодались.

Стулья быстро придвинули к накрытому столу, и все стали смотреть, как бабушка доверху наполняет мою тарелку едой. Передо мной лежали разнообразные сэндвичи с консервированной и копченой говядиной, с рыбной пастой, темный хлеб собственной выпечки и маленькие пышные ирландские оладьи, щедро намазанные сливочным маслом и клубничным джемом. За ними последовал фруктовый торт, на который, должно быть, ушел весь семейный продуктовый бюджет. Меня не нужно было уговаривать, я ела с аппетитом под дружескую беседу взрослых, которые засыпали моих родителей вопросами.

Когда в меня уже ничего не влезало, глаза сами собой стали закрываться. Жарко натопленная комната, долгое путешествие и сытная еда сделали свое дело. До меня доносились смеющиеся голоса взрослых, которые восклицали, что я заснула, а потом сильные руки отца подняли меня и понесли вверх, в спальню.

Уже спускались сумерки, когда мать разбудила меня. Сонная, я позволила себя умыть и переодеть, чтобы подготовиться к следующему визиту. Оказалось, вся отцовская родня непременно хотела увидеть нас, и я, до сих пор знавшая лишь мамину бабушку и кое-кого из двоюродных братьев и сестер по материнской линии, с которыми виделась редко, с трудом пыталась запомнить все имена, что слышала сейчас. Ужин предполагался в доме моего дяди, на той же улице. Дядя Эдди и тетя

Лилли, как я должна была их называть, и их дочери-подростки, Мэтти и Джин, приготовили для нас специальное меню, которое, как я потом узнала, представляло собой традиционную ирландскую пищу: толстые куски курицы, вареная ветчина в сладком соусе из меда и горчицы, яйца вкрутую, ярко-красные помидоры и картофель в мундире. Домашний бисквит и несколько чашек чая завершали трапезу, и я снова разомлела в тепле семейного уюта.

Родственники расспрашивали о нашей жизни в Англии, о том, как прошло путешествие, о планах родителей на будущее. Где мы собираемся жить? В какую школу я пойду? Я заметила, как они удивились, когда мама сообщила им, что меня отдадут в частную школу, потому что мне это привычнее. Уже гораздо позже я узнала, что только получившие стипендию ученики с Парк-стрит, одного из беднейших кварталов Коулрейна, могли позволить себе учиться в школе, которую выбрала для меня мама.

Мы не успевали отвечать на вопросы, как на нас обрушивали все семейные сплетни. Уже тогда я чувствовала, что моей матери это неинтересно. Это было видно по той вежливой улыбке, которая появлялась на ее лице всякий раз, когда компания ее утомляла. И наоборот, счастливая улыбка не сходила с отцовского лица. Он, находящийся в центре всеобщего внимания, хохотал над каждой новой сплетней.

Уставшая от перевозбуждения, счастливая от сознания того, что являюсь частью такой большой семьи, я умиротворенно уснула на раскладной кровати, которую соорудили у подножия родительской.

Дневной свет, просочившийся в комнату сквозь тонкие занавески на маленьком окне, разбудил меня на следующее утро. Я отправилась искать маму, но, как мне сказали, родители ушли на целый день, а меня оставили под присмотром бабушки. Раньше мать никогда не уходила из дому без предупреждения, и меня снова охватило мрачное предчувствие и ощущение потери. Впрочем, достаточно было взглянуть на доброе лицо бабушки, как все мои тревоги и сомнения рассеялись.

Пока бабушка готовила мне «ольстерский завтрак», как она назвала его, из жареных оладий, кровяной колбасы и яйца, я умылась под кухонным умывальником. Выйдя в уборную на улице, я ужаснулась, увидев аккуратно нарезанные листы газеты вместо туалетной бумаги. Когда я указала на это бабушке, она смутилась и сказала, что бумага кончилась, но после завтрака все будет на месте. Со временем я поняла, что в условиях бедности у газет несколько предназначений, а туалетная бумага считается ненужной роскошью.

Когда посуда после завтрака была вымыта, бабушка вскипятила

несколько кастрюль воды и сказала, что я могла бы помочь ей со стиркой. Мы вышли в крохотный задний двор, где стоял большой металлический чан с дымящейся мыльной водой. Она опустила в него рифленую доску и принялась стирать полотенца и рубашки, ловко скользя по доске своими красными потрескавшимися руками, совсем не похожими на белые руки моей матери с аккуратно нанесенным алым лаком на ногтях.

Я помогла бабушке отжать белье, придерживая его, пока она прокручивала каток. Когда белье было полностью отжато, мы принялись развешивать его окоченевшими от холода пальцами на веревке, протянутой от задней двери к уборной. Деревянным шестом мы подняли веревку на максимальную высоту, чтобы белье могло развеяться на ветру.

Каждый вечер, кроме воскресенья, еще влажное постиранное белье вывешивалось на деревянную раму для сушки перед зажженным камином, и комната наполнялась запахами прачечной.

В середине дня возвращался мой дедушка, но не с работы, как я думала, а со скачек или, если ему везло с лошадьми, из паба. Мне поручали накрывать на стол, который застилался свежей газетой, после чего я ставила еду – суп и содовый хлеб.

В тот день большую часть времени мне пришлось провести с бабушкой и дедушкой, и когда мои родители вернулись, я уже спала. В воскресенье утром мама сказала, что они с отцом снова уходят, правда, увидев мое удивленное лицо, она пообещала провести следующий день со мной.

– Сначала мы пойдем записываться в твою новую школу, – сказала она. – А потом, если ты будешь умницей и останешься сегодня помогать бабушке, я отведу тебя в кафе на ланч.

От радости я просияла, вновь чувствуя себя счастливой, и мама, быстро обняв меня, вышла, оставляя за собой ароматный шлейф духов.

Понедельник принес слабое зимнее солнце, которое сияло, но не могло согреть холодное утро. Однако предвкушение целого дня вдвоем с мамой наполняло меня теплом.

– Это всего в получасе ходьбы, – заверила она меня.

После завтрака мы, взявшись за руки, двинулись по узким улочкам вокруг Парк-стрит, прошли через городскую площадь и зеленые проспекты, вдоль которых, чуть вдалеке от дороги, стояли высокие дома из красного кирпича. В одном из них и располагалась школа, которую можно было узнать по разбросанным по двору серым домикам и огороженным теннисным кортам. Мы зашли в вестибюль с деревянными полами и представились школьному секретарю.

Через несколько минут нас провели в кабинет директрисы. Это была импозантная женщина с белыми волосами, отливавшими легкой синевой, в строгом сером костюме, почти полностью скрытом черной мантией.

– Здравствуйте, я – доктор Джонстон, – сказала она, слегка тронув меня за плечо. – А ты, должно быть, Антуанетта?

Побеседовав с моей матерью, она дала мне несложный текст, который я прочитала от начала до конца, ни разу не запнувшись, несмотря на волнение. Когда я закончила, она тепло улыбнулась мне:

– Антуанетта, ты читаешь очень хорошо, хотя и проучилась в школе всего несколько месяцев. Тебя мама научила?

– Нет, бабушка, – ответила я. – Мы вместе читали комиксы в «Дейли мейл».

Она рассмеялась и спросила, чему еще научила меня бабушка. Кажется, ее развеселило мое признание, что считать я училась за игрой в карты.

– Что ж, она, безусловно, соответствует нашим требованиям, – заверила директриса мою мать. – Думаю, ей у нас будет хорошо.

Мама выглядела довольной, и мне это было приятно. После завершения всех формальностей доктор Джонстон провела нас по школе. Глядя на ребят, одетых в зеленую школьную форму, дружно играющих во время перемены, я подумала, что буду здесь счастлива.

Вооруженные списками всего необходимого для учебы, мы с мамой отправились по магазинам. Сначала купили мне форму – зеленую жилетку, три белые рубашки, черный и зеленый галстуки. Последней покупкой – как сказала мама, подарком от моей английской бабушки – оказался красивый зеленый блейзер с фирменной белой эмблемой на нагрудном кармане. Следующей нашей остановкой был книжный магазин.

Нагруженные покупками, мы направились в ближайшее кафе на обещанный ланч.

– Думаю, тебе понравится твоя новая школа, – сказала мама, когда нам принесли заказ.

С набитым ртом, я радостно кивнула в ответ.

Утром моего первого школьного дня я выпрыгнула из постели и бросилась вниз, чтобы умыться и съесть приготовленный бабушкой завтрак. Отец уже ушел на работу, а мама разложила на кровати мою новую одежду. Я чувствовала запах новизны, исходящий от нее. Одедась я сама, лишь попросила маму помочь мне завязать галстук. Мне расчесали волосы, закололи их заколкой, и я, закинув на плечо рюкзак с новенькими учебниками, взглянула на себя в зеркало. Оттуда мне улыбнулся уверенный

в себе, счастливый ребенок. Полюбовавшись собой, я спустилась по лестнице, получила поцелуй от бабушки, и мы с мамой отправились в школу.

Учительница представила меня одноклассникам и посадила рядом с дружелюбной светловолосой девочкой, которую звали Дженни. Утро пролетело быстро, и я мысленно поблагодарила свою английскую бабушку за те знания, что она мне дала. У меня не было проблем ни с чтением, ни с арифметикой, и наградой мне были улыбка и похвала учительницы.

Когда прозвенел звонок, наш класс бросился в игровую зону, где Дженни взяла меня под свое крыло. Мое имя оказалось труднопроизносимым, и девочки, смеясь, стали звать меня Анни-нет. Их смешки были дружескими, и я, счастливая оттого, что вхожу в их компанию, смеялась вместе со всеми. К концу дня мы с Дженни стали лучшими подругами. Казалось, ей нравилось опекать маленькую девочку со странным акцентом, и она гордо представляла меня одноклассникам. Я наслаждалась ее вниманием и чувствовала тепло, которое несла в себе эта внезапная дружба. Потребность в лучшей подруге, появляющаяся, когда проходит пора младенчества и начинается детство, была удовлетворена.

Еще две недели мы прожили в доме бабушки с дедушкой, и вот настал день нашего переезда. На этот раз мной овладели смешанные чувства; мне понравилось ощущать себя частью такой большой семьи, тем более что я была самой младшей и, конечно, самой любимой. Меня постоянно ласкали и баловали. Обычно неразговорчивый дед болтал со мной, посылал меня с поручениями в местный магазинчик – то купить ему сигарет, то за конфетами для меня. Он даже играл с Джуди, когда поблизости никого не было. Я знала, что буду скучать по ним, но моя ищущая новых впечатлений натура стремилась на ферму, и я все ждала, когда же смогу помочь маме.

К счастью для всех нас, был найден компромисс. В то время в сельских районах автобусы ходили лишь два раза в день: утром привозили рабочих в город, а вечером отвозили обратно. Мы договорились, что каждый учебный день я буду приходить к бабушке с дедушкой на чай, потом они будут провожать меня на вечерний автобус, а мама станет встречать на остановке. Зная, что теперь мы увидимся лишь после пасхальных каникул, бабушка напекла мне с собой мои любимые ирландский хлеб и оладьи, и мы упаковали все это вместе с кастрюлями, пакетами с провизией и топливом.

Со слезами на глазах распрощавшись с бабушкой, мы загрузили в машину чемоданы. Мы с Джуди с трудом втиснулись на заднее сиденье, и наконец тронулись в путь. Следом за нами двигался фургон с нашей

жалкой мебелью из Англии – с ней мама никак не хотела расстаться.

Городские улицы постепенно перешли в сельские дороги, заросли кустарников по обочинам стали гуще, а асфальт сменился гравием, потом мы свернули на грязную колею, которая привела к деревянным воротам.

Отец с торжествующим видом выпрыгнул из машины, широким жестом распахнул ворота, и мы увидели крытый соломой дом. Это было совсем не то, что я ожидала увидеть.

Пробудившись от воспоминаний, я снова ощутила холодное дыхание хосписа. Жесткое сиденье стула сковало мои конечности, так что я не могла шевельнуться; Антуанетта исчезла, и Тони, мое взрослое «я», заняла ее место.

Я налила себе водки из фляжки, закурила сигарету и, откинувшись на спинку стула, погрузилась в размышления о счастливых днях раннего детства. Почему, думала я, меня преследует ощущение надвигающейся беды?

Ведь здесь, в этих стенах, нет ничего, что могло бы испугать меня.

– Нет, есть, Тони, – донесся шепот. – Ты боишься меня.

– Не боюсь, – возразила я. – Ты – мое прошлое, а с прошлым можно разобраться.

Но мои возражения были напрасными. Вглядываясь в темные углы пустой комнаты, я чувствовала, что Антуанетта тянет меня назад, заставляя войти в ворота дома с соломенной крышей.

Глава 4

Посреди усыпанного гравием двора, утопающего в одуванчиках, стоял маленький квадратный домик. Под облупленной белой краской проступали серые заплатки предыдущих ремонтов, по водосточным желобам грязными струями стекала дождевая вода. Рядом стояли две бочки, скрепленные ржавыми железными скобами. На двери дома висел замок, четыре незашторенных окна мрачно смотрели на нас.

Чуть в стороне стояли два покосившихся сарая с ржавыми железными крышами. Спутанные заросли ежевики и крапивы загораживали двойные двери большего сарая, а на месте слетевших перекладин на стенах зияли черные проплешины. Дверь в тот сарай, что поменьше, была распахнута и открывала взору пожелтевшие газетные листы на веревке и изношенный деревянный стульчак туалета. Доски, некогда служившие дорожкой к сараю, утопали в побегах ежевики и сорняках, а деревянная площадка у входа сгнила от сырости.

Я знала, что мама сейчас вспоминает милые коттеджи Кента. Видит своего красавца мужа и ту танцплощадку, где рыжеволосый обольститель кружил ее в танце, на зависть подругам и всем другим женщинам, гораздо моложе ее.

Обладая неисчерпаемым запасом оптимизма, мать принялась строить планы на будущее. Большой сарай должен был стать птичником, на заднем дворе предстояло разбить грядки для овощей, а под окнами высадить цветы. Взяв меня за руку, она пошла в дом.

Сквозняк из открытой двери поднял в воздух хлопья пыли из углов. В сетях гигантской паутины, свисавшей с некрашенных балок, нашли свою погибель сотни мух-пленниц, дорожка из застарелого мышинового помета вела к единственному встроенному шкафу. Стены, покрашенные в белый цвет, снизу были усеяны темно-зелеными пятнами плесени. В углу комнаты стояла черная торфяная печь, а из кухонных приспособлений имелась лишь деревянная полка под окном с одинокой металлической миской наверху и жестяной ванной внизу.

Две двери, расположенные в противоположных концах комнаты, вели в спальню. По лестнице у входной двери, узкой, как трап, мы поднялись на чердак, где обнаружили большое темное пространство, защищенное сверху лишь соломенной крышей, и от сырого запаха плесени у меня защипало в носу.

Мама, веря в воплощение своей мечты, немедленно принялась за работу, проворно выметая полы, пока мужчины разгружали фургон. Принесли торф, зажгли огонь в печи, набрали воды из колодца. Я получила первое задание – вытащить лягушек, попавших в ведро, отнести их обратно к колодцу и посадить на траву.

– Тогда они сами смогут выбрать – возвращаться им к своим семьям или оставаться на земле, под солнцем, – объяснила мама.

Тепло огня разливалось по освобожденной от паутины комнате, знакомая мебель заполняла пространство, из транзистора звучала мелодия, которой мама подпевала, и в некогда заброшенном доме постепенно воцарялась жизнерадостная атмосфера.

Приготовили чай с сэндвичами, и я, взяв еду, вышла на улицу посидеть с Джуди на траве. Я поделилась с ней говядиной, и она, принюхиваясь к новым запахам, склонила голову и с надеждой посмотрела на меня.

Кент, оставшийся так далеко, казался теперь совсем другим миром, и мною, как и Джуди, овладел азарт первооткрывателя. Видя, что взрослые заняты, я взяла Джуди на поводок, и мы выскользнули за ворота. Весеннее солнце начинало припекать, и я уже не чувствовала озноба, который охватил меня в промозгом доме. Неподстриженный кустарник бушевал дикими цветами. Вдоль дорожки тянулись заросли примулы и жимолости. Фиолетовые виолы проглядывали из-под боярышника. Нагнувшись, я сорвала немного цветов, чтобы сделать букетик для мамы. Я была так поглощена новыми звуками и видами, что не замечала, как бежит время.

Остановившись, чтобы понаблюдать за толстыми свиньями, которые гуляли на соседнем поле в окружении розовых поросят, я услышала голос отца:

– Антуанетта, где ты?

Я развернулась и поспешила к нему, зажав в руке букетик цветов. Но человек, который шел мне навстречу, был совсем не похож на того красивого, улыбающегося отца, что встречал нас на пристани. На меня надвигался грозный, краснолицый мужчина, которого я с трудом узнавала. Он вдруг показался мне огромным, его глаза были налиты кровью, а губы тряслись от ярости. Инстинкт подсказывал мне, что нужно бежать, но от страха я как будто приросла к земле.

Он схватил меня за шею, стиснул рукой мою голову, крепко прижав к себе. Потом задрал мое платье и спустил с меня трусы. Прижимая мое полуголое тело к своему бедру, он погладил мои ягодицы, вдруг больно сжав одну половинку. И тут я услышала хлопок и почувствовала жгучую боль. Я начала извиваться и кричать, но все напрасно. Он продолжал

наносить мне удары по попе. Джуди трусливо жалась в сторонке, а букет, теперь уже забытый, валялся на земле.

Никто и никогда не бил меня прежде. Если вдруг я падала и ушибалась, мама всегда поднимала меня и вытирала мне слезы. Сейчас я кричала и плакала от боли, недоумения и унижения. Слезы и сопли потекли из моих глаз и носа, когда он встряхнул меня. Мое тело содрогнулось от ужаса.

– Чтоб больше не смела уходить без спроса, моя девочка! – рявкнул он. – А теперь ступай к своей матери.

Когда я натянула трусики на саднящую попу, захлебываясь от рыданий, он крепко схватил меня за плечо и поволок домой. Я знала, что мама слышала мои крики, но она так ничего и не сказала.

В тот день я научилась бояться его, но прошел еще целый год, прежде чем начался настоящий кошмар.

Пасха пришла в наш дом под соломенной крышей, и жгучий холод первой зимы был почти забыт. Починили амбар, в моей спальне установили инкубаторы, а меня, против моей воли, переселили на чердак.

Наши цыплята, в которых мать видела, скорее, домашних питомцев, чем источник дохода, радостно возились во дворе на травке. Петух вышагивал впереди своего гарема, гордо демонстрируя яркий плюмаж, и инкубаторы бесперебойно заполнялись яйцом. К сожалению, бесчисленные кролики нанесли большой урон цветам, высаженным под окнами, а на огороде выжили лишь картофель и морковь.

Каникулы для меня, ставшей на год взрослее, обернулись дополнительными обязанностями по дому: теперь я должна была доставать лягушек из ведер с водой, собирать растопку для печи, следить за инкубаторами. Не желая ютиться в курятнике, свободолюбивые куры устраивали насесты в дальних углах двора, а некоторые вообще прятались под кустами на соседских полях. Но большинство кур все-таки предпочитало жить в амбаре, и каждый день мы исправно наполняли корзины для бакалейщика, который приходил два раза в неделю, покупал у нас яйца, а нам приносил продукты.

Каждое утро меня посылали к местному фермеру за молоком в металлических канистрах: пастеризацией тогда еще не были озабочены. Жена фермера приглашала меня на свою теплую кухню, где угощала чаем с молоком и теплым содовым хлебом, после чего я возвращалась домой.

В будни я была слишком занята, чтобы обращать внимание на то, как меняется атмосфера в доме. Опасения, которые впервые посетили меня год назад, стали реальностью. Счастье моей матери сильно зависело от

настроения отца. В отсутствие общественного транспорта и телефона, лишенная возможности контролировать семейный бюджет, некогда счастливая женщина, весело щебетавшая в кофейнях Кента, теперь была образом далекого прошлого. О тех временах напоминали лишь Джуди и изрядно потрепанный Джамбо.

Как только сгущались сумерки, я садилась читать книги под оранжевым абажуром, а мама ждала, когда вернется с работы отец. Я сидела тихо, надеясь, что молчание сделает меня невидимой.

Я слышала, как его машина шуршит по гравию, въезжая во двор. Мама сразу начинала суетиться, ставила чайник, выкладывала на тарелку заранее приготовленный ужин, нацепляла приветственную улыбку. Меня пробирала нервная дрожь, когда я пыталась представить себе, каким отец появится в дверях. Будет ли это весельчак с коробкой конфет для матери, который дружески потреплет меня по подбородку? Или нахмуренный тип, которого я встретила тогда на тропинке и с тех пор видела все чаще?

Первый мог в любой момент превратиться во второго. Я знала, что одно мое присутствие способно вызвать у него приступ раздражения. Уткнувшись в книгу, я чувствовала, как он бурлит меня взглядом, как нарастает в воздухе напряжение.

– Разве тебе нечем помочь матери? – спрашивал он меня с регулярной периодичностью.

– Что ты сейчас читаешь? – это был следующий вопрос.

Моя мать, все еще влюбленная и вдевшая в нем того красавца мужа, что встречал нас в порту, была безучастна к моим страданиям. Если я задавала ей вопрос, почему отец так часто сердится на меня, она лишь говорила, что мне нужно постараться доставить ему удовольствие.

Если отец задерживался с работы, у матери портилось настроение, и среди ночи я просыпалась от шума ссоры. Перебранка продолжалась, пока его пьяные крики не заставляли ее замолчать. Утром после таких стычек обстановка была напряженной, мать молча хлопотала по хозяйству, а я под любым предлогом старалась улизнуть из дома. Чаще всего на следующий день домой снова возвращался отец-весельчак, который приносил конфеты и спрашивал, как дела у его крошки. Он вручал цветы или конфеты матери, целовал ее в щеку, и она тут же становилась счастливой.

С приближением выходных меня охватывал ужас. Каждую пятницу вечером мать ждала возвращения мужа, который редко появлялся вовремя, и меня опять будили их скандалы, брань долетала до моей комнаты, и страх приковывал меня к постели. Я зарывалась с головой под одеяло, пытаюсь заглушить отвратительные звуки.

Каждое субботнее утро, лежа в постели с больной после перепоя головой, он приказывал моей матери, чтобы та прислала к нему меня с чашкой чая. Поджав губы, она подчинялась, тем самым ограничивая мою свободу передвижения. Визиты к фермеру за молоком строго контролировались; о чае с молоком и теплом хлебе с маслом в кухне у жены фермера пришлось забыть.

Казалось, я была магнитом, который притягивал его злость. Однажды я вернулась от фермера с курицей-бентамкой.

– Можешь отнести ее обратно, моя девочка, – первое, что сказал отец при виде курицы.

В тот единственный раз мать встала на мою сторону.

– О, позволь ей оставить несущку, Пэдди, – взмолилась она, назвав его уменьшительно-ласкательным именем. – Она может гулять с другими курами, а Антуанетта будет брать у нее яйца.

Он фыркнул, но больше ничего не сказал, и маленькая бентамка по прозвищу Джун стала моей домашней питомицей. Казалось, она сознавала свою исключительность и почти каждое утро выкладывала мне яйцо к завтраку.

На Пасху отцу должны были дать выходной, и мать надеялась уехать с ним куда-нибудь на машине. В Святую пятницу мы обе ждали его: я с нервной дрожью в животе, а она с надеждой на лице. Заслышав шорох гравия, она вспыхнула от радости. Отец-весельчак зашел в дом, поцеловал ее в щеку. Мне была вручена коробка с пасхальным шоколадным яйцом, а ей – шоколадное ассорти.

– Я приготовила праздничное меню, – сказала она ему. – Пойду запру цыплят в курятнике и накрою на стол.

Счастливо напевая себе под нос, она вышла из комнаты, оставив нас вдвоем. Зная о перепадах его настроения, я осторожно покосилась в его сторону, но на этот раз он улыбался.

– Иди сюда, Антуанетта, – позвал он, похлопав по подушке дивана.

Он обхватил меня за талию, усаживая на диван рядом с собой. Потом я почувствовала его руку на своем плече, и он притянул меня к себе. Истосковавшись по отцовской нежности, я прижалась к нему. Неужели, с надеждой подумала я, он перестал на меня сердиться?

Ощущение защищенности и безопасности захлестнуло меня, и я еще теснее прижалась к нему, чувствуя себя такой счастливой оттого, что его нежность ко мне наконец-то вернулась. Он погладил мои волосы.

– Ты моя милая маленькая девочка, Антуанетта, – пробормотал он, другой рукой погладив меня по спине. Как маленький зверек, я еще крепче

прижалась к нему. – Ты любишь своего папу?

Все воспоминания о его буйном нраве покинули меня. Впервые за многие месяцы я почувствовала, что любима. Я радостно кивнула головой. Его рука, лежавшая на моей спине, скользнула ниже, переместившись к бедрам. Потом пробежала к подолу юбки, и я, ощутив ту же заскорузлую ладонь, которая всего лишь год назад яростно хлестала меня по попе, застыла. Одной рукой отец крепко держал мою голову, так что я не могла пошевеливаться, а другой схватил меня за подбородок. Его рот вдруг накрыл мой. Его язык с силой протиснулся между моими губами. Я почувствовала, как слюна потекла по моему подбородку, а в нос мне ударил запах перегара и сигарет. Ощущение безопасности покинуло меня навсегда, уступив место отвращению и страху. Он резко выпустил меня и, крепко держа за плечо, свирепо заглянул мне в глаза.

– Только не говори маме, – сказал он, слегка встряхнув меня. – Это наш секрет, Антуанетта, слышишь?

– Да, папа, – прошептала я. – Не скажу.

Но я все-таки сказала. Я чувствовала себя защищенной материнской любовью. Я любила ее, а она, я знала, любила меня. Она должна была остановить его.

Она этого не сделала.

Глава 5

Я заморгала, заставляя себя вернуться в настоящее, которым сейчас был для меня хоспис. Отвинтив крышку фляжки, я налила себе остатки водки и снова закурила.

– Теперь вспомнила? – прошептала Антуанетта. – Ты по-прежнему считаешь, что твоя мать любила тебя?

– Его она любила больше, – последовал ответ.

Пытаясь закрыть шлюзы памяти, в которые норовили просочиться воспоминания, я сделала внушительный глоток водки и затаилась никотиновым успокоительным. Но сквозь туман в голове все равно проступала картина, открытая передо мной Антуанеттой; изображение было слишком четким, чтобы я могла прогнать его одним лишь усилием воли.

И вот, как будто это было вчера, я увидела комнату в доме под соломенной крышей и женщину с девочкой, находящихся в ней. Женщина сидела на обтянутом ситцем диване, а маленькая девочка стояла лицом к ней. Со сжатыми кулачками и умоляющим взглядом ребенок пытался собраться с силами и найти слова, чтобы описать поступок взрослого.

Прошла неделя после того поцелуя. Антуанетта дождалась, пока отец уедет на работу и они с матерью останутся вдвоем. Я видела, что она все еще верит в любовь матери, но ей трудно подыскать правильные слова, чтобы объяснить то, чего она не понимает. По одной только позе было видно, как она нервничает, и гнев матери становится все более заметным по мере того, как слова соскальзывают с губ девочки. Преданная малышка Джуди, чувствуя неладное, сидит у ног своей хозяйки и, задрвав голову, с собачьим беспокойством смотрит на мать.

Я снова увидела, как из темно-зеленых глаз матери сыплется искры гнева. Но на этот раз, наблюдая сцену глазами взрослого, я смогла угадать, что еще скрывается в ее взгляде. Оглядываясь назад, я попыталась найти разгадку в картине – и наконец увидела. Это был страх. Мать боялась того, что ей предстояло услышать.

Антуанетта, шести с половиной лет, видела только злость. Ее хлипкие плечики повисли, выражение изумления и обиды промелькнуло в лице, когда рухнула последняя надежда на спасение. Мать вовсе не собиралась ее защищать.

Я снова услышала голос матери, который строго произнес:

– Никогда, никогда больше не говори этого, ты поняла?

И ответ:

– Поняла, мамочка.

Итак, начало было положено: молчание гарантировано, а дорога к тому, что должно было последовать, успешно расчищена.

«Ты все-таки сказала ей, ты это сделала», – прошептал мой мучитель, внутренний голос.

Много лет я пыталась стереть из памяти ту картину моего признания матери. Я заставляла ее исчезнуть. Заставляла Антуанетту, испуганного ребенка, уйти и забрать с собой воспоминания. Я с грустью поняла, что моя мать всегда знала, какие чувства испытывал отец по отношению ко мне. Как еще могла девочка описать тот поцелуй, если он случился впервые в ее жизни? Она же не могла придумать его. В то время в сельской местности еще не было телевизоров, не было таких книг и журналов, из которых она могла бы почерпнуть подобный опыт. Моя мать услышала только правду из уст своего ребенка.

– Помнишь наш последний год, Тони, – спросила Антуанетта, – перед тем как ты покинула меня? Взгляни на эту картинку.

Она вставила еще один слайд в проектор моей памяти. На нем было запечатлено, как отец вернулся из тюрьмы. Как мать сидела у окна, ожидая его. Стоило ей увидеть его вдалеке, как в ее лицо вернулись краски жизни, и она бросилась ему навстречу.

– О тебе тогда забыли. Она так никогда и не простила тебя, но простила его.

Я упорно не хотела мириться с воспоминаниями, угнездившимися в моем сознании. Я уже давно поняла, что моя мать навсегда осталась пленницей образа обаятельного красавца из ее молодости. Она, будучи на пять лет старше его, всю жизнь считала, что ей повезло, раз она отхватила такого мужчину, что бы об этом ни говорила ее мать.

– И ничто и никто не мог забрать его у нее, – продолжала Антуанетта. – Вспомни последний год, проведенный в доме с соломенной крышей, и подумай о том, что она сделала.

Той ночью я спрашивала себя: неужели она так сильно любила отца, что совершила самое низкое предательство, лишь бы удержать его?

Зажглась еще одна сигарета, пока я размышляла, смогу ли когда-нибудь получить от нее ответ хотя бы на один из моих вопросов, объяснит ли она когда-нибудь то, что произошло, или же она так долго прожила, отрицая очевидное, что ее совесть оказалась надежно погребенной?

Чувствуя навалившуюся усталость, я закрыла глаза и, медленно

проваливаясь в сон, вернулась в домик с соломенной крышей.

Черета почти неосязаемых изменений, произошедших в течение последующих двух лет, постепенно надорвала ткань моей жизни. Когда мне хотелось утешения, я пыталась вызвать в памяти лицо моей английской бабушки, вспоминала о том, какой любимой и защищенной чувствовала себя рядом с ней. Вспоминала я и то время, когда мы с матерью жили вдвоем, когда она играла со мной, читала мне любимые сказки на ночь, когда я просто чувствовала себя счастливой. Лежа по ночам в постели, чувствуя, как мной овладевает отчаяние, я пыталась ухватиться за эти иллюзорные воспоминания, снова ощутить их тепло, но с каждым днем они все больше отдалялись от меня, становясь недостижимыми.

Между мной и матерью разверзлась пропасть, и я уже не могла переступить через нее. Ушли в прошлое дни, когда она, чтобы сделать мне сюрприз, договаривалась с соседом о поездке в город и встречала меня у школы. Ушли в прошлые дни, когда она с улыбкой слушала мою бесконечную болтовню или же часами шила мне красивые платья. Вместо любящей, веселой матери появилась незнакомая женщина, постепенно вселявшаяся в ее тело, пока мама, которую я знала, не исчезла вовсе. У этой незнакомки совсем не было времени на меня. Не понимая, в чем провинилась, я чувствовала себя несчастной и одинокой.

В начале летних каникул я поняла, что моим поездкам к бабушке и дедушке пришел конец, поскольку мама объявила, что я больше не буду учиться в городе. Она записала меня в местную сельскую школу, которая находилась в четырех милях от нашего дома.

Я не могла остановить подступавших к глазам слез, но яростно моргала, чтобы прогнать их, уже научившись не показывать своей слабости. Вместо того чтобы расплакаться перед матерью, я взяла Джуди на прогулку и, едва оказавшись за воротами, дала волю слезам. Мне больше не суждено было видеть мою лучшую подругу, ощущать дружеское внимание девочек, с которыми я надеялась учиться много лет, самостоятельно ходить в гости к бабушке и дедушке, общаться со своими родственниками, к которым я так привыкла. Перспектива была слишком мрачной, чтобы с ней примириться.

В то лето я поняла, что такое одиночество, и ощущение, которому я, будучи слишком маленькой, никак не могла дать определение, поселилось во мне: ощущение предательства.

Наступил сентябрь, а вместе с ним и первый день в моей новой школе, незадолго до моего седьмого дня рождения. На этот раз я не испытывала

радостного волнения, надевая старую школьную форму и готовясь совершить свою первую долгую пешую прогулку. В то время общественного транспорта практически не было, не говоря уже о школьном автобусе. Мне оставалось лишь вспоминать дни прошлого сентября и наши с мамой короткие прогулки до школы. Отныне мне предстояло каждый день одной проходить четыре мили до школы и столько же обратно.

В первый раз дорога показалась мне бесконечной. По пути попадались лишь редкие коттеджи, да и те не радовали глаз. Потратив на дорогу больше часа, я удивлялась тому, что вообще смогла найти школу. Другие ученики приезжали на велосипедах или тоже шли пешком, и тогда я впервые поняла, что буду учиться в смешанной школе. До сих пор я училась в школе для девочек. Расправив плечи, словно приготовившись к грядущим испытаниям, я вошла в здание и отправилась на поиски учительницы.

Школьное здание было совсем не похоже на радующее глаз строение из красного кирпича, к которому я привыкла. Это было низкое, серое, утилитарное здание, разделенное на две классные комнаты, одна из которых предназначалась для занятий с детьми до восьми лет, а другая – для занятий с детьми от восьми до одиннадцати лет. Во дворе не было лужайки с газоном, на которой можно было бы играть на переменах; ее заменяла бетонная площадка. Похоже, здешняя администрация считала, что ее вполне достаточно для прогулок сотни школьников.

Когда наступила перемена, рядом со мной не оказалось Дженни, которая познакомила бы меня с учениками, не услышала я и дружеского смеха ребят, означавшего, что я стала частью их компании; вместо этого сбившиеся в группки дети, одетые в разношерстную форму, уставились на меня с нескрываемой подозрительностью.

Ученики – в основном дети рабочих местных ферм – посмеивались над моим английским акцентом, моей старой формой из частной школы, которую родители, поскольку она была не сношена, заставили меня надеть, а учителя попросту не замечали меня.

Пришло время ланча, и шумные дети группками или парами ринулись в маленькую столовую занимать места для своих друзей. Смущенная, я огляделась по сторонам в поисках свободного места. Заметив одно в дальнем конце стола, я поставила свой рюкзак на стул и встала в очередь за едой. Подавали картофельное пюре с говядиной и тушеной капустой, и пока я молча проталкивала в себя это месиво, пришло понимание того, что меня окружает совершенно иной мир, в котором я больше не Анни-нет, а чужая для всех. Гордость заставляла меня сидеть тихо, не реагируя на

ухмылки одноклассников, в которых угадывалась скрытая враждебность, с годами ставшая для меня привычной, а тогда еще совершенно незнакомая и дикая.

Время шло к зиме, дни становились короче, принося ранние сумерки, и четырехмильная дорога домой с каждым днем казалась мне все длиннее. Заросли кустарников и деревьев отбрасывали зловещие тени, превращая некогда даже приятную прогулку в страшное испытание.

Страх темноты усиливался, и сумеречные тени превратились в моих врагов. Я пыталась идти быстрее, но школьный рюкзак, набитый учебниками по чтению и арифметике, карандашами и ручками, казалось, с каждым шагом становился все тяжелее. В середине октября, когда после полудня сразу наступал вечер, подули сильные ветра, ободравшие последние листья с деревьев. В ноябре я встретилась с новым врагом – дождем. Низко опустив голову, я шла, сражаясь с ливнем, зная, что утром моя одежда будет еще влажной. Вода безжалостно просачивалась на мое школьное платье, и всего за несколько недель складки на нем исчезли, а вместе с ними и та умненькая, уверенная в себе девочка, что пришла в школу в сентябре. Когда я смотрелась в зеркало, вместо нее я видела неопрятного, непричесанного ребенка, с которого уже слетел детский жирок.

Ребенка в мятом платье, с растрепанными волосами до плеч, неухоженного, с выражением стоического смирения на лице.

На полпути к школе находился магазин. Как и многие другие дома, разбросанные по округе, он был построен с расчетом на противостояние унылой ирландской зиме, а вовсе не для того, чтобы радовать глаз. Это была приземистая каменная постройка с бетонным полом и грубо сколоченным деревянным прилавком, за которым тянулись полки с товарами, в которых нуждались местные фермеры и их рабочие: здесь было все, от масла для ламп до ароматного домашнего хлеба и ветчин.

Сюда женщины могли прийти не только за самым необходимым, но и для того, чтобы отдохнуть от своих мужчин и поболтать с соседками. В отсутствие общественного транспорта, при ограниченной подаче электричества, а во многих случаях, как у нас, и без водопровода, жизнь у местных домохозяек была суровой. Они редко выходили из дома, разве что по воскресеньям, когда проходили службы в местной протестантской церкви.

Хозяйка магазина, добрая женщина, всегда встречала меня теплой улыбкой. Едва увидев магазин, я ускоряла шаг, ведь только там можно

было укрыться от холода, найти дружескую компанию. Меня усаживали на скамейку, угощали разбавленным апельсиновым соком, а иногда и свежее испеченным рогаликом, который сочился маслом. Дружелюбие хозяйки после унылого школьного дня согревало меня, и оставшуюся половину пути до дома я преодолевала гораздо легче.

В один из тех редких дней, когда зимнее солнце разгоняет сумерки, я увидела в магазине привязанную к прилавку черно-белую собачку, очень похожую на миниатюрную овчарку колли. Со свалявшейся шерстью и веревкой вокруг шеи, она выглядела такой же заброшенной и истосковавшейся по любви, как и я. Когда я нагнулась, чтобы погладить ее, она испуганно шаркнулась в сторону и заскулила.

– Мой сын спас ее от бывшего владельца, – сказала мне хозяйка. – Ее били, бедняжку, даже пытались утопить в туалете. Я бы их самих избила за такое жестокое обращение с животным. Что за люди? Нужно найти для нее хороший дом. Уверена, ей просто не хватает любви.

Она с надеждой посмотрела на меня.

Я почувствовала теплое прикосновение языка к моей руке и, опустившись на колени, прижалась головой к шелковистой черно-белой мордочке. Я знала, что такое потребность в любви, и во мне поднялось желание защитить бедное существо. Через пять минут, после рогаликов и сока, я шла по дороге, ведя на веревке своего нового друга по имени Салли. В тот день обратный путь домой прошел гораздо веселее. Мы часто останавливались, я гладила Салли, убеждая в том, что больше никто и никогда ее не обидит, что я буду любить ее, а Джуди станет ее новым другом. Собака облизывала мне руки своим теплым языком. Собачье чутье как будто подсказывало ей, что она нашла защитника, это было видно по тому, как шустро она побежала по дороге, задрвав хвост.

К тому времени, как я свернула на тропинку к дому, в окне уже виднелся оранжевый свет лампы. Я толкнула ворота и подошла к входной двери.

– И что это у нас здесь? – воскликнула мама, нагнувшись, чтобы погладить моего нового друга.

Я рассказала ей историю, которую услышала от хозяйки магазина.

– Я ведь могу ее оставить? – взмолилась я.

– Ну, не отдавать же ее обратно, верно? – последовал ответ.

Этих слов было достаточно, тем более что мама уже ласкала собаку.

– Маленькая моя, бедняжка, – ворковала мама. К моему удивлению, в ее глазах заблестели слезы. – Как люди могут быть такими жестокими?

Я была слишком мала, чтобы осознать иронию сказанного, мне было

ясно только одно: Салли нашла свой новый дом.

Подошла Джуди, завиляла хвостом и принялась с любопытством обнюхивать гостью. Мне показалось, что настроена она весьма дружелюбно. Она как будто почувствовала, что Салли не представляет угрозы, и немедленно решила принять ее в качестве своего четвероногого компаньона и нового члена семьи.

На следующее утро, к моему облегчению, явился папа-весельчак. Я была удивлена тем, что его как будто тронула история бедной собаки, которая, истосковавшись по ласке, в отличие от Джуди, смотрела на него с обожанием.

Теперь, заходя в магазин, я докладывала хозяйке о проделках Салли, о том, как они подружились с Джуди, и даже рассказывала про Джун. Когда несколько недель спустя она услышала от меня, что куры несутся в высокой траве у изгороди, то предложила мне козлика.

– Антуанетта, – сказала она, – возьми для мамы. Нет ничего лучше для борьбы с высокой травой.

Я гордо набросила на животное веревку, думая о том, что теперь у нас появится козье молоко и будет кому щипать траву, и повела козлика домой, чтобы подарить матери.

– Теперь у нас будет молоко, – сказала я ей, в то время как собаки с презрением оглядели моего нового приятеля, пару раз тявкнули и ушли восвояси.

– Это же козел, милая моя, – рассмеялась мать. – От него молока не получишь. На этот раз тебе придется вернуть его.

На следующее утро маленький козлик снова шел рядом, составляя мне компанию на первые две мили пути до магазина. К тому времени я уже испытывала облегчение оттого, что возвращаю его, тем более что мама объяснила мне, какие большие рога вырастают у козлов и сколько от них вреда.

В те зимние месяцы не раз прежняя теплота возникала между матерью и мной, и я особенно ценила эти мгновения, понимая, что в целом ее отношение ко мне давно и необъяснимо изменилось. Если раньше она с удовольствием следила за моим внешним видом, красиво одевала меня, регулярно мыла мне волосы и завязывала их лентами, то теперь ее совершенно не интересовало, как я выгляжу. Я быстро выростала из своей школьной формы; юбка уже была на несколько дюймов выше колена, а джемпер, едва доходивший до талии, прохудился на локтях. Складки на форме окончательно исчезли, и на их месте остались мятые полосы, а темно-зеленая ткань залоснилась, добавляя неопрятности всему моему

образу. Мои волосы, которые когда-то мать с любовью расчесывала каждый день, теперь были прямыми и тусклыми. Детские локоны ушли в прошлое, и вместо них повисли неряшливые пряди длиной до плеч, обрамляя редко улыбающееся лицо.

В наше время учителя давно бы провели беседу с моей матерью, но тогда, в пятидесятые, они просто вымещали свое недовольство на ребенке.

Одна молодая учительница, проникшаяся ко мне жалостью, попыталась помочь. Она принесла в класс красивую желтую ленту и во время перемены, расчесав мне волосы, сделала конский хвост с бантом и поставила передо мной маленькое зеркальце, чтобы я могла полюбоваться своим отражением.

– Антуанетта, – сказала она, – скажи своей маме, чтобы она каждый день так причесывала тебя. Ты сразу становишься такой симпатичной.

Впервые за несколько месяцев я действительно почувствовала себя симпатичной и с радостным волнением продемонстрировала маме свою новую прическу. В порыве злости, поднявшейся, казалось, ниоткуда, она сорвала ленту с моих волос.

– Скажи своей учительнице, что я сама могу одеть собственного ребенка, – произнесла она вне себя от ярости.

Я опешила.

– В чем я виновата? – спросила я, но ответа не получила.

На следующий день мои волосы, как обычно, висели неряшливыми прядями, и учительница это сразу заметила.

– Антуанетта, где лента, что я дала тебе? – спросила она.

Чувствуя, что своим признанием предаю мать, я тупо уставилась под ноги. Повисло тягостное молчание, пока она ждала моего ответа.

– Я ее потеряла, – услышала я собственное бормотанье и почувствовала, как из-за лжи мое лицо заливается краской.

Я понимала, что выгляжу неблагодарной букой, и ощущала ее раздражение.

– Ну, тогда хотя бы приведи себя в порядок, девочка, – резко сказала она, и в этот момент я лишилась своего единственного союзника в школе, потому что это был последний раз, когда она отнеслась ко мне по-доброму.

Я знала, что одноклассники меня не любят, как, впрочем, и учителя. И дело было не только в моем акценте, но и во внешности. Я видела, что другие девочки, с их аккуратными стрижками и блестящими волосами, выглядят совсем иначе. Одни носили заколки, другие завязывали хвостики лентами. Только у меня на голове был вечный беспорядок. Школьная форма у всех девочек была аккуратно отглажена, хрустели накрахмаленные

рубашки, а на локтях джемперов не было дыр. Другие дети, также жившие в нескольких милях от школы, ездили на велосипедах, и у них ботинки не расползались от постоянной сырости и сверкали как новенькие.

Я решила непременно что-то сделать со своей внешностью. Может тогда, подумала я, ко мне станут относиться по-другому? Собравшись с духом, я дождалась подходящего момента, чтобы остаться с мамой наедине и обсудить волнующую меня тему.

– Мамочка, можно я поглажу свою школьную форму? А то складки совсем разошлись, – нервно затараторила я. – Можно взять у папы немного крема для обуви? Можно я сегодня вечером вымою голову? Мне бы хотелось ходить в школу красивой.

Мои просьбы сыпались одна за другой, проваливаясь в молчание, которое становилось все более напряженным с каждым издаваемым звуком.

– Ты закончила, Антуанетта? – спросила мать ледяным голосом, к которому я уже привыкла.

Я подняла на нее глаза, и все внутри у меня оборвалось, стоило увидеть ее искаженное злобой лицо. Такой же злостью полыхали ее глаза, когда почти год назад я попыталась рассказать ей об отцовском поцелуе.

– Почему ты вечно пытаешься создать проблемы? – произнесла она голосом, больше похожим на шипение. – Почему от тебя одни неприятности? В том, как ты выглядишь, нет ничего плохого, – просто ты всегда была самовлюбленной девчонкой.

В этот момент я поняла, что мои шансы добиться популярности в школе равны нулю, – я знала, что с матерью спорить бесполезно. Это выльется в самое тяжелое для меня наказание – полное пренебрежение с ее стороны.

Каждый день по дороге в школу я с ужасом готовилась к очередному испытанию – насмешкам одноклассников, нескрываемому раздражению учителей – и судорожно пыталась придумать, как завоевать их симпатии.

Мои домашние задания всегда были выполнены безукоризненно, отметки у меня были высокими, но я чувствовала, что это лишь усиливает мою непопулярность. Я заметила, что на переменах дети ели разные конфеты, фруктовые пастилки и липкие ириски. Иногда их выменивали на стеклянные шарики, и они всегда оставались козырными картами в любых играх и сделках. Я знала, что все дети любят конфеты, – но разве я могла купить их, не имея карманных денег? И вот тут-то я увидела свой шанс. Раз в неделю учительница собирала деньги с обоих классов на школьные обеды и складывала их в жестяную коробку, которую держала на своем столе. У меня созрел план.

Я дождалась, пока все выйдут из класса, быстро подошла к столу, открыла коробку и взяла столько денег, сколько смогла набить в свои мешковатые панталоны. Остаток дня я осторожно ходила по школе, чувствуя, как монеты впиваются мне в кожу, напоминая о моем проступке. Я ужасно боялась, что их звон выдаст меня и все узнают, что я воровка, но все равно чувствовала себя победительницей.

Естественно, как только кража была обнаружена, весь наш класс подвергли допросу, а рюкзаки обыскали. Однако никому не пришло в голову искать в нижнем белье.

Я была очень тихим ребенком, забитым и подавленным. Внешне я демонстрировала примерное поведение, и никто не интересовался тем, что творилось у меня в душе. В результате я была последней, кого можно было бы заподозрить в краже. Вернувшись вечером домой, я зарыла деньги в саду. Через несколько дней я откопала немного монет, на которые купила мешок конфет в сельском магазине по дороге в школу.

С робкой улыбкой на лице я подошла к детям на школьной площадке и протянула им мешок с конфетами, предлагая угощение. Меня тут же окружили. Десятки рук полезли в пакет, ребята отпихивали друг друга, каждый старался урвать побольше. Я стояла в центре круга, слышала их смех и впервые чувствовала себя частью компании. Меня охватило счастье: наконец-то меня приняли. Вскоре пакет опустел. Забрав последнюю конфету, дети с ликующими возгласами унеслись прочь так же быстро, как и появились. Смеялись, как я догадалась, надо мной.

Тогда я поняла, что, хотя они и любят конфеты, меня они не полюбят никогда. После того дня они стали относиться ко мне еще хуже, поскольку почувствовали, как отчаянно я нуждалась в их признании, и презирали меня за это.

Мне вспомнились визиты к миссис Триветт и вопрос, который я ей постоянно задавала: «Из чего сделаны маленькие девочки?» Вспомнив ее ответ, я подумала, что, должно быть, сделана из чего-то другого.

Глава 6

К тому времени, когда мне удавалось добраться из школы домой, я чувствовала себя измученной, а еще нужно было делать уроки. Я садилась за стол на кухне, которая одновременно служила и гостиной, и начинала с того, что отчаянно боролась со сном. Единственным источником тепла была торфяная печка, а света – тусклая масляная лампа.

Закончив с уроками, я придвигалась поближе к теплу и читала либо наблюдала за тем, как возится у печи мать. Она выливала в высокую сковороду с длинной ручкой жидкое тесто, которое, словно по волшебству, превращалось в лепешки или содовый хлеб. В те дни нам приходилось вести натуральное хозяйство. Покупные торты и хлеб считались непозволительной роскошью, так же как и мясо или свежие фрукты. Мы могли позволить себе купить лишь то, что было выращено на соседних фермах.

У нас были свои куры, и яйца, которые они несли, не только регулярно появлялись на нашем столе, но и позволяли частично оплачивать покупки у бакалейщика, который приезжал на своем фургоне два раза в неделю. Картофель и морковь мы выращивали на своих грядках, и когда я ходила на соседнюю ферму за молоком, то прихватывала и пахту, которую мама использовала для выпечки.

В семь с половиной лет я уже умела бегло читать, и, пока мы жили в домике с соломенной крышей, моя любовь к книгам становилась все сильнее. По выходным приезжала передвижная библиотека, и я могла выбирать любые книги, какие мне только нравились. Домашние питомцы и книги – в них была моя отдушина. Я могла погрузиться в мир фантазий, приключений и веселья. Играть в сыщика из «Великолепной пятерки» Энид Блайтон, исследовать подводный мир вместе с «Водяными детьми», дрожать от страшилок в сказках братьев Гримм. «Маленькие женщины» учили меня быть независимой. Я мечтала стать похожей на Джо, когда вырасту. Под светом масляной лампы я могла пуститься в тайные авантюры со своими воображаемыми друзьями, вместе с ними окунуться в жизнь, где я была красиво одета и где все меня любили. Чем больше крепла моя любовь к книгам, тем сильнее негодовал по этому поводу отец.

Сам он не читал ничего, кроме спортивной колонки в газете, а наш с мамой интерес к книгам считал пустой тратой времени. Но если мать он не критиковал, то на мне сполна вымещал свое недовольство.

– К чему тебе все это? – ворчал он. – Что, не можешь найти более полезного занятия? Разве твоей матери не нужна помощь? Пойди-ка посмотри, может, нужно помыть посуду.

В другой раз он спрашивал:

– Ты уроки сделала?

Когда я отвечала: «Да, сделала», он презрительно фыркнул. Я чувствовала исходящие от него флюиды ненависти и торопила время, чтобы поскорее улизнуть в свою комнату и лечь спать.

Отца раздражали все, кто был счастлив или образован, и вспышки его ярости были непредсказуемы. Бывали дни, когда он приходил домой довольно рано, принося нам с матерью конфеты и шоколад. В такие вечера я снова видела весельчака, который обнимал мать и дружески приветствовал меня. В моем сознании уже давно жили два отца: добрый и злой. Злого я очень боялась, а добрый – тот, кто встречал нас в порту, – был веселым и остроумным человеком, которого любила моя мать. К сожалению, доброго отца я видела все реже, но всегда надеялась на то, что все изменится.

Весной отец арендовал деревянный сарай, где, как он сказал, собирался держать свой инструмент и ремонтировать машину. Курятники, посетовал он, заняли все постройки во дворе дома. Аренда сарая, по его словам, могла бы позволить нам сэкономить деньги, поскольку отец был квалифицированным механиком. Разве не глупо платить другим за работу, которую он сам мог сделать, причем даже лучше?

Мать согласилась с ним, что привело его в хорошее расположение духа, и внезапно его отношение ко мне изменилось. Он перестал сердиться и придирается ко мне. Вместо того чтобы кричать на меня или, наоборот, игнорировать, он вдруг стал очень дружелюбным. Вспоминая его гнусный поцелуй, я с подозрением отнеслась к этим попыткам примирения, но все-таки заставила себя прогнать прочь сомнения, ведь я отчаянно нуждалась в родительской любви. Теперь-то я понимаю, что нужно было довериться своим инстинктам.

– Она на этой неделе так много сидела за уроками, – сказал он матери однажды вечером. – И еще эта долгая дорога в школу и обратно каждый день. Пожалуй, я покатаю ее на машине.

Мама просияла:

– Да, Антуанетта, прокатись с папой.

Я с энтузиазмом запрыгнула в машину, мое настроение слегка омрачило лишь то, что Джуди мне запретили взять с собой. Выглядывая в окно, я все гадала, куда же мы поедem. Очень скоро я поняла. Отъехав от

дома, он свернул в поле, где стоял арендованный им деревянный сарай. Вот куда отныне лежал маршрут наших воскресных поездок.

Он заехал в мрачный ангар, где единственным источником дневного света было маленькое оконце, задернутое мешковиной. Я почувствовала тянущую боль внизу живота, испытала непонятный страх и поняла, что совсем не хочу вылезать из машины.

– Папа, – взмолилась я, – пожалуйста, отвези меня домой, мне здесь не нравится.

Он молча, с улыбкой смотрел на меня, при этом глаза его не улыбались.

– Ты останешься здесь, Антуанетта, – ответил он. – Твой папа приготовил тебе подарок. Тебе понравится, вот увидишь.

Страх перерос в ужас, и я словно приросла к сиденью. Он вышел из машины, чтобы запереть сарай, потом открыл пассажирскую дверцу. Когда он вытащил меня из машины и поставил лицом к себе, я увидела, что брюки у него расстегнуты. Лицо его было красным, глаза блестели. Я заглянула в них, и мне показалось, что он меня не видит. Меня затрясло, из горла вырвался сдавленный крик.

– А теперь ты будешь умницей, – сказал он, взяв мою детскую ручку, маленькую, пухлую, в ямочках. Крепко держа ее, он заставил мои пальцы обхватить его пенис и начал двигать ими вверх-вниз. Пока это длилось, я слышала собственное всхлипывание, которое смешивалось с его хриплыми стонами. Я крепко зажмурилась в надежде на то, что если не буду видеть этого, все кончится. Но я ошибалась.

Внезапно мою руку отпустили, а меня саму швырнули обратно на сиденье. Я почувствовала, как отец одной рукой сильно давит мне на живот, а другой задирает платье и стаскивает штанишки. Мне стало стыдно оттого, что мое маленькое тельце оказалось оголенным, но он уже заваливал меня на холодное кожаное сиденье. Потом он подтянул меня к себе, так что мои ноги беспомощно свисали с края сиденья. Ноги, которые я тщетно пыталась сдвинуть. Я чувствовала, как он с силой раздвигает их, знала, что он смотрит сейчас на ту часть меня, которую я считала неприкосновенной. Потом он подсунул под меня подушку, и я закричала, когда он вошел в меня – тогда еще не слишком глубоко, чтобы порвать что-то или повредить, но достаточно сильно, чтобы я ощутила боль.

Я лежала, вялая и безмолвная, как тряпичная кукла, пытаюсь думать о чем угодно, только не о том, что происходит, и мне казалось, будто я вся пропитываюсь зловонием сарая, в котором смешались запахи сырости, машинного масла, бензина и исходящий от отца тяжелый дух табака и

немытого тела.

Прошла целая вечность, прежде чем отец издал стон и вышел из меня. Я почувствовала, как что-то теплое и липкое капает мне на живот. Он бросил мне кусок мешковины:

– Вытрись этим.

Ни слова не говоря, я сделала то, что он велел. Его следующим словам суждено было стать рефреном на будущее:

– Только не говори маме, моя девочка. Это наш секрет. Если ты ей расскажешь, она тебе не поверит. И больше не будет тебя любить.

А я уже знала, что так оно и есть.

У меня был секрет от отца, это был только мой секрет. Моя мама уже знала. А он все боялся, что она узнает. Тот день стал началом нашей игры под названием «наш секрет», и играть нам в нее предстояло еще целых семь лет.

Глава 7

Наступил мой восьмой день рождения, принесся с собой раннюю осень, которая быстро сменилась промозгой зимой. В печку непрерывно закидывали темно-коричневые торфяные брикеты, но, сколько бы ее ни кормили, тепло ощущалось лишь на расстоянии нескольких шагов. Я придвигалась к ней как можно ближе, насколько это позволяла деревянная рама для сушки белья, на которой теперь постоянно сушились мои вечно сырые пальто, ботинки и шерстяные колготки. Поскольку переодеться мне было не во что, они должны были успеть высохнуть к утру следующего дня.

В темноте раннего утра голос матери взмывал над голыми ступеньками лестницы, чтобы разбудить меня, и холод кусал меня за кончик носа, стоило ему высунуться из кокона одеяла. Моя рука машинально тянулась к деревянному стулу, который одновременно служил и столиком, и шкафом. Я хватала одежду и натягивала ее под одеялом. Сначала штанишки, потом шерстяные колготки, которые приносили из кухни накануне вечером. Потом, стуча зубами, я быстро снимала через голову пижамную кофту, тут же надевая шерстяную фуфайку. Только после этого я вытаскивала ноги из-под одеяла, покидая свое нагретое гнездышко и окунаясь в холод нетопленного дома. Я торопливо ставила чайник на плиту, которая еле-еле выдавала тепло.

Пока варилось яйцо к завтраку, я умывалась под кухонным умывальником и надевала остальную одежду. Быстро расправившись с завтраком, я накидывала еще влажное пальто, хватала рюкзак и уходила в школу.

По выходным, одетая в старый свитер, митенки и высокие сапоги, я помогала матери собирать яйца как из курятника, так и из разбросанных по всему двору потайных насестов, где неслись куры на свободном выгуле. Надеюсь получать коричневое яйцо, мать каждое утро, в одиннадцать часов, давала курам какао. Увеличивало ли это прирост коричневого яйца, мы не знали, но куры исправно прибегали на какао по первому зову. Они с жадностью погружали свои клювы в теплую сладкую жидкость. Отрываясь от мисок, они трясли головами, и их маленькие глазки-пуговицы поблескивали, пока жидкость просачивалась по горлу.

Я все так же доставала лягушек из ведер с водой, собирала сучья для растопки. Но мое любимое время наступало, когда мама затевала выпечку.

Лепешки и содовый хлеб доставали из форм и, как только они остывали, перекладывали в жестяные контейнеры, потому что еду приходилось защищать от армии мышей, которые устраивались в нашем доме на зимовку.

Когда пекли пахнущие сахаром торты и бисквиты, если мама была в хорошем настроении, мне давали вылизывать миску, и я пальцами скользила по ее сливочным бокам, собирая всю до капельки масляную смесь. Я обсасывала пальцы до полной чистоты под пристальными и исполненными надежды взглядами Джуди и Салли.

В такие дни я снова чувствовала себя согретой материнской любовью. Если мать была пленницей образа рыжеволосого ирландца, кружившего ее в танце, встречавшего нас в порту, щедрого на несбыточные обещания, то в моей памяти навечно поселился образ любящей мамы из моего раннего детства.

На украденные деньги я купила себе фонарик и батарейки и спрятала в своей комнате, чтобы по ночам читать книги под одеялом. Каждую ночь я залезала в постель и направляла слабый луч света на печатную страницу. Стоило мне погрузиться в чтение, как я уже не слышала посторонних звуков и шороха насекомых и грызунов, что возились в соломе крыши. И хотя бы на короткое время могла забыть о тех днях, когда отец приглашал меня «покататься».

Когда он брал ключи от автомобиля и объявлял, что пора меня побаловать, я молча молила мать, чтобы она сказала «нет», сказала, что ей нужна моя помощь по хозяйству: собрать яйца, вытащить лягушек, да даже натаскать воды для стирки, – но она ни разу этого не сделала.

– Прогуляйся с папой, моя дорогая, пока я приготовлю чай, – таким еженедельным рефреном она провожала меня в поездку к деревянному сараю, где я училась проводить грань между чувствами и реальностью.

По возвращении домой нас ждали сэндвичи, и домашний торт, нарезанный толстыми кусками, был выложен на кружевной салфетке на посеребренном блюде.

– Мой руки, Антуанетта, – говорила она мне перед тем, как мы садились за стол на воскресный чай.

Она никогда не расспрашивала меня об этих поездках, никогда не интересовалась, где мы были и что видели.

Поездки в Коулрейн, когда-то сами собой разумеющиеся, теперь стали для меня долгожданными подарками. Я очень скучала по этой большой семье, по теплу дома бабушки с дедушкой и компании двоюродных братьев и сестер.

В редкие дни отец все-таки решал, что нужно съездить к старикам, и тогда вечером, накануне визита, в отгороженном шторкой углу кухни наполняли жестяную ванну. Я садилась в мыльную воду, терла себя губкой, мыла голову. Мама вытирала меня полотенцем, накидывала на мое тощее тело свой старый халат и усаживала перед печкой. Потом брала в руки свою массажную щетку и расчесывала мне волосы, пока они не начинали блестеть. На следующее утро мне выдавали лучший наряд, отец начищал мои туфли, а мама придирчиво оглядывала меня с ног до головы. Волосы мне зачесывали назад и закрепляли черным бархатным ободком. Глядя на себя в зеркало, я видела совсем другую девочку. Это был вовсе не тот неряшливый ребенок в мятом платье, к которому привыкли мои одноклассники из сельской школы, а ребенок ухоженный, опрятно одетый, ребенок любящих родителей.

Это было началом другой игры с участием уже нас троих, игры в счастливую семью. Этой игрой дирижировала моя мама, это была игра в воплощение ее мечты, мечты о счастливом браке, красавце муже, доме с соломенной крышей и очаровательной дочке.

Во время этих «семейных» визитов моя мать сидела за столом с выражением лица, которое мне уже было хорошо знакомо. Она как будто совершала усилие над собой, пытаясь вытерпеть церемонию. Вежливая, чуть покровительственная улыбка играла на ее губах. Улыбка, в которой не было искренней радости, а лишь снисходительность, и я знала, что она исчезнет сразу, как только визит будет окончен и мы сядем в машину.

А по дороге домой начинался спектакль одного актера. Каждый родственник получал от матери нелестную оценку, которая сопровождалась ее смехом, но без намека на юмор. Я видела, как отцовская шея медленно наливается кровью, пока мать, упиваясь своим красноречием, напоминала ему о его корнях, при этом подчеркивая свое благородное происхождение.

Если в памяти моей матери навечно сохранился образ красавца Пэдди с танцплощадки, то в отцовских глазах она навсегда осталась классной англичанкой, которая была слишком хороша для него.

По мере того как мать излагала свои впечатления о визите к родственникам, мое радостное настроение меркло и к тому времени, как я добиралась до постели, поездка в Коулрейн казалась уже далеким воспоминанием. Игра в счастливую семью была окончена, и я знала, что она возобновится лишь в день следующего визита.

Как раз перед последним Рождеством, проведенным в доме с соломенной крышей, мы снова посетили бабушку с дедушкой. К моему восторгу, в крохотном чулане, где дедушка одно время чинил обувь,

оказалась странная птица. Она была больше курицы, с серым оперением и красной глоткой. Цепь на ее лапке крепилась к кольцу в стене. Эта птица напомнила мне о моей тщетной надежде. Надежде на компанию. Надежде на свободу. Когда я спросила у бабушки с дедушкой, как она называется, они сказали: индейка.

Я тотчас окрестила птицу Мистером Индюком. Поначалу, опасаясь его клюва, который был значительно крупнее, чем у курицы, я просто сидела и болтала с ним. Потом, видя, какой он послушный, я осмелела и протянула руку, чтобы погладить его. Птица, еще не привыкшая к новой обстановке, безропотно позволила приласкать себя, и я подумала, что у меня появился новый пернатый друг. Никто мне не сказал, какая судьба была уготована моему новому другу.

Бабушка с дедушкой пригласили нас на Рождество, и я, одетая в свою выходную униформу, играла роль ребенка из счастливой семьи. Маленькая елка, перегруженная красными и золотыми украшениями, стояла у окна в тесной гостиной. Шумные родственники заполнили все помещение, напитки лились рекой, блюда передавались по кругу и с аппетитом поглощались. Мой отец, разогретый алкоголем, веселый и остроумный, находился в центре внимания. Он был любимым сыном и обожаемым братом в этой семье, а меня любили потому, что я была его дочерью.

Старики передвинули стол от окна, где теперь стояла елка, в середину комнаты. Стол раздвинули, и, поскольку это бывало слишком редко, поверхность приставки казалась сделанной из более светлого дерева. Столовые приборы были надраены до блеска, на каждом сервировочном месте лежала рождественская хлопушка, к столу были подставлены дополнительные стулья, позаимствованные у соседей. Меня усадили напротив отца.

Из крохотной кухни доносились вкусные запахи и шум великой суеты. Мясо, отварные овощи, хрустящий жареный картофель, все это в подливке, раскладывали по тарелкам и несли на стол бабушка и тетя. Моя мать помощь свою не предлагала, да ее и не просили.

Когда я увидела свою тарелку, доверху наполненную едой, у меня потекли слюнки; на завтрак я лишь выпила чашку жидкого чая и съела сухое печенье. Я с нетерпением ждала, когда кто-то из взрослых первым приступит к еде, чтобы можно было последовать его примеру, и тут отец ткнул в мой кусок мяса и рассказал, что случилось с моим другом.

Чувство голода сменилось тошнотой, за столом на какое-то время воцарилось молчание, пока я обводила присутствующих недоуменным взглядом. Глаза отца одновременно дразнили меня и бросали вызов. Я

заметила, как переглянулись взрослые, обменявшись снисходительными улыбками, и с трудом заставила себя сдержаться, чтобы не выдать своих чувств. Интуиция подсказывала мне, что, если я откажусь от еды, это не только обрадует отца, но и позабавит других взрослых, которым не понять слез, пролитых по Мистеру Индюку.

И я съела мясо, хотя каждый кусок застревал у меня в горле. Проталкивая их, я чувствовала, как во мне поднимается слепая ярость, – так в то Рождество родилась ненависть. Смех за столом стал для меня символом заговора взрослых, и детство, которое еще не совсем меня покинуло, теперь держалось лишь на тонких ниточках.

Грохнули хлопушки – на головы посыпалось разноцветное конфетти. Лица взрослых полыхали от жара огня и виски, разбавленного водой, которое все, за исключением меня и матери, принимали в неограниченных дозах. Мать пила свой сухой шерри, а я – апельсиновый сок.

Все мои мысли были о той большой нежной птице, которая выглядела такой одинокой и несчастной в чулане, где прожила последние дни своей жизни. Мне стало стыдно, оттого что Рождество принесло ей смерть, и еще было стыдно за себя, ведь, боясь показаться смешной, я все-таки проглотила мясо.

Затем подали рождественский пудинг, и мне попала серебряная монетка. И вот пришло время открывать подарки. Бабушка с дедушкой подарили мне свитер, тетя и дяди – ленты для волос, еще какие-то безделушки и куклу. Родители вручили мне большую посылку с английской почтовой маркой. Открыв ее, я обнаружила несколько книжек Энид Блайтон с дарственной надписью от моей английской бабушки.

Меня захлестнула тоска по ней, и в памяти ожили воспоминания о далеких счастливых днях. Я снова увидела ее маленькую, аккуратно одетую фигурку, услышала ее голос: «Антуанетта, где ты?», услышала собственный смех из потайного угла, где я пряталась, уловила запах ее пудры, в котором угадывались нотки лилий. Я почему-то подумала о том, что, если бы она была с нами, в нашем доме вновь воцарилось бы счастье.

Родители подарили мне пенал для школы и две книги из букинистического магазина. Вскоре после раздачи подарков мы стали собираться в дорогу. В ту ночь, вернувшись домой, я сразу легла в постель, слишком уставшая, чтобы прислушиваться к шорохам на крыше и включать свой фонарик.

На второй день Рождества я отправилась на прогулку одна, впервые оставив собак во дворе – мне хотелось посмотреть, как играют кролики. На вершине небольшого холма было место, где можно было лечь и

понаблюдать за ними. Но в то утро меня ждало разочарование – было слишком холодно и для меня, и для них.

Мое терпение было вознаграждено лишь на Пасху. Я лежала не двигаясь на вершине холма, усеянного ромашками. Старалась даже не дышать, боясь, что малейший шум насторожит кроличьи семейства. Находилась я достаточно близко, чтобы разглядеть белые кончики их хвостов. Кролики покинули свои норы и высыпали в поле полакомиться свежей травкой. В тот день мне на глаза попался кролик-детеныш, которого, казалось, бросили родители. Он сидел, не двигаясь, нервно посверкивая своими глазками. Я нагнулась, чтобы взять его на руки, запихнула под свитер, чтобы согреть, и, пока несла к дому, чувствовала, как сильно бьется его сердце.

– И что тут у нас? – воскликнула мама, заметив комок под моим свитером.

Задрвав свитер, я показала ей кролика, и она осторожно взяла его.

– Мы сделаем ему домик, а когда он вырастет, то сможет найти свою семью, – сказала она.

Собрав старые газеты, она показала мне, как их порвать, чтобы соорудить теплое гнездышко, потом нашла деревянный ящик, и вскоре самодельная клетка была готова. Когда фермеры узнали, что мы спасли крольченка, они принесли нам еще нескольких. Они объяснили, что собаки и лисы часто загрызают взрослых кроликов, оставляя их детенышей совершенно беспомощными. Так мы с мамой стали заботиться об этих сиротах. Мы носили солому, воду и еду в клетки, кормили их с руки.

– Когда они вырастут, – предупредила она меня, – ты уже не сможешь держать их как домашних питомцев. Это дикие кролики. И должны жить в полях. Но мы оставим их у себя, пока они не станут сильными, чтобы самим добывать себе пропитание.

Отец молча наблюдал за тем, как мы с матерью ухаживаем за кроликами. Всегда улавливая его настроение, я чувствовала, что он злится, и боялась встретиться с ним взглядом. Пожалуй, впервые он ничего не сказал, поскольку мама тоже выказывала интерес к моему занятию.

Через несколько недель после того, как был спасен первый кролик и мы уже собирались выпустить его в поле, я, спустившись на первый этаж, наткнулась на суровый взгляд матери, при этом лицо ее было белым от злости.

Прежде чем я успела уклониться, она ударила меня прямо по лицу. Потом ее руки, на удивление сильные для такой хрупкой комплекции, схватили меня за плечи и встряхнули. Отец внимательно наблюдал за

происходящим, устроившись у теплой печи, и на его губах блуждала самодовольная ухмылка.

– Что я сделала? – только и смогла вымолвить я сквозь пелену слез.

– Ты ходила к кроликам и оставила дверцу открытой. Собаки пробрались туда и разорвали их в клочья.

– Вчера вечером я закрыла дверцу, – попыталась протестовать я. – С тех пор я там не была.

Но она снова подняла руку. На этот раз, сказала она, пощечина за ложь. Потом она потащила меня в чулан, чтобы показать следы побоища. На окровавленном полу валялись кусочки хвостов, повсюду были разбросаны клочья меха, из целых частей тушек остались лишь лапы. Мне хотелось закричать, но горло сдавило от подступивших рыданий.

По приказу матери я наполнила ведро водой и принялась отмывать кровь. Пока я драила пол, единственная мысль стучала в моей голове: я знала, что накануне заперла клетку.

Глава 8

Жизнь в доме с соломенной крышей продолжалась; дни, похожие один на другой, тянулись унылой чередой: дорога в школу и обратно, по выходным работа по дому и «поездки». Иногда рутину прерывали визиты к бабушке с дедушкой, но с того Рождества они уже не так радовали меня.

Однажды в субботу, когда я забирала молоко на соседней ферме, жена фермера пригласила всех нас в воскресенье на ужин с чаем. Она передала со мной записку для матери, и, к моему восторгу, родители приняли приглашение.

В сельской местности плотный ужин с чаем подавали в шесть часов вечера, поскольку фермеры вставали с рассветом и ложились спать ранним вечером. Игра в счастливую семью началась, как только я, чистая после ванны, с аккуратной причесанными волосами, надела свой лучший наряд. Я-то надеялась исследовать соседскую ферму, и мне не очень хотелось наряжаться, потому что мама, боясь, что я испачкаюсь, не разрешала мне играть в выходной одежде.

Когда мы приехали, жена фермера, словно прочитав мои мысли, сказала своим двум сыновьям:

– Возьмите Антуанетту и покажите ей нашу ферму. Она любит животных.

Я с радостью бросилась с мальчиками на улицу, прежде чем мама успела предупредить меня, чтобы я не лезла в грязь. Хотя и на два года старше меня, ребята выглядели крайне застенчивыми, но на улице, вдали от взрослых, они оказались очень дружелюбными. Сначала мне показали свинарник, где жирная свиноматка неподвижно лежала на боку, а к ее соскам жадно приникли поросята, которых она, казалось, совершенно не замечала. Заслышав наши голоса, она открыла один опущенный белыми ресницами глаз, но, убедившись в том, что мы не представляем угрозы для ее детенышей, лениво закрыла его и снова погрузилась в дрему. Потом меня повели в коровник, где шла машинная дойка. Крупные животные не обратили на нас никакого внимания и терпеливо стояли в стойлах, пока электродоилки опустошали их вымя. Рядом с коровником находилась домашняя маслобойня, где масло сбивали вручную. И наконец, мы попали в сенной сарай, до самой крыши забитый уложенным в кипы сеном. К самой высокой куче была приставлена лестница, и, заливаясь смехом, мы играли в прятки, пока жена фермера не позвала нас домой.

Мальчикам нужно было помыться – в тот день, хотя это и было воскресенье, они помогли отцу на ферме. Фермер уже закончил работу и тоже пошел переодеваться к чаю, а моя мама предложила хозяйке свою помощь в сервировке стола.

– Антуанетта, ты видела котят? – спросила жена фермера.

– Нет, – ответила я.

В тот день отец играл роль доброго папы.

– Пойдем, – сказал он, взяв меня за руку. – Пока готовят чай, я покажу тебе котят.

Это был последний день, когда я еще верила в доброго папу.

Держа меня за руку, он направился к сараю, где только что я играла с мальчиками. В дальнем углу мы обнаружили кошачий выводок – разноцветных котят, от иссиня-черного до золотистого, крохотных, с мутными голубоватыми глазками. Когда я смотрела на них, один котенок зевнул, показав молочные белые зубки. Между ними промелькнул маленький, очень розовый язычок. Расслабившись от сладких ароматов сена, зачарованная пушистыми комочками, я опустилась на колени, чтобы погладить шелковистую шерстку котят. Я подняла голову и с надеждой посмотрела на отца, мечтая о том, чтобы он разрешил мне взять одного. Но стоило мне заглянуть в его глаза, как я застыла от ужаса: от доброго папы не осталось и следа. Его глаза блестели, во взгляде сквозила насмешка, и страх комом застрял в моем горле, лишив меня дара речи.

Дальнейшее происходило, как в замедленной съемке. Я почувствовала, как его руки грубо задирают мне платье, стаскивают штанишки, и вот уже грубая солома коснулась моего голого тела, а потом он вошел в меня и через какое-то мгновение уже содрогнулся. По моей ноге что-то потекло, но когда я опустила голову, то увидела лишь мыски своих начищенных черных туфель, торчавшие из-под упавших белых штанишек.

Застегнув ширинку, отец достал из кармана чистый носовой платок и швырнул его мне. Словно откуда-то издали прозвучал его голос:

– Вытрись этим, моя девочка.

Радость, которую мне принес тот день, мгновенно испарилась, солнце померкло, и опустившиеся сумерки превратили окружающий мир в серое недружелюбное пространство. Я сделала так, как он сказал, пока он пристально смотрел на меня.

– Готова, Антуанетта? – спросил он, наспех пригладив мои волосы, потом, надев маску доброго папы, взял меня за руку и повел в дом пить чай.

Жена фермера была сама любезность. Решив, что я расстроена из-за того, что отец не позволил взять котенка, она попыталась меня утешить:

– Из них плохие домашние питомцы, Антуанетта. Дикае кошки заняты только охотой на крыс.

Я молча смотрела на нее. Не в силах вымолвить ни слова, я покорно села за стол. Нас ожидал щедрый ужин. Хозяйка угощала домашней ветчиной, жареными цыплятами, сваренными вкрутую яйцами, картофельным салатом, содовым хлебом и домашним джемом. Она все приговаривала:

– Антуанетта, давай, ешь. – А потом заметила, обращаясь к моей матери: – Она сегодня очень тихая.

Мать устремила на меня взгляд, исполненный отвращения, от которого я оцепенела, потом обернулась к жене фермера с заранее заготовленной вежливой улыбкой и ответила:

– Она у нас книжный червь. И совсем не болтушка.

Визит к фермерам был нашим последним семейным выходом, если не считать поездок к старикам в Коулрейн.

Я сидела в комнате отдыха в хосписе и все думала о той маленькой девочке, какой была когда-то. Смешной карапуз, который верил в любовь матери и у которого не было причин сомневаться в других взрослых. Перед глазами снова встала фотография трехлетней малышки, уверенно улыбающейся в объектив. Я подумала о том, каким волнующим было ее путешествие в Северную Ирландию, как она радовалась новой школе, первой собаке. Мне вдруг стало интересно, какой бы выросла Антуанетта, если бы ей позволили развиваться нормально.

Я почувствовала ее присутствие, когда в сознание против моей воли втиснулась еще одна картинка. Я увидела темную комнату; в постели, под одеялом, съежилась маленькая испуганная девочка с зажатым во рту большим пальцем. Ее темные влажные волосы облепили шею, глаза широко открыты. Она слишком напугана, чтобы закрыть их, она боится, что вернется ночной кошмар – кошмар, в котором на нее охотятся, а она совершенно не способна к сопротивлению. Ночные кошмары, которые потом всю жизнь преследовали меня, зародились именно в той детской спальне.

Девочка знала, что уже не вернуть тех дней, когда она могла позвать маму. Ей оставалось лишь лежать и дрожать от страха, пока сон не заставлял ее веки сомкнуться.

Впервые за много лет я вспоминала о страшном предательстве, которое совершили по отношению к той маленькой девочке, предательстве, определившем ее дальнейшую судьбу. Я смогла выжить только потому, что

спрятала Антуанетту в глубинах своей памяти и превратилась в Тони. Если бы я могла дотянуться до нее сквозь прожитые годы, то непременно взяла ее на руки и перенесла в какое-нибудь безопасное место, но Антуанетты больше не было, и некого было спасать.

Я снова и снова задавала себе все тот же вопрос: «Почему моя мать отвергла меня, лишила меня детства?» Я всегда считала, что жизнь у матери не задалась, что она никогда не была счастлива, что отец погубил ее своим эгоизмом. Мать, родом из добропорядочной английской семьи, никогда не любила Северную Ирландию, и я всю жизнь считала, что она просто вышла замуж не за того человека. Но здесь, в хосписе, копаясь в нахлынувших воспоминаниях, от которых некуда было увернуться, я вдруг прозрела, и мне стало по-настоящему понятно, что же сделала моя мать. Когда я рассказала ей про тот поцелуй, она ведь уже знала, что за этим последует. Еще бы ей, тридцатилетней женщине, пережившей войну, не знать. Она забрала меня из школы, где я была счастлива. Из школы, где работали лучшие в Северной Ирландии учителя, и директриса, умная, интеллигентная женщина, сразу бы заметила перемены в ребенке и забила тревогу. До меня дошло, что именно тогда моя мать стала сообщницей отца.

– Теперь ты понимаешь, Тони? – услышала я шепот. – Понимаешь, что она сделала?

– Нет, – ответила я. – Нет, не понимаю. Я хочу, чтобы она сама мне сказала. Пусть скажет, почему она так поступила.

– Вспомни игры, Тони, – прошелестел шепот.

Сначала была его игра в наш секрет. Потом наша общая игра в счастливую семью и, наконец, ее последняя игра в Рут-жертву. В моей памяти всплыли многочисленные эпизоды, в которых она, ловко пользуясь своим английским акцентом и манерами леди, выходила из щекотливых ситуаций, убеждая окружающих в том, что я трудный ребенок, а она – многострадальная мать.

Она знала, что с четырехмильными прогулками в школу и обратно у меня просто не будет времени на друзей. Ребята, которые учились со мной, жили рядом со школой, так что по выходным и праздникам я была полностью от них оторвана. И не было никого, кому можно было бы доверить свои секреты и печали.

Я с грустью подумала о том, что, собственно, все это я уже знала. Я никогда не переставала любить мать, что естественно для ребенка. И я не могла заставить себя разлюбить ее, да у меня и не было такого желания. Но сейчас, когда ей оставалось жить так мало, мне хотелось получить от нее

хотя бы какое-то объяснение. Признается ли она, в конце концов, что не была жертвой и что я не виновата в том, в чем она пыталась меня обвинить? Сорвется ли с ее губ мольба о прощении?

Вот чего мне хотелось, вот на что я надеялась, когда вернулась к кровати матери и, устроившись в откидном кресле, погрузилась в сон.

Глава 9

Черная мгла отчаяния опустилась на дом с соломенной крышей. Окутала его обитателей, затуманила сознание. Отравленная ядом атмосфера порождала такие же ядовитые слова; они стали проводниками горечи, упреков, злости. В словах матери звучали все те же обвинения в адрес отца: он играл, пил, растратил свое выходное армейское пособие. Ее голос гнал его из дома, преследуя до самых ворот. Злостью дышали ответные крики отца.

Ящики снова стояли в гостиной, и собаки, словно чувствуя неопределенность своего будущего, прятались под столом. Мать уже предупредила меня, что нам придется переехать. По вечерам, укладываясь спать, я прятала голову под одеяло, чтобы заглушить тревогу, которую порождали несмолкающие звуки их ссор.

Изоляция нашей куриной фермы, холод и отсутствие денег, которых, сколько бы мать ни трудилась, все равно не хватало, подогревали ее ярость. Но одной отцовской улыбки было достаточно, чтобы ее злоба растаяла.

Моя мать всегда мечтала иметь собственный дом, как это было в ее семье. Но здесь, в доме под соломенной крышей, ее надежды на прибыльный бизнес рухнули: все заработанные деньги съедала аренда, и, разумеется, откладывать было нечего.

– Антуанетта, – сказала она однажды вечером, – завтра я познакомлю тебя с одной пожилой дамой. Если ты ей понравишься, мы, возможно, будем жить у нее. Я хочу, чтобы ты показала себя с лучшей стороны, и, если мы переедем к ней, ты сможешь вернуться в свою старую школу. Ты ведь этого хочешь, не так ли?

Я почувствовала, как во мне шевельнулась надежда, но постаралась скрыть свою радость, робко ответив:

– Да, мамочка, очень хочу.

В ту ночь я засыпала с этой надеждой. Неужели я смогу распрощаться с сельской школой, где меня никто не любит, и вернуться туда, где я была так счастлива? Потом меня посетили и другие мысли: кто эта пожилая дама и почему мама хочет познакомить с ней меня, а не отца? Вопросы, на которые я не могла найти ответов, роились в моей голове, пока меня не сморил сон.

Я проснулась рано утром, и первое, о чем вспомнила, так это о разговоре с матерью накануне вечером. Радостное волнение охватило меня,

но я все-таки попыталась подавить это чувство, поскольку боялась разочарования. Неужели мне действительно предстоит провести целый день с мамой, да еще вернуться в прежнюю школу, навсегда покинув ненавистную сельскую? Надежда уже горела во мне, когда я спускалась по лестнице.

Кастрюли с кипящей водой на печи убедили меня в том, что все сказанное мамой правда и мне предстоит мыться. К тому времени, как я позавтракала, жестяная ванна уже была наполнена. Быстро раздевшись, я легла в воду. Сначала я тщательно намылилась, наслаждаясь ощущением мыльной пены, струящейся между пальцами, потом потерла тело губкой, вымыла голову в подогретой дождевой воде и споласкивала волосы до тех пор, пока они не закрипели от чистоты. Наконец меня вытерли полотенцем. Мать взяла свою массажную щетку и принялась расчесывать мне волосы. Убаюканная ритмичным движением щетки и теплом печи, я прижалась к ее коленям, требуя внимания. Чувство защищенности охватило меня. Мне так хотелось, чтобы мама каждый день ухаживала за мной, как бывало когда-то.

Завязав мои волосы лентой, мама достала мой выходной наряд, выдала пару белых носков и до блеска натерла мои туфли. Когда мы обе были готовы, отец довез нас до Коулрейна, где мы с мамой пересели в автобус, на котором проехали еще несколько миль за город.

Сойдя с автобуса, мы прошли пешком несколько ярдов и остановились у подъездной аллеи, густо заросшей живой изгородью. На дереве крепилась табличка с надписью: «Кулдараг».

Никакие ворота не преграждали нам путь, и мы, держась за руки, двинулись вперед по аллее. Деревья по обе стороны так разрослись, что их кроны сплетались над нашими головами, образуя зеленый кружевной потолок. У корней высокая жесткая трава росла вперемешку с крапивой, заползая на гравий. Стоило мне задаться вопросом, куда же мы все-таки идем, как дорога сделала поворот, и я впервые увидела Кулдараг. У меня перехватило дыхание. Это был самый большой и самый красивый из всех домов, что я когда-либо видела.

Когда мы подошли ближе, нам навстречу выбежали две собаки, виляя хвостами, а за ними вышла статная пожилая дама. Она была высокой и худой, с седыми волосами, забранными в высокий пучок на затылке. Ее прямая походка совсем не требовала трости, которую она держала в левой руке. Правую руку она протянула матери. Дама напомнила мне аристократок со старинных фотографий. Мама пожала ей руку и представила нас друг другу.

– Это моя дочь, Антуанетта, – сказала она, положив руку мне на плечо и улыбнувшись. – А это, Антуанетта, миссис Гивин.

Я так оробела, что проглотила язык, но пожилая дама, казалось уловившая мое смущение, улыбнулась мне.

Миссис Гивин проводила нас в комнату, где уже был сервирован чай на подносе. Я хотя и маленькая, быстро догадалась, что предстоит что-то вроде интервью и что меня, как и мою мать, будут оценивать. Она задала мне несколько вопросов вроде того, чем я люблю заниматься и какое у меня хобби. Потом начала расспрашивать меня о школе, поинтересовалась, нравится ли мне учиться.

Прежде чем я успела ответить, мама вмешалась в разговор:

– Она очень хорошо училась, когда ходила в начальную школу в городе. Но, к сожалению, мы были вынуждены переехать. И школа оказалась слишком далеко от дома. Но ей там очень нравилось, не так ли, Антуанетта?

Я подтвердила.

Мама продолжала:

– Если мы переедем сюда, она сможет ездить в школу на автобусе. Одна из причин, по которой мне бы хотелось переехать, как раз связана с возможностью вернуться в школу, где моей дочке так нравилось учиться.

Пожилая дама посмотрела на меня и спросила:

– Антуанетта, ты действительно этого хочешь?

У меня дрогнуло сердце.

– О, да. Я бы очень хотела вернуться в мою прежнюю школу.

После чая она вдруг протянула мне руку:

– Пойдем, детка. Я покажу тебе дом.

Хотя она не напомнила мне ни одну из моих бабушек и в ней не было ни их тепла, ни их нежности, я инстинктивно полюбила ее. Она все время говорила со мной, пока мы шли на улицу, потом познакомила меня с собаками, которых, совершенно очевидно, любила. Она положила руку на терьера, своим окрасом напомнившего мне Джуди.

– Этот появился в моем доме еще щенком. Сейчас ему уже тринадцать, и его зовут Скамп.

Потом она погладила большую собаку, которая смотрела на нее с обожанием.

– А это Бруно – помесь немецкой овчарки и колли. Ему сейчас два года.

Она расспросила о моих собаках. Я рассказала ей про Джуди, про то, как получила ее на свой пятый день рождения, рассказала, как спасла

Салли, приведя ее домой. Я даже рассказала про Джун, курицу-бентамку. Она потрепала меня по плечу и сказала:

– Если ты переедешь сюда, можешь взять своих собак. Для них здесь достаточно места.

Я вздохнула с облегчением. Этот вопрос я не успела задать, но он все время вертелся у меня на языке. Глядя на собак, которые играли на лужайке, я обратила внимание на большие цветущие кусты, в которых мог бы запросто спрятаться ребенок. Она сказала, что это рододендроны. За кустами тянулись густые заросли высоких деревьев.

– У меня собственная плантация рождественских елок, – сказала миссис Гивин. – Так что на Рождество я всегда могу выбрать себе подходящее дерево.

Мне было очень уютно рядом с ней. Я продолжала болтать, пока она водила меня по саду. Когда мы оказались по другую сторону дома, я увидела коренастых пони, которые паслись на большом поле. Они доверчиво подошли к забору и уставились на нас своими темными влажными глазами в обрамлении густых ресниц. Перегнувшись через забор, чтобы нежно погладить их, миссис Гивин объяснила, что это старенькие, вышедшие на пенсию пони, которые раньше возили тележки с торфом из болот. Теперь они на свободном выгуле и могут доживать свои дни в покое. Выпрямившись, она достала из кармана кубики сахара и протянула их лошадам. Я с изумлением наблюдала за тем, как они, обнюхав ее руку своими бархатными носами, осторожно слизывают сахар.

– Ну что, Антуанетта? – спросила она вдруг. – Ты бы хотела переехать и жить здесь?

И дом, и его окрестности казались мне просто волшебными, о таких замках я читала только в сказках. Я даже и мечтать не могла о том, чтобы пожить в таком месте. Все еще не осмеливаясь поверить ее словам, я взглянула на нее и просто сказала:

– Да, я бы очень хотела.

Она снова улыбнулась мне и повела меня к матери, а потом устроила нам экскурсию по дому. Сначала мы прошли в огромный охотничий зал, где стену над большим мраморным камином украшали мушкеты и ножи ручной работы. Хозяйка рассказала, что их повесил сюда еще ее дед, который воевал с индейцами в Америке. Массивная дубовая дверь вела из зала в ее приватную гостиную, обставленную, даже на мой неискушенный взгляд, очень элегантными, тонкой работы креслами и диванами. Впоследствии я узнала, что это ценная антикварная мебель эпохи Людовика XV.

Когда женщины беседовали, я догадалась, что мою мать интервьюируют как потенциальную экономку и компаньонку. Похоже, у миссис Гивин уже не было средств содержать штат прислуги для такого большого дома, поскольку с открытием многочисленных фабрик в Северной Ирландии кончилась эра дешевой рабочей силы.

Мой отец, как я поняла, должен был продолжать работать механиком в городе. Мать, в свою очередь, надеялась на то, что, сэкономив на арендной плате и заработав денег на новом месте, ей удастся отложить средства на покупку собственного дома.

Узнав, что теперь мы будем жить в этом доме, я догадалась, что успешно прошла некий тест и что моя мама очень счастлива и довольна мной. Я уже не помню, как мы паковали свой скарб в доме с соломенной крышей, но вещей у нас было мало, а старую мебель, как мне кажется, мы вывозить не стали. Куры были распроданы соседям-фермерам, включая и мою бентамку Джун, что меня очень огорчило. У нас было всего несколько чемоданов с пожитками и ящики, уже изрядно потрепанные. Как и при предыдущих переездах, мать набила их одеждой, постельным бельем и книгами.

Когда мы прибыли в Кулдараг, миссис Гивин встретила нас у порога.

– Антуанетта, – сказала она, – пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Она провела меня через охотничий зал вверх по главной лестнице в галерею, откуда выходило несколько дверей. Мне показали большую комнату, где стояла старомодная кованая кровать с толстым пуховым одеялом. Рядом был накрытый салфеткой ночной столик с масляной лампой. У окна находились небольшой письменный стол и книжный шкаф. Хозяйка сказала, что ее комната расположена по соседству, чему я очень обрадовалась. Я наконец-то почувствовала себя в безопасности.

В доме были еще две лестницы, которые вели в неиспользуемую пристройку для слуг. Одна ее половина была мужской, другая – женской. Моим родителям отвели бывшую спальню экономки, которая находилась рядом с единственной в доме ванной комнатой. В прошлом, когда в доме имелась многочисленная прислуга, воду для ванны нагревали на торфяной плите в кухне, и целая армия горничных таскала ее наверх. Теперь же, в отсутствие прислуги, поднимать воду для ванны стало нашей обязанностью.

У подножия лестниц находились еще две комнаты, которые когда-то служили кладовыми дворецкого и горничных. Задняя дверь выходила в маленький внутренний двор, где была оборудована водокачка, поставлявшая в дом питьевую воду. Дождевую воду собирали в бочки и

расходовали на все другие хозяйственные нужды, и каждое утро нужно было наполнять ведра и ставить их возле плиты.

Длинный, выложенный красной плиткой коридор вел от кухни и кладовых в главную часть дома, где находилась родительская гостиная.

Позже, облазив дом, я насчитала двадцать четыре комнаты. Обставлены были только четыре спальни, две из которых занимали я и мои родители. Самые маленькие и пыльные комнаты, где совсем не было мебели, были помещениями для прислуги, теперь неиспользуемыми.

Мало того что в Кулдараге не было ни водопровода, ни электричества – дом освещался масляными лампами и свечами, – так еще и автобус ходил в город лишь раз в день, отъезжая утром и возвращаясь после шести вечера. Мне организовали дневной пансион в школе. Это означало, что после занятий я могла оставаться в теплой библиотеке, делать уроки, а потом ужинать вместе с детьми, которые находились на полном пансионе.

Как только мы устроились в новом доме, мама повезла меня в Коулрейн покупать новую школьную форму. Хотя идея возвращения в школу меня радовала, я была уже далеко не тем счастливым и уверенным в себе ребенком, которого знали мои бывшие одноклассницы. Я стала более замкнутой. Поскольку прошло много времени, учителя посчитали перемены, произошедшие во мне, следствием взросления.

По выходным отец чаще всего отсутствовал, работая сверхурочно, как объясняла моя мать, и для меня это было облегчением. В такие дни мы обедали вместе с миссис Гивин в ее столовой. Как и гостиная, она была обставлена антикварной мебелью, а сервант из красного дерева ломился от серебряной посуды. Мы втроем сидели за сверкающим полировкой столом, за которым могло бы уместиться человек десять. Моя мать, которую нельзя было назвать хорошим поваром, по выходным все-таки умудрялась состряпать жаркое. Оглядываясь назад, я бы сказала, что отец намеренно отсутствовал по выходным, поскольку ему было тягостно общество миссис Гивин, этой представительницы вымирающей породы североирландской аристократии. Мой отец всегда чувствовал себя неловко в компании таких людей, в то время как мать была среди них как рыба в воде. Мне кажется, она мысленно представляла себя, скорее, подругой старой аристократки, чем экономкой.

Миссис Гивин было за восемьдесят, но держалась она гордо и с достоинством. Я интуитивно чувствовала, что она одинока, и между нами установились особые доверительные отношения, как это часто бывает между старым и малым. После ланча я помогала матери убрать со стола и вымыть посуду. Потом я выходила на улицу вместе со всеми собаками. Мы

играли в кустах рододендронов, которые были настолько высокими, что за ними можно было прятаться не пригибаясь, или навещали стареньких пони. Если я угощала их сладким, они разрешали мне потрогать свои теплые носы и погладить холку.

В те дни я чувствовала себя защищенной, и это было связано, прежде всего, с местонахождением моей спальни. Отец не осмеливался приближаться к моей двери, зная, что спальня миссис Гивин находится через стенку.

В дождливые дни я исследовала дом. В шкафах у миссис Гивин хранилось много реликвий времен американских войн, и она с удовольствием рассказывала мне о своем деду и показывала его сувениры.

А еще я любила забираться с книгой в просторную кухню, где всегда вкусно пахло свежим хлебом и тортами, которые пекла моя мама. В доме готовили на торфяной плите. Прежде чем я успевала пуститься в авантюры с «Великолепной пятеркой» или погрузиться в воду вместе с «Водяными детьми», мне давали самые разнообразные поручения. Накачать питьевой воды из колонки. Принести торфяные брикеты для плиты и корзины с дровами для каминов в комнатах. В солнечные дни, редкие для североирландской зимы, я ходила в лес, чтобы собрать сухие ветки. Мы складывали их за плитой, чтобы они подсыхали, а потом использовали для розжига. Мама прочитала где-то, что чай из жгучей крапивы полезен для здоровья, и я, надев садовые перчатки, отправлялась собирать зеленую траву, которую мама отваривала на медленном огне, наполняя кухню горьким ароматом.

Зимними утрами, когда нужно было собираться в школу, я со свечой в руке брела по коридорам за водой и слышала, как возятся по углам мыши. Я не боялась, просто видела в них лишнее неудобство, ведь присутствие в доме грызунов означало, что каждую крошку еды нужно было хранить в жестяных банках или другой закрытой посуде. Однажды утром я обнаружила открытый пакет с сахаром, который отец, вернувшийся домой поздно вечером, оставил на столе. В пакете сидела упитанная мышь с глазками-бусинками и шевелила усами. Я прогнала ее и выбросила остатки сахара. Хотя в Кулдараге была целая армия кошек, каждое утро появлялись свежие следы мышиной жизнедеятельности, и моей обязанностью было убирать их.

Наступила Пасха, а с ней и улучшение погоды. Теперь я могла проводить большую часть времени в прогулках по лесу с собаками. Я бродила по ковру из опавших листьев, нежилась под лучами солнца, которые пробивались сквозь молодую зеленую листву. Слушала счастливое

пение птиц, круживших вокруг своих насиженных гнезд. Скамп, уже ослепший, был слишком стар для таких прогулок, но остальные три собаки с радостью сопровождали меня, носились вокруг, рыли землю. Джуди частенько отрывалась от меня, увлекшись охотой на кроликов. Бруно по моей команде «Искать!» отправлялся на ее поиски и приводил обратно.

Между плантацией рождественских елок и лесом протекал ручей. Я ложилась на берегу, высматривала лягушек, била по воде палкой, проверяя, есть ли какая-то жизнь в грязи. Мое терпение частенько вознаграждалось появлением лягушат, только что вылупившихся из головастиков, или жаб в усеянной примулами траве.

Ранним вечером мы с миссис Гивин шли к пони, чтобы угостить их сладостями. Они всегда знали время нашего прихода и стояли у забора в терпеливом ожидании. Вернувшись в дом, я помогала матери приготовить ужин с чаем, с которым нужно было успеть до возвращения отца с работы. Я относила поднос для миссис Гивин в ее гостиную и возвращалась на кухню, где ужинала с родителями.

В те месяцы отец почти не разговаривал со мной. Я чувствовала на себя его следящий взгляд, но в целом он будто не замечал меня, а я его. Те дни были мирной интерлюдией в моей жизни, и мне казалось, что она будет длиться вечно, но разве такое возможно?

В самом начале школьных летних каникул я, проснувшись утром, поразилась странной тишине в доме. Спускаясь по черной лестнице к кухне, я уже чувствовала неладное. Пока мама готовила мне завтрак, я узнала, что миссис Гивин мирно умерла во сне. Мама очень аккуратно преподнесла мне эту страшную новость, зная, как я была привязана к хозяйке. Ощущение безысходности охватило меня, ведь я лишилась не только защитника, но и друга. Я захотела попрощаться с ней и поднялась по лестнице в ее спальню, где она лежала на кровати с закрытыми глазами и повязкой на голове. Я впервые видела смерть, но совсем не испугалась. Я просто поняла, что ее больше нет.

В тот день собаки были притихшими. Казалось, они, так же как и я, чувствовали, что потеряли друга. Вечером я отнесла пони угощение, погладила их и нашла некоторое утешение в их печальных взглядах.

Я не помню похорон или приезда родственников, но, очевидно, все это было. Помню только, что невестка миссис Гивин осталась пожить какое-то время, чтобы провести инвентаризацию дома и, прежде всего, антиквариата. Это была очаровательная женщина, от которой всегда пахло духами. Она приглашала меня к себе в комнату, дарила мне заколки для волос и ленты. Но больше всего меня взволновало платье из шотландки,

которое она привезла мне из Лондона. Моя мать, опытная портниха, сшила мне первый пиджак из серой фланели. Когда я увидела себя в зеркале, то была очень горда своей внезапно повзрослевшей внешностью и с нетерпением ждала, когда молодая миссис Гивин поведет меня в церковь и я смогу надеть свой новый наряд.

Как раз во время ее визита воскресная служба была прервана появлением летучей мыши, которая вдруг прощуршала над нашими головами. Для меня это была обычная летающая мышка, но для охваченных паникой прихожан она стала олицетворением сил зла. В то воскресенье службу быстро свернули. Я решила, что взрослые – ужасные трусы и пугаются самых невинных мелочей.

Тогда я впервые наблюдала свою мать в компании другой женщины примерно ее же возраста, и видела, что она наслаждается этим общением. Интуитивно я всегда чувствовала, что ее тяготит общество папиной бабушки и моей тети. По выходным мы втроем часто сидели в саду и пили чай на английский манер. Мама выкатывала тележку с сэндвичами с яйцом и кресс-салатом или тонко нарезанной ветчиной. Были и свежее испеченные лепешки с джемом и сливками, и фруктовый торт, и все это мы запивали чаем, который разливали из серебряного чайника в фарфоровые чашки. Мама беседовала с молодой миссис Гивин, а я чувствовала себя очень взрослой, потому что тоже участвовала в этих разговорах.

День, которого я ждала с ужасом, наступил. Миссис Гивин-младшая сообщила мне, что должна вернуться в Лондон. Перед отъездом она вручила мне подарок.

– Антуанетта, – сказала она, – я знаю, что скоро у тебя день рождения. Мне очень жаль, что я не смогу быть на нем, но я приготовила тебе маленький подарок.

И она показала мне маленький золотой медальон на цепочке, которую затем застегнула на моей шее.

Теперь, когда дом опустел, моя мама, как мне казалось, чувствовала себя в нем полноправной хозяйкой. И по сути, еще целый год так оно и было.

Глава 10

Золотистый солнечный свет защекотал мне веки, заставляя проснуться. Я сонным взглядом обвела комнату. Луч солнца упал на мое новое платье из шотландки, висевшее на двери, усиливая яркость красно-синей клетки.

Счастливое волнение подсказало мне, что сегодня мой десятый день рождения. И именно сегодня должна была состояться первая в моей жизни вечеринка; ее ждали все девочки нашего класса, все четырнадцать. Отец, услышав от матери эту новость, сообщил нам о том, что собирается целый день играть в гольф, тем самым преподнес мне особо ценный подарок – свое отсутствие. Это был мой день, и его первую половину я могла провести вдвоем с мамой. Отсутствие отца означало, что ничто не омрачит праздника, который я по праву считала своим.

Мой взгляд остановился на золотом медальоне с цепочкой, который мне подарила молодая миссис Гивин, и мне стало грустно оттого, что ни она, ни ее свекровь сегодня не со мной. Еще во время летних каникул мама сказала мне, что в этом году я могу устроить вечеринку по случаю дня рождения. Я вспомнила, с каким волнением отнесла в школу приглашения. Все мои одноклассницы с удовольствием приняли их, и я с нетерпением ждала, когда смогу показать девочкам свой дом. Именно свой, потому что для меня, как и для моей матери, Кулдараг давно уже стал родным.

Мои прогулки с собаками по лесу неизменно заканчивались на плантации рождественских елок, где я всякий раз задумывалась о молодых Гивинах, которые год за годом выбирали себе на Рождество дерево, несли его в огромный зал. Я представляла себе, как они, нарядные, будто сошедшие с фотографий, развешенных в гостиной, встают на лестницу, чтобы украсить елку. Представляла себе, как рождественским утром они собираются перед камином, чтобы открыть подарки, а прислуга стоит в дверях, ожидая распоряжений по случаю праздника.

Я потянулась под одеялом, намеренно оттягивая момент подъема, чтобы понежиться еще немного. Мне очень хотелось поделиться Кулдарагом со своими подругами. Я хотела, чтобы они тоже прониклись магией этого места.

Голос матери, донесшийся снизу, ворвался в мои мечты. Натянув старую одежду, сложенную на стуле, я спустилась вниз. Вкусные запахи выпечки разносились по коридору, сообщая мне о том, что мама уже за работой.

Я знала, что праздничный торт с розовой глазурью и десятью белыми свечками, расставленными между буквами надписи «С днем рождения!», был испечен еще накануне. Когда я зашла на кухню, то увидела ряды маленьких пирожных, остывающих на решетке. Рядом стояла накрытая миска, которую, я знала, можно будет вылизать после завтрака, как только охлажденной глазурью с разноцветными карамельными шариками украсят пирожные.

Стол был накрыт на двоих; посередине чайник, коричневые яйца в белых рюмках, а рядом с тарелками – свертки.

– С днем рождения, дорогая, – сказала мама, целуя меня.

Я чувствовала, что меня ждет необыкновенный день. Развернув подарки, я обнаружила пару новых туфель от моих родителей – лаковых, черных, с тонкими ремешками; свитер «фэр-айл» с пестрым рисунком от моих ирландских бабушки и дедушки; три книги Луизы М. Элкотт: «Маленькие женщины», «Маленькие мужчины» и «Маленькие мужчины становятся взрослыми» – я так часто намекала на то, что хочу их почитать, – от моей английской бабушки. С аппетитом уплетая завтрак, украдкой подбрасывая собакам кусочки, я радовалась тому, что день выдался солнечный, что мама полностью в моем распоряжении, а подарки такие замечательные.

Всю неделю я ждала этого праздника. Воображала, как буду показывать девочкам дом. Представляла, под каким они будут впечатлением, как скажут, что мне повезло, что я живу в таком месте. Предвкушение возможности пригласить в гости своих одноклассниц увеличивало радость от возвращения в школу после долгих летних каникул. Хотя каникулы и были счастливым временем года, они все-таки несли с собой одиночество. С отъездом молодой миссис Гивин я все сильнее ощущала тоску, и даже собаки не могли полностью разогнать ее. В шортах, футболке и сандалиях, я день за днем вместе со своими питомцами бродила по поместью. Прихватив с собой бутылочку сока и сэндвичи, я иногда исчезала из дома почти на целый день, возвращаясь с хворостом, который мы использовали для растопки плиты. Я с удовольствием исполняла свои обязанности по дому, в которые теперь, когда я стала старше, входила и распилка сухих сучьев на дрова. Но я практически никого не видела, не покидала пределов Кулдарага, и мне не хватало общения со сверстниками. По соседству не было никаких ферм, ближайшие магазины находились только в Коулрейне, куда можно было добраться на автобусе с рейсом один раз в день, так что мы редко выбирались в город. Приходилось рассчитывать только на ежедневную

доставку молока и передвижную бакалейную лавку, которая приезжала дважды в неделю.

Однако те летние каникулы очень сблизили нас с мамой, ведь мы друг для друга были единственной компанией. В дождливые дни мы устраивались на кухне и пировали, поглощая домашние торты, которые она пекла. Я читала, мысленно уносясь вслед за своими фантазиями, она вязала; пощелкивание ее спиц создавало умиротворяющий шумовой фон.

Она связала мне темно-зеленый джемпер с V-образным вырезом, окантованным черным и белым, в котором я должна была пойти в школу. Иногда она натягивала мои шерстяные носки на деревянный грибок и штопала дырки, которые регулярно появлялись, или же вздыхала по поводу юбки, которую надо бы отпустить, но подол уже не позволял это сделать. Заданные на лето школьные проекты тоже требовали времени, так что дел хватало.

После завтрака я помогла матери украсить пирожные глазурью и вышла погулять с собаками. Мама предупредила меня, чтобы я далеко не уходила, поскольку надо готовиться к приему гостей, и в лес я решила не ходить. Вместо этого я пошла поздороваться с пони. Погладив их и угостив сладким, я направилась обратно к дому.

Солнце придавало красному кирпичу здания теплый медовый оттенок. Я пересекла задний двор и через дверь черного входа зашла на кухню. Кастрюли с водой уже стояли на плите, и их оставалось только отнести наверх, в ванную. Мне пришлось совершить три рейса, прежде чем ванна наполнилась на достаточную глубину.

Я переоделась в подарки молодой миссис Гивин. Надела клетчатое платье с дорожкой пуговиц на спине, мама помогла мне застегнуть их. Новые черные туфли отлично смотрелись с белыми носками, а на шее у меня висела золотая цепочка с медальоном. Чистые волосы были зачесаны на одну сторону и сколоты заколкой. Я задержалась у зеркала, любуясь своим отражением.

За полчаса до приезда девочек я уже стояла на крыльце, устремив взгляд на подъездную аллею, ожидая появления первой машины. Собаки лежали у меня в ногах, настойчиво навязывая свою компанию, словно чуя что-то в воздухе. Как и я, они не сводили глаз с дороги.

Пробил час, указанный в приглашениях, и спустя несколько минут на пыльной подъездной аллее показалась вереница черных автомобилей. Гравий зашуршал под их колесами, разлетаясь в разные стороны, когда они замерли перед входом, где я ожидала гостей, чувствуя себя такой же хозяйкой этого дома, как и моя мать. Распахнулись дверцы автомобилей, и

оттуда высыпали аккуратно одетые девочки, все с красиво упакованными подарками. Заверив мою мать в том, что в половине седьмого всех заберут, их родители уехали.

Мама вынесла кувшины с соком, и мы расположились на лужайке, где разложили подарки. Лица девочек горели нетерпением, пока я один за другим разворачивали свертки. Под упаковочной бумагой обнаруживались коробки конфет, которые тут же пускали по кругу, пока моя мама, испугавшись, что мы перебьем себе аппетит, не отнесла их в дом. В других коробках лежали заколки для волос и ленты. Новая ручка в футляре вызвала у меня восторженный вздох, так же как и дневник в розовой обложке, дневник, который так и остался неисписанным, поскольку после того дня я поняла, что писать не о чем. Но тогда, в окружении одноклассниц, под теплыми лучами солнца, я и не догадывалась о том, что меня ждет.

Мама помогла мне собрать все подарки, потом попросила показать девочкам дом, о чем, собственно, меня и не надо было просить. Я повела их в охотничий зал, где, показывая американские реликвии, уловила перемену в атмосфере. Сначала раздался шепот, потом странное бормотанье и удивленный смешок, и я вдруг взглянула на свой обожаемый Кулдарак их глазами.

Вместо величия, которое так часто описывалось мной, я увидела заброшенные каминные, набитые газетами во избежание сквозняков; свисающую по углам паутину, пыльные ковровые дорожки на лестницах, ведущих к необставленным спальням наверху. В столовой я заметила, как они смотрят на потускневшее серебро, которое не чистили с тех пор, как умерла миссис Гивин. Увидела потертые шторы, которые сто лет провисели на окнах, и масляные лампы, свидетельство того, что в этом огромном реликте из другой эпохи нет электричества.

– А откуда же идет горячая вода? – послышался чей-то шепот.

Мои одноклассницы были детьми из особняков с живописными садами, современной мебелью и блестящим серебром. Они жили в домах, где прислугой изгонялся даже намек на пыль, а ежедневные ванны воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Им не дано было разглядеть ту магию, которую чувствовала я. Они видели перед собой заброшенный дом и не более того. И эта безошибочная детская интуиция лишь подтверждала информацию, которую они почерпнули от своих родителей. Они знали, что моя мать присматривает за домом. Знали, что я не из обеспеченной семьи и, значит, им не ровня.

Я снова почувствовала дистанцию между нами и поняла, что по-

прежнему аутсайдер. В тот день девочек привело ко мне любопытство, а вовсе не дружба. Дружба, в которую я верила, снова ускользнула. У меня возникло такое ощущение, будто я нахожусь за стеклянной перегородкой. Глядя на то, как хихикают и болтают мои одноклассницы, я видела только их мимику и жесты. Я была по ту сторону, подглядывала за чужим праздником.

В тот день мы играли, и прятки при таком количестве комнат были нашей любимой игрой, но когда наступала моя очередь прятаться, меня искали не с таким азартом, как других девочек. Я чувствовала их духовное единение, пока они стояли на крыльце и ждали, когда за ними приедут на машинах, чтобы освободить от повинности и вернуть в их стерильные дома.

Приготовленные мамой сэндвичи, фруктовое желе и пирожные с глазурью были с радостью сметены и запиты соком. Вынесли праздничный торт, и, прежде чем разрезать его, я должна была задуть свечи. Я слышала, что если это сделать за один раз, то можно загадать желание. Набрав в легкие как можно больше воздуха, крепко зажмурившись, я дунула. Раздались аплодисменты, и я открыла глаза. Все свечи погасли, и, снова зажмурившись, я загадала.

«Пусть они полюбят меня, пусть станут моими друзьями», – попросила я, и когда открыла глаза, на мгновение мне показалось, что мое желание исполнилось.

Теперь, решила я, пора угостить девочек конфетами, которые они мне подарили. Но, подойдя к коробкам с подарками, я увидела, что конфет уже не осталось. Должно быть, их съели во время игры в прятки, когда я, забившись в одну из пыльных нежилых комнат, слишком долго ждала, пока меня найдут. Растерявшись, я посмотрела на маму. Она рассмеялась:

– Дорогая, нужно уметь делиться.

Я видела, как она и девочки обменялись заговорщическими улыбками, и поняла, что они смеются надо мной. Я смотрела на улыбающиеся лица и снова чувствовала себя изгоем.

Когда праздник подошел к концу, я стояла на ступеньках Кулдарага и смотрела, как мои «друзья» разъезжаются на машинах после вежливых благодарностей за проведенный день и туманных обещаний пригласить к себе домой. Мне так хотелось верить им, и я счастливо махала вслед отъезжающим автомобилям, пока последний из них не скрылся из виду.

В семь часов вернулся отец. По его раскрасневшемуся лицу я догадалась, что он пьян. Его взгляд остановился на мне. Мне хотелось

уйти, исчезнуть, но, как это всегда бывало, под его взглядом я словно приросла к месту.

Мать, голосом чуть звонче обычного, что было признаком ее нервозности, попросила меня показать ему подарки.

– Посмотри, Пэдди, что ей подарили.

Я стала демонстрировать подарки.

– А где же конфеты? – Прочитав ответ по моему лицу, он фыркнул: – Даже не догадалась оставить своему старичку хотя бы одну конфетку?

Я вглядывалась в его лицо, пытаюсь угадать, шутит ли со мной отец-весельчак или издевается тот, другой. Пока я мучилась над этим вопросом, ужас все сильнее сковывал меня.

Последним подарком, который я показала отцу, была ручка, черная с серебристым колпачком. Протягивая ее, я заметила, как дрожит моя рука, и по отцовской улыбке поняла, что он тоже это видит.

– А где та ручка, что мы с мамой купили тебе? – спросил он, и у меня замерло сердце, когда я увидела, что передо мной вовсе не отец-весельчак.

– У меня в рюкзаке, – только и смогла вымолвить я.

Он издал недовольный смешок:

– Ну, неси тогда. Тебе ведь не нужны две ручки.

– Нужны, – запротестовала я. – Мне нужна запасная, поэтому Мария и подарила мне эту.

Мне показалось, что прямо на моих глазах он раздувается, совсем как те жабы, которых я видела в лесу. Грудь его распирало, глаза налились кровью. Я увидела знакомое подергивание губ и слишком поздно поняла, что не стоило с ним спорить.

– Ты еще будешь мне перечить? – взревел он и, схватив меня за ворот платья, стащил со стула.

Я рухнула на пол и едва не задохнулась, когда его руки сомкнулись на моем горле. Я едва расслышала, как вскрикнула мать:

– Пэдди, остановись, ты же убьешь ее!

Я пыталась вырваться, разжать его пальцы, слышала свое хриплое дыхание, а мои ноги беспомощно били воздух.

Снова раздался его рев:

– Будешь делать то, что я сказал!

До меня доносились звуки маминой мольбы, и наконец его хватка ослабла. Я приподнялась, ошарашенная, оглушенная.

– Убери ее с глаз моих долой, – крикнул он матери. – Уведи в ее комнату.

Она, ни слова не говоря, взяла меня за руку и быстро вывела в

коридор, провела по лестнице и там, наверху, резко отпустила. Сердито глядя на меня, она велела не высовываться из комнаты.

– Почему ты все время его злишь? Ты же знаешь, какой у него характер. – Голос ее звучал устало. – Неужели ты не можешь, хотя бы ради меня, попытаться жить с ним мирно?

Я расслышала умоляющие нотки в ее голосе и поняла, что она напугана не меньше моего.

Позже она вернулась в мою спальню, где я, все еще в прострации, пыталась успокоиться за чтением «Маленьких женщин». Наши взгляды встретились, и мне стало ясно, что чувство защищенности, которое я испытывала в этом доме, когда здесь жили обе миссис Гивин, ушло навсегда. Я поняла, что мать приняла сторону отца, а мне была отведена роль трудного ребенка.

– Постарайся больше не сердить отца, Антуанетта.

Вот и все, что она сказала, унося из моей комнаты масляную лампу. Я закрыла глаза. Лишенная возможности читать, я стала сочинять свою историю. Историю, в которой я снова была любима, у меня было много подруг и все приглашали меня в гости.

Я снова в хосписе. Приготовила себе кофе и закурила, пытаюсь остановить поток воспоминаний, но Антуанетта, призрак моего детства, не покидала меня. Я снова услышала ее голос:

– Тони, вспоминай сама, вспоминай, как все было на самом деле.

Я-то думала, что с прошлым покончено, но лицо Антуанетты вновь и вновь вставало передо мной. Я уже давно уничтожила почти все фотографии из своего детства, но сейчас они опять, словно в калейдоскопе, сменяли друг друга на моих глазах.

Я вновь видела кудрявую девочку, которая уверенно улыбалась в объектив, сложив на коленях свои пухлые ручки. На той фотографии она была в любимом платье с оборками, сшитом матерью.

Несколькими годами позже она уже позировала в клетчатом платье, слишком коротком для ее угловатой костлявой фигуры, без носков и в стоптанных сандалиях. Под ничего не выражающими глазами залегли темные круги. Она стояла на лужайке Кулдарага, держа на поводке Джуди, а ее остальные друзья, собаки, лежали у ног.

На другой фотографии она была снята на фоне рододендронов Кулдарага вместе с матерью, которую так любила. И не было ни одного снимка, где рядом с ней находились бы другие дети или подруги.

Я заставила себя отвлечься от просмотра этих виртуальных фотографий и вернулась к постели матери. Но, закрыв глаза, снова

унеслась в прошлое, вспомнив несчастную одинокую девочку из Кулдарага. Девочку, которой испортили день рождения, и не только жестокостью отца и безразличием матери, но и тем унижением, что она испытала, общаясь со сверстницами. Я снова увидела ее за воображаемой стеклянной перегородкой, откуда она наблюдала за тем, как играют, смеются и болтают ее одноклассницы. Она так и не смогла стать полноправным членом их компании.

Она и в самом деле не могла почувствовать себя одной из них, потому что ее детство давно ушло. К своему десятому дню рождения она уже знала, что счастье – это всего лишь мимолетная иллюзия.

Сидя у постели матери, я вдруг вспомнила один эпизод моего тайного протеста и усмехнулась. Это случилось вскоре после того злосчастного дня рождения и стало моей попыткой доказать, что маленькая девочка способна испытывать злость и может постоять за себя.

В Кулдараге все неиспользуемые каминные трубы были забиты газетами, чтобы не выдувало тепло и не залетали птицы и летучие мыши. Когда я в сумерках ходила за водой, то часто видела, как вокруг дома кружат летучие мыши, с наступлением темноты выбирающиеся в свой невидимый мир.

Наблюдая за ними, я вспомнила тот день в церкви, когда звон колокола потревожил одну из них. Я видела, какой ужас вселил ее слепой полет в женскую половину паствы.

Я тщательно выбрала время, зная, что когда по пятницам отец уезжает в Коулрейн на своей машине, то возвращается поздно и пьяный. Знала я и то, как ведет себя мать в такие дни. Отчаявшись дождаться его, она пробиралась по длинному темному коридору из гостиной на кухню со свечой в руке. На кухне она заваривала чай, а потом поднималась по черной лестнице в свою спальню.

В ту ночь, зная, что мать думает, будто я уже сплю, я осторожно встала с постели, чтобы осуществить свой план. Летучие мыши должны были получить максимальный доступ в дом. Я проделала дырки в газетной набивке каминов. После этого открыла заднюю дверь, которая вела во внутренний дворик, где находились заброшенные конюшни, в которых жили летучие мыши.

После этого я устроилась на верхней площадке черной лестницы, терпеливо ожидая ночных гостей, исполнителей моей маленькой мести. Мое терпение было вознаграждено. Одна храбрая летучая мышь впорхнула в заднюю дверь. Убедившись в том, что она залетела достаточно далеко в дом, я босиком спустилась по лестнице и тихо притворила дверь.

Дрожа от холода, я вернулась на свой пост на лестнице и стала ждать.

Ждать пришлось недолго.

Я увидела оранжевое сияние, просочившееся из открывшейся двери гостиной. Показалась зажата в руке матери свеча, освещавшая ей путь по коридору. Потом я услышала ее крик, когда летучая мышь прощуршала у нее над головой.

Я знала, что она оцепенела от ужаса. Быстро сбегав по лестнице, я обняла ее, взяла свечу из ее дрожащих пальцев и провела обратно в гостиную, где усадила в кресло. Я сказала, что была в ванной, когда услышала ее крик.

Пока она сидела, заливаясь слезами, я взяла свечу и прошла на кухню, где спящие собаки даже не шелохнулись, и приготовила ей чай. Поставив на поднос чашку, молочник и сахарницу, я помогла матери подняться по лестнице в спальню. Я опустила поднос на ночной столик, обняла мать, потому что все-таки любила ее.

Глядя уже глазами взрослого человека на жизнь своей матери, я все пыталась решить, каково ей было в те годы. Я могла понять, почему ей так хотелось ускользнуть в мир фантазий, где мы были счастливой семьей. В конце концов, что еще у нее было? Со смертью миссис Гивин она лишилась общения. В Северной Ирландии у нее было ни друзей, ни родных, ни, разумеется, финансовой независимости. В отсутствие транспорта, ее изоляция становилась все более ощутимой, и я чувствовала, что она погружается в глубокую депрессию.

В наши дни женщина, конечно, имеет выбор, которого была лишена моя мать, но я не уверена в том, что она выбрала бы другой путь, будь у нее такая возможность. В этом меня убедили события последующих лет.

Я сидела возле постели матери, разглядывая ее в тусклом ночном свете. Я смотрела на ее хрупкое беспомощное тело и видела, что сон разгладил морщины, вызванные болью. Я испытывала те же противоречивые эмоции, что и маленькая девочка, сидевшая возле матери в ту ночь: недоумение, злость и сильное желание утешить и защитить ее.

Глава 11

Теперь, когда Гивинов не стало, отец снова стал навещать меня в спальню. В те дни, когда он собирался задержаться после работы, он уезжал в город на своей машине. Возвращался он, когда мы с мамой уже спали, каждая в своей комнате, в разных концах дома. В моей спальне было темно, лишь яркими ночами в комнату сочился лунный свет. Я часто проваливалась в сон, воображая нарисованное на луне доброе и веселое мужское лицо. Фонарик я давно потеряла, мою лампу мать забрала, и лишь свеча помогала мне пробираться по коридору к себе. Лежа в темноте со сжатыми кулаками, я крепко зажмурилась в надежде на то, что если я не открою глаза, он не появится. Но он всегда появлялся. Я пыталась забраться глубже под одеяло. Но потом чувствовала холод, когда он стаскивал одеяло и задирает мою фланелевую сорочку. Он шептал мне на ухо: – Тебе ведь это нравится, Антуанетта, правда?

Я молчала.

Он говорил:

– Ты ведь хочешь получить немного карманных денег?

Он доставал монетку в полкроны и запихивал ее в мой кулак. Потом снимал брюки. Я навсегда запомнила его запах. Перегар от виски, табачная вонь, потное тело – дезодорантом он не пользовался. Он залезал на меня. Теперь, когда я стала чуть старше, он позволял себе проникать глубже, хотя по-прежнему проявлял осторожность. Даже сквозь закрытые веки я чувствовала его тяжелый взгляд. Он приказывал мне открыть глаза. Я не хотела. Уже тогда он бил меня за это. После судорожных вздохов он скатывался с меня, быстро одевался и шел в постель к матери. Я оставалась с зажатой в кулаке монеткой в полкроны.

Чем чаще он меня навещал, тем агрессивнее становилось его поведение. Как-то вечером я играла в бывшей гостиной миссис Гивин. Я ушла туда, чтобы побыть одной, подальше от родителей. Он вошел с газетой, сел. У меня в руках была трещотка, и я просто забавлялась ей, прислушиваясь к звукам, которые она издавала. Потом я почувствовала, что он смотрит на меня.

– Антуанетта, – сказал он, – прекрати это, прекрати сейчас же.

От страха я подпрыгнула. Трещотка выпала у меня из рук, издав свой прощальный писк. Казалось, он только этого и ждал. Он схватил меня за шиворот и с силой швырнул на пол.

– Если я сказал прекратить, значит, надо прекратить немедленно! – заорал он.

Часто по ночам я просыпалась от ставшего уже привычным кошмара. Мне снилось, что я падаю, проваливаясь в темноту. И в этот кошмар являлся отец, который будил меня. После его ухода заснуть было не так-то легко. По утрам я чувствовала усталость, когда спускалась на кухню, чтобы принести себе горячей воды для ванны. Я всегда старалась тщательно подмываться после его ночных визитов. Мне трудно вспомнить, что именно я тогда чувствовала, но, скорее всего, ничего.

Теперь, когда его визиты стали частыми, я регулярно получала «карманные деньги» и снова могла тратить их на покупку конфет для завоевывания друзей. Дети, как животные, чувствуют того, кто слаб, кто не похож на других, уязвим. Даже притом что это были хорошо воспитанные дети, не приученные к жестокости, они испытывали инстинктивную неприязнь по отношению ко мне. Так что после занятий, оставаясь на обеда в школе, я старалась по возможности избегать общения со сверстницами и садилась либо с младшими школьницами, с которыми могла играть, либо со старшеклассницами, которые были добры ко мне. После обеда я проводила свободное время в библиотеке, где делала домашние задания. Я знала, что в школе меня не любят, и догадывалась, что для учителей это тоже не секрет. Внешне со мной были любезны, но я чувствовала себя чужой в этой школе. В десять лет я перестала надеяться на то, что меня полюбят.

Дорога домой на автобусе занимала около получаса, и я старалась дочитать те параграфы учебников, которые, я знала, будут спрашивать на следующий день. Однажды вечером на одной из остановок в автобус зашел мой отец и сел не рядом, а напротив, чтобы смотреть на меня. На его лице была улыбка отца-весельчака. Но я уже не верила ей. В тот вечер я не смогла найти свой проездной билет. Я чувствовала на себе взгляд отца и от страха никак не могла найти билет ни в рюкзаке, ни в карманах. Шепотом я обратилась к кондуктору:

– Я не могу найти свой билет. Пожалуйста, не говорите моему отцу.

Но кондуктор лишь рассмеялся. Он знал, что у меня проездной на неделю, потому что работал в этом автобусе каждый день.

– Ничего страшного, – сказал он. – Да отец и не будет тебя ругать. Посмотри на него. Он же улыбается. Не будь глупой.

Действительно, передо мной сидел улыбающийся отец, но я видела его налитые кровью глаза. И тут он подмигнул мне. Я хорошо знала этот жест. Та поездка показалась мне вечностью, хотя мы проехали всего несколько

милль. Было очень темно, когда мы вышли из автобуса, и очень холодно. Как только автобус скрылся из виду, отец схватил меня, как я и ожидала. И ударил. Прямо по спине, грубо придерживая одной рукой. Он колотил меня, тряс. Я не плакала и не кричала. Во всяком случае, тогда. Я не издала ни звука. Я давно уже перестала кричать при нем. Но пока он вел меня к дому, слезы все-таки катились по моим щекам. Мама наверняка видела их следы. Но ничего не сказала. Я съела ужин, слишком расстроенная, чтобы хотеть есть, и слишком испуганная, чтобы от него отказаться. Потом доделала оставшиеся уроки и пошла спать. Наверное, в тот день мне стало ясно, что я не тот ребенок, который все время пытается разозлить своих родителей, просто один из моих родителей все время ищет предлог, чтобы меня наказать и ударить.

В ту ночь отец пришел ко мне, когда я еще не спала. Он сорвал с меня одеяло. Я почувствовала, что он как-то особенно агрессивен, очень испугалась и заплакала.

– Я не хочу карманных денег, – бормотала я сквозь слезы. – Я не хочу, чтобы ты это делал со мной. – У меня начиналась истерика, но я продолжала умолять его: – Пожалуйста, пожалуйста, не надо. Ты делаешь мне больно.

В первый и последний раз я плакала, когда он пришел ко мне. Моя мать была в коридоре и услышала. Она крикнула:

– Что там происходит?

Отец отозвался:

– Ничего. Ей приснился страшный сон. Я зашел посмотреть, в чем дело. С ней уже все в порядке. – Уходя, он прошепел мне на ухо: – Не смей говорить матери.

Она пришла ко мне через несколько минут, когда я лежала, забившись под одеяло.

– Антуанетта, что случилось? – спросила она.

– Ничего, – ответила я. – Мне приснился страшный сон.

С этим она и ушла. Больше она никогда ни о чем меня не спрашивала.

В другие вечера я слышала хруст гравия под колесами его машины. Дрожа от страха, я лежала в постели, прислушиваясь к скрипу половиц под его тяжелыми шагами, приближающимися к моей комнате. Я притворялась спящей, надеясь на то, что он не станет меня будить. Но он будил.

Не каждый раз он оставлял мне полкроны, но раза два в неделю точно. После той первой ночи, когда запихнул мне монетку в кулак, он стал шутливо опускать деньги в шкатулку на моем туалетном столике, где я хранила цепочку с медальоном. И говорил при этом: «Вот твои карманные

деньги».

В те вечера, когда он возвращался рано, я устраивалась на кушетке, усаживала собак в ноги и открывала книгу. Часто бывало так, что, читая про детей, у которых были любящие и заботливые родители, я невольно плакала, и это давало отцу долгожданный повод для злости. Он тут же поднимал голову.

– Отчего ты плачешь, моя девочка? – спрашивал он.

Я старательно избегала смотреть ему в глаза, бормоча:

– Просто так.

Тогда он вставал с места, брал меня за шиворот, начинал трясти, а потом избивать.

– Что ж, – тихо говорил он, – теперь, по крайней мере, у тебя будет причина поплакать, не так ли?

Моя мать и тогда ничего не говорила.

С тех пор я перестала читать детские книги про счастливые семьи. И переключилась на те, что читала мать. Я не сказала ей почему. Да она и не спрашивала. Первые взрослые книги, которые я прочитала, были из серии «Белый дуб». Их нельзя было назвать печальными. Но детей в них не было.

Однажды после уроков в школьном дворе меня подждал мужчина. Он представился другом моего отца. Сказал, что получил разрешение от начальницы пансиона пригласить меня на чай. Я пошла с ним в чайную, где он угощал меня лепешками, тортом и мороженым. Любимые лакомства маленьких девочек! Он расспрашивал о школе. Постепенно вывел меня на разговор о моих собаках. Потом поинтересовался, какие книги мне нравятся. Я рассказала, что сейчас читаю «Джалну», как раз из серии «Белый дуб».

– Ты слишком взрослая для девочки твоего возраста, если читаешь такие книги, – заметил он.

Я была счастлива от его доброты, очевидного интереса ко мне, комплиментов, расточаемых в мой адрес. Когда мы закончили чаепитие и наговорились, он проводил меня обратно в школу и сказал, что был очень рад провести со мной время. Спросил, не возражаю ли я снова встретиться с ним. Я не возражала.

Он еще несколько раз приходил за мной. Учителям я говорила, что это друг моего отца, и они всегда разрешали ему забирать меня. Я стала ждать его визитов. Я чувствовала, что ему интересно слушать меня, и от этого казалась себе взрослой и важной. К тому же я всегда могла заказывать все, что хотела. Моя детская болтовня, похоже, завораживала его. А мне, обделенной вниманием, он казался взрослым другом, пока я не увидела его

истинное лицо.

В тот день мы шли из школы и зашли на травяную площадку. Он снова начал говорить, как ему приятно со мной общаться. Сказал, что ему нравятся маленькие девочки, особенно такие смышленные, как я. А потом уперся в меня взглядом, почему-то напомнившим мне отцовский. Он сорвал несколько травинок и пробежал по ним пальцами вверх-вниз, вверх-вниз, словно приглашая меня к чему-то.

– Антуанетта, – сказал он, – ты знаешь, чего мне сейчас хочется от тебя?

Я знала.

– Ведь тебе это понравится, не так ли, Антуанетта?

Я застыла на месте, словно кролик, пойманный слепящими лучами прожекторов.

– Я знаю, что ты делаешь это со своим отцом, – сказал он. – Скажи учительнице, что в следующий раз я возьму тебя к себе домой. Тогда мы сможем провести остаток дня вместе, прежде чем ты поедешь домой на автобусе. Тебе ведь этого хочется, правда?

Я смогла только кивнуть, как уже привыкла делать.

В ту ночь я рассказала отцу об этом его друге. Побагровев от ярости, он начал меня трясти.

– Не смей делать это ни с кем, кроме меня, поняла? – прошипел он, замахиваясь кулаком.

Но на этот раз он опустил кулак, не ударив меня, и вышел из моей комнаты. Больше я никогда не видела друга моего отца и так никогда и не узнала, откуда ему стало известно о моем отце и обо мне. Кроме отца, рассказать ему об этом было некому. Видимо, даже монстры не могут постоянно жить во лжи, даже они испытывают потребность раскрыть кому-то свою сущность.

Моя жизнь в Кулдараге продолжалась еще пару месяцев. Потом мама сообщила, что дом продан и нам снова предстоит переезд, на этот раз обратно через Ирландское море в Кент. Она объяснила, что теперь и ей придется работать, потому что отцовского заработка не хватит, чтобы платить за аренду. А в Англии, как считала она, ей будет легче найти работу.

Мама сказала мне и о том, что за два года жизни в Кулдараге ей удалось отложить достаточно денег, чтобы внести депозит за дом. Когда она говорила об этом, казалось, будто скорбные морщины, которые залегли в уголках ее рта в последние годы, разглаживаются, ведь ее мечта стать хозяйкой собственного дома становилась все ближе.

Я видела ее энтузиазм, но не могла разделить его с ней, потому что успела полюбить Кулдараг.

Глава 12

Мои переживания в связи с отъездом из Кулдарага усугубились еще одной новостью, которую сообщила мне мама: после переезда я не буду жить с ними. Меня собирались отправить к крестной в Тентерден. Уже договорились и о том, что я буду учиться в местной школе. Хотя мать заверила меня, что это временно, пока они с отцом не подыщут дом для нашей семьи, я чувствовала себя брошенной. Конечно, в родной семье мне жилось несладко, но перспектива оказаться на попечении у незнакомых людей пугала еще больше.

Мою мать, казалось, ничуть не огорчала предстоящая разлука со мной, гораздо больше она переживала из-за того, что ей придется расстаться с Бруно, ее любимой собакой. Он должен был отправиться в Южную Ирландию, где проживала дочь миссис Гивин.

Вдобавок ко всем моим горестям, родители решили усыпить Салли, которая была так привязана к нам. Мама терпеливо объяснила мне, что маленькая собачка так и не оправилась после первого переезда. У нее участились приступы, и было бы несправедливо снова мучить ее дорогой и привыканием к новому дому.

Вся в слезах, я стала расспрашивать, что будет с Джуди и кошками. Кошки должны были остаться в Кулдараге, а Джуди хотели временно приютить у соседа-фермера, пока мы не устроимся на новом месте.

Я чувствовала себя опустошенной, покидая Кулдараг и единственную школу, где я, несмотря ни на что, была счастлива. В слезах я прощалась со своими питомцами, и мне казалось, что жизнь моя кончена. Первым меня покинул Бруно, который радостно уехал в машине своей новой хозяйки. Я стояла во дворе и смотрела им вслед, надеясь только на то, что его будут любить так же, как любила я.

Следующим и еще более тягостным было прощание с Салли. Невыносимой мукой было смотреть, как она, не подозревая о том, куда ее везут, доверчиво запрыгнула в отцовскую машину. Я протянула в окно руку, чтобы погладить ее в последний раз, стараясь не показывать слез, душивших меня. Я знала, что она отправляется в свое последнее путешествие, к ветеринару, о чем сообщил мне в то утро отец.

Помню, как мне было больно, и до сих пор не понимаю, почему отец, такой искушенный лгун, в тот день решил выложить мне правду. Правду мне пришлось выслушать и от матери. Я все задавалась вопросом, почему в

тот день никто из них не захотел солгать мне, чтобы оградить от лишних страданий. И это в семье, которая годами жила во лжи! Хотя мать и пыталась меня утешить, легче мне не стало. У меня было такое ощущение, будто я послала друга на смерть.

В течение нескольких недель я помогала матери паковать вещи, собирала и свои для переезда к крестной, которую, кстати, совершенно не помнила. Поскольку мне разрешили взять с собой лишь один чемодан, предстояло распрощаться с некоторыми своими сокровищами, и первым среди них оказался Джамбо.

За несколько дней до отъезда наш багаж отвезли на хранение. На следующий день отец повез Джуди к фермеру. Мне тоже хотелось поехать с ней, но страх остаться с отцом наедине перевешивал желание проводить собаку. Я погладила ее, когда она запрыгнула в машину, и Джуди, чувствуя мои переживания, лизнула мне руку.

Глядя вслед отъезжающей машине, я ощущала полное одиночество, ведь теперь все друзья меня покинули. Я знала, что мать тоже грустит, но в этот раз меня захлестывала не любовь к ней, а тупая обида.

Настал день, когда наши скромные личные пожитки были погружены в машину, я, как обычно, втиснулась на заднее сиденье, и мы поехали на железнодорожный вокзал Белфаста. Нам предстояло доехать до Ливерпуля, откуда пролегал наш утомительный обратный путь до Кента. Но в этот раз я не испытывала радостного волнения от поездки – лишь глубокое уныние.

По дороге в Кент я пыталась читать, но яркие картинки оживали в моей голове, мешая сосредоточиться на книге. Перед глазами стояла Салли, которая доверчиво смотрела на меня, отправляясь в свой последний путь. Я до сих пор ощущала прикосновение к ее шелковистой шерстке. Вспоминала я и прощание с пони, которые ждали меня с угощением у забора. Их запах как будто все еще витал в воздухе. Я видела преданного Бруно, выглядывавшего из окна уносящей его машины, и невыносимо скучала по Джуди.

Передо мной маячили затылки родителей; мать часто поворачивала голову к отцу и что-то тихо говорила. Иногда она оборачивалась ко мне, но я загоразживалась книгой, чтобы скрыть чувства, которые испытывала в тот момент, – горечь оттого, что меня бросают, и злость из-за вынужденной разлуки с друзьями.

Каждые несколько часов мы останавливались у обочины, чтобы перекусить сэндвичами с чаем. У меня совсем не было аппетита, и я чувствовала, как еда комом встает у меня в горле. Только чай из термоса помогал мне проглотить ненавистные куски.

С наступлением ночи мы наконец остановились у большого серого дома. В траве маленького палисадника я не увидела ни одного цветка. Вместо них лужайку украшал большой рекламный щит, объявлявший о том, что сдаются комнаты для ночлега и завтрака. Здесь, как мне объяснили родители, нам предстояло переночевать, а наутро мама должна была отвезти меня к крестной. После ужина, который хозяйка сервировала нам в тесной столовой, я молча пошла в постель. Для меня была поставлена раскладушка в родительской спальне, и я легла и сразу провалилась в сон.

На следующее утро, умывшись и одевшись, я позавтракала все в той же тоскливой столовой, а потом мама подхватила мой чемодан, и мы вдвоем отправились на автобус. В течение всей часовой поездки мама беседовала как будто сама с собой. Изучив ее достаточно хорошо, я уже знала, что за этими жизнерадостными интонациями скрывается нервозность. Она говорила, что крестная с нетерпением ждет меня. Просила, чтобы я была умницей. Заверяла меня в том, что наша разлука будет недолгой, что у крестной мне будет хорошо.

Не веря ни одному ее слову, я сидела и слушала, изредка отвечая, и вскоре ее бодрый щебет поутих, а потом и вовсе смолк. Я вдруг поймала себя на мысли, что мне уготована та же участь, что и собакам. Меня перемещали в новый дом. Я не могла и не хотела понять, почему мне нельзя остаться с родителями, если они будут жить совсем неподалеку. Еще в автобусе во мне зародилась антипатия к крестной, и, когда мы подошли к ее дому, я поняла, что не буду разочарована в своих мрачных предчувствиях.

После теплого красного кирпича Кулдарага серое, одиноко стоящее здание показалось совсем уж безрадостным. Я с неприязнью осмотрела крохотный палисадник с кустом темно-розовой гортензии на островке темной почвы. Когда мама подняла железный молоточек, чтобы постучать в дверь, я заглянула в затянутые сеткой окна, но так ничего и не увидела. В верхнем окне дернулась штора, но никто из обитателей не выглянул. Я услышала, как кто-то спускается по лестнице, а потом дверь открылась, и хозяйка с хилой улыбкой впустила нас внутрь.

Моя рано повзрослевшая душа уже научилась пониманию и состраданию. Я видела перед собой одинокую женщину средних лет, не искушенную в политесе, не привыкшую к общению с детьми. С предубеждением разглядывая ее высокую костлявую фигуру, я мысленно окрестила ее ведьмой. Мое отношение к ней сформировалось.

Нас с матерью провели в аскетически обставленную гостиную, где усадили в неудобные кресла с высокой спинкой и девственно чистыми

подлокотниками. Вскоре появился обязательный поднос с чаем, без которого, казалось, не начинался ни один взрослый разговор.

Пока я пыталась уравновесить на коленях маленькую тарелку с сухой лепешкой, неловко придерживая чашку с чаем, мы с крестной оценивали друг друга. Если я видела перед собой ведьму, то она, я была в этом уверена, видела угрюмого, неулыбчивого ребенка, слишком высокого для своего возраста и слишком худого. Неприязнь, которой я прониклась к ней, нашла свое отражение в ее взгляде.

Я слушала, как две женщины говорят обо мне, словно я была неодушевленным предметом. Впервые в жизни я была по-настоящему возмущена своей матерью и сидела глубоко подавленная. Как она может, думала я, оставить меня здесь?

Я услышала, как их разговор закончился, почувствовала неловкую паузу, которую нарушил голос крестной:

– Что ж, тогда оставляю вас одних, чтобы вы могли попрощаться.

После чего она резко встала с кресла, чтобы забрать поднос с чаем.

Мы с матерью украдкой поглядывали друг на друга, и я ждала, что она сделает первый шаг. Наконец она открыла свою сумку, достала конверт и протянула его мне.

– Антуанетта, – тихо сказала она, – мне пора. Тут немного карманных денег. Этого хватит до тех пор, пока я не приеду за тобой.

Я стояла в онемении и изумлении, а она чмокнула меня и поспешно ушла. Услышав, как хлопнула входная дверь, я подошла к окну. Отдернув сетчатую штору, я с тоской смотрела ей вслед, пока она не скрылась из виду. Она ни разу не оглянулась.

Злость и возмущение переполняли меня. Я невыносимо скучала по Джуди. По ночам слезы текли по моим щекам, когда я думала о судьбе своих питомцев. Я была наказана, но не понимала за что. Я скрывала свое горе под маской уныния, и моей крестной, не имевшей опыта общения с детьми, было невдомек, что ребенок страдает из-за прошлых обид. В моем поведении она видела лишь протест.

В родительском доме моя неуравновешенность практически не проявлялась, поскольку отец с матерью, подобно крышке в закупоренном сосуде, сдерживали растущее давление. Там я была под контролем, эмоции жестоко подавляла, а мое поведение было запрограммированным. Теперь, в отсутствие сдерживающих факторов, мои пороки полезли из всех щелей. Так бывает, когда животное, дрессированное страхом, возвращается к своим дурным привычкам, как только этот страх исчезает. Я была не из тех детей, кого воспитывали похвалой и вниманием, от чего рождаются

уверенность в себе и высокая самооценка. Я была ребенком, которого по ночам мучили кошмары, а днем терзали сомнения. Я была ребенком, которого не только разом лишили всего знакомого и привычного, но еще и напугали тем, что бросят навсегда. Не приученная к независимости, не умеющая управлять своими эмоциями, в чужом доме я чувствовала себя еще более беззащитной, и любые правила, которые пыталась навязать мне крестная, вызывали во мне протест.

Моими хозяевами были родители: отец держал меня в узде своими угрозами, а мать умело манипулировала моими чувствами. Теперь злость стала доминирующей эмоцией, и она определяла мое поведение. Злость была для меня щитом от несчастий, а крестная стала мишенью этой злости. Ей оставалось лишь беспомощно наблюдать за тем, как я, твердо настроенная не уступать ей ни в чем, с вызовом встречаю любое из ее распоряжений.

«Не беги, Антуанетта», – говорила она, когда мы выходили из церкви, – и я бежала. «Из школы сразу домой» – и я нарочно болталась по улице. «Ешь салат» – и я размазывала еду по тарелке, пока она не разрешала мне выйти из-за стола, после чего я убегала к себе в комнату и садилась за книгу. Она писала моей матери о том, что я страдаю, и советовала забрать меня. Мама, которая, как я думаю, надеялась на то, что крестная привяжется ко мне и захочет оставить у себя, все-таки решила меня забрать.

Уже потом я узнала, что крестная, не преуспевшая в воспитании ребенка, винила в этом себя, а не меня с моим плохим поведением. Вот почему в письме к матери она не стала жаловаться и таким образом спасла меня от наказания.

Я была счастлива, покидая ее дом, который так и не успела полюбить. Я с нетерпением ждала, когда смогу помахать рукой старушке, которая, я знала, никогда не хотела жить со мной и никогда не любила меня. Может, если бы у меня была возможность заглянуть в будущее, я бы хорошенько подумала, стоит ли уезжать от крестной, но в одиннадцать лет я не знала, что ждет меня впереди.

Глава 13

Всю дорогу от Тентердена до Оулд Уокинга, куда мы добирались на автобусе и поезде, мама рассказывала мне о доме, который они с отцом купили, и о том, как она его украсила.

В пятидесятые годы, когда патио еще не вошли в моду, дома имели задние дворы, где размещались уличный туалет, умывальник и, как правило, велосипед хозяина, прислоненный к некрашеной кирпичной стене. Однако моя мать, так любившая цветники Кулдарага, подсмотрела картинку коттеджа во Франции и попыталась максимально скопировать экстерьер.

Она покрасила стены в белый цвет, а двери и оконные рамы сделала голубыми. Наружные ящики для растений были закреплены не только на фасаде дома, но и на стенах заднего двора, и мать выращивала в них настурцию. Она рассказывала мне, как эффектно контрастируют со свежеекрашенными белыми стенами их ярко-оранжевые цветы.

Правда, призналась она, интерьер дома еще только предстояло декорировать. Она собиралась содрать все обои, покрасить кухню в желтый цвет, остальные помещения сделать кремовыми, а пол нижнего этажа застелить паркетным линолеумом.

По тому, как мама увлеченно описывала каждую деталь, я поняла, что она получает истинное наслаждение от обустройства своего нового дома. Это была ее первая собственность за двенадцать лет замужества.

Приехав в пункт назначения, мы двинулись пешком по улице, где прямо на тротуар выходили тусклые домики ленточной застройки, и ни забор, ни кустик не нарушали монотонность зрелища. Наш дом выделялся свежеекрашенными стенами, яркими наличниками и голубой дверью, на которой сиял медный молоточек.

В тот вечер, дождавшись, когда отец придет с работы, мы ужинали все вместе. Родители, казалось, были рады моему возвращению, и я набралась смелости и выложила им свою новость:

– Теперь меня зовут Тони.

Крестная сказала мне, что Тони как раз и есть правильное сокращение имени Антуанетта. Я чувствовала, что Тони мне очень подходит, с таким именем мне обеспечена популярность. Антуанетта уже не годилась.

Мама улыбнулась:

– Что ж, во всяком случае, будет проще надписывать именные бирки,

когда ты пойдешь в новую школу.

Так она озвучила свое согласие.

Отец никак не отреагировал на новость и упорно отказывался называть меня Тони до самой своей смерти.

В выходные отец работал, и я помогла маме содрать обои. Сначала я размачивала их мокрой тряпкой. Потом, вооружившись скребком, сдирала лоскуты бумаги. За субботу мне удалось снять все обои. Я снова ощущала свою близость к матери. Она неустанно хвалила меня, радовалась тому, какая у нее помощница. После обеда мы вместе пили чай в нашем цветущем дворике, и она ответила на мои незадаанные вопросы.

– Отец поедет к старикам через две недели и привезет обратно Джуди, – заверила она меня. – В понедельник я отведу тебя в новую школу, и ты познакомишься с директором.

Я догадалась, что школа будет смешанной, а не только для девочек, к чему я привыкла.

– А что я надену? – спросила я.

– О, – ответила она, – директор разрешил тебе носить старую школьную форму, пока ты из нее не вырастешь.

Радость, которую доставила мне новость о скором возвращении Джуди, померкла. Я впала в уныние, стоило мне подумать, что опять буду одета не так, как остальные дети.

Наступило воскресенье, и оно пролетело слишком быстро для меня. В понедельник мама повела меня в новую школу. В то утро я надела свой зеленый школьный сарафан, белую рубашку с зелено-черным галстуком, серые гольфы, старые туфли на шнурках и, наконец, зеленый блейзер.

Когда мы пришли в школу, меня охватила внутренняя дрожь. На школьной площадке стояли девочки в серых юбках, белых блузках и носочках, в туфлях без шнурков. Я видела компании детей моего возраста, стайки тинейджеров, и уверенности во мне заметно поубавилось. Вооруженная лишь своим новым именем, я проследовала за мамой в школьное здание на встречу с директором.

Просмотрев мои школьные табели, он расспросил меня о предыдущих двух школах и о том, что мне там больше всего нравилось. Спросил о моем хобби, но разве я могла объяснить ему, городскому жителю Англии, что такое сельская жизнь в Северной Ирландии? Директор отвел меня в класс и представил учительнице. Я увидела не привычную классную даму в черной мантии, а крупную блондинку с миловидным лицом. Она сказала, что ведет английский, и мне вручили учебник, по которому я уже училась в Северной Ирландии. Я поняла, что даже мой любимый предмет будет скучным.

В тот день, по мере того как урок сменялся уроком, меня охватывало все большее уныние, настолько непривычной была для меня обстановка. Перемены наступали и проходили. Мои сверстники, самоуверенные, непринужденно одетые, казалось, не замечали меня. Должно быть, в их глазах я выглядела странновато в своем школьном сарафане, гольфах, с аккуратно разделенными пробором волосами, в то время как остальные девочки носили конские хвосты. Я стояла на игровой площадке, прижимая к себе учебники, мысленно пытаюсь заставить хотя бы кого-то из девочек заговорить со мной. Но никто так и не заговорил.

В тот день после уроков я пошла домой, с завистью глядя на компании школьников, болтающих во дворе. У меня не было сомнений в том, что я для них чужая. Аутсайдер.

Дома мама радостно объявила о том, что нашла работу и что отец на две недели уезжает в Северную Ирландию, чтобы навестить своих родителей и забрать Джуди. Вскоре я узнала, что мне предстоит сдавать экзамен 11+, к чему я была совершенно не готова. Учителя дали мне дополнительное домашнее задание, чтобы я могла догнать английский учебный план, но, имея в запасе так мало времени на подготовку, я понимала, что предстоят бессонные ночи.

Притом что отец безразлично относился к моему образованию, мама определенно хотела, чтобы я успешно сдала экзамен. Учителя были уверены в моих знаниях, чего нельзя было сказать обо мне. Все две недели я пребывала в смятении, испытывая радость в предвкушении возвращения Джуди и в то же время ужас от надвигающегося экзамена.

Оба события практически совпали. Сначала привезли Джуди, которая, увидев меня, задрожала от радости. Хотя теперь у нее не было ни лесов, ни полей, где можно было бы охотиться на кроликов, она очень быстро привыкла к городской жизни и прогулкам на поводке, которые я устраивала ей три раза в день.

Я скучала по старой школе и жизни в Кулдараге. Казалось, Джуди адаптировалась к новой обстановке гораздо быстрее, чем я.

Следом наступил день страшного экзамена; в полной тишине новым ученикам были розданы экзаменационные листы. Все мы понимали, насколько важен этот день. Я была уверена в том, что два задания сделала правильно, но насчет арифметики у меня были большие сомнения. Я подняла голову и в растерянности посмотрела на стоявшую рядом учительницу, которая разглядывала мои ответы, но молчала.

Когда прозвенел звонок и работы были сданы, меня охватило отчаяние. Я знала, что, если провалюсь, меня не переведут в среднюю

школу и придется вечно торчать в старших классах этой.

Несколько недель, пока ждали результатов экзаменов, отца я почти не видела, казалось, он сутками пропадал на работе; во всяком случае, так говорила мама. Из школы я сразу шла домой, помогала маме по хозяйству, потом садилась за уроки.

А затем отец поменял свой график и вместо дневной смены стал работать по ночам. И в это же время мама вышла на работу. Поскольку в офис, где она работала, приходилось добираться на автобусе, а моя школа находилась в нескольких минутах ходьбы от дома, мама выходила раньше меня.

В первое же утро нашего нового распорядка я быстро позавтракала, пока на плите грелась кастрюля с водой для утреннего туалета, которую мне предстояло отнести наверх в свою спальню. Поскольку мою комнату отделяла от родительской спальни лишь крохотная лестничная площадка, я старалась подниматься по ступенькам как мышка, чтобы не разбудить отца, который отсыпался после ночной смены.

Я вылила воду в старый керамический таз, сняла ночную сорочку и, вооружившись мочалкой, намылилась, впервые заметив в зеркале, что мое тело начинает меняться. На некогда плоской груди появились набухшие бугорки. Не отрывая взгляда от зеркала, я потрогала их руками, не уверенная в том, что мне нравятся эти перемены. И тут я увидела еще одно отражение.

Мой отец, в пропотевшей пижамной куртке и трусах, сидел на корточках возле моей двери, которая, должно быть, бесшумно открылась. Он улыбался, молча наблюдая за мной. Я почувствовала, как страх судорогой пробежал по моему телу, и попыталась схватить полотенце, чтобы прикрыться.

– Нет, Антуанетта, – сказал он, – я хочу смотреть на тебя. Повернись.

Я сделала так, как он велел.

– Теперь мойся, – приказал он.

Послушно выполняя его команду, я чувствовала, как мое лицо заливают горячей волной стыда. Потом он поднялся, подошел ко мне и развернул меня лицом к зеркалу.

– Смотри в зеркало, Антуанетта, – прошептал он.

Одной рукой глядя мои маленькие груди, он хрипло дышал мне прямо в ухо, а в это время его другая рука скользнула вниз. Потом он отпустил меня.

– Чтобы из школы сразу домой. Подать мне чай в красивой чашке. Антуанетта, ты слышишь меня? – спросил он, пока я стояла, молча

уоставившись в пол.

– Да, папа, – прошептала я.

После этого, подмигнув мне, он стремительно вышел из моей комнаты. Все еще дрожа, я быстро оделась, расчесала волосы и спустилась вниз, чтобы выгулять Джуди перед тем, как уйти в школу.

В тот день я сидела на уроках еще тише, чем обычно, не тянула руку, чтобы первой ответить на вопросы учительницы. Весь день я думала только о том, что произойдет, когда я вернусь домой и приготовлю отцу чай. Когда в четыре часа прозвенел последний звонок, я медленно собрала свой рюкзак и пошла домой одна, не замечая одноклассников, которые шли той же дорогой маленькими группками. Я знала, что дома их встретят заботливые мамы, потому что взрослыми эти дети станут только через несколько лет.

Я открыла дверь своим ключом, и ко мне, как обычно, с радостным лаем кинулась Джуди, которая ждала прогулки. В тот день я почувствовала присутствие отца наверху еще до того, как услышала его голос.

– Антуанетта, это ты? – крикнул он сверху.

Я ответила.

– Приготовь мне чай и поднимайся сюда. Отведи свою собаку на задний двор.

Я поставила чайник на плиту, заварила кипятком листовой чай, дала ему настояться, добавила в чашку молока и сахара, и все это время я чувствовала его нетерпение и нарастающий во мне ужас. Дальше тянуть с чаем было невозможно. Я поставила на поднос чашку, положила два сухих печенья и понесла наверх. Я вошла в темную спальню с зашторенными окнами, где он лежал в постели, которую делил с моей матерью. Я снова уловила запах его тела и почувствовала его возбуждение. Я поставила поднос возле кровати.

– Иди переоденься и возвращайся сюда, – сказал он и взял чашку с подноса.

Я вернулась в фуфайке, спортивных штанах, туфлях и носках.

– Сними это, – приказал он, показывая на фуфайку и штаны. Потом он закурил и ощерился хорошо знакомой мне улыбкой. На прикроватной тумбочке я заметила баночку с вазелином, которая обычно стояла на туалетном столике. Не отрываясь от сигареты, он погрузил пальцы в вазелин. Зная, что мама не вернется раньше чем через два часа, я испытывала жуткий страх, предчувствуя нечто более страшное по сравнению с тем, что он уже проделывал со мной в Северной Ирландии. Я знала, что мое взрослеющее тело возбуждает его сильнее, чем прежде,

детское.

Он потянул меня к себе и усадил на колени. Вынув пальцы из банки, он грубо протолкнул их в меня. Потом встал с кровати и уложил меня, как всегда укладывал в машине, так что мои ноги беспомощно свисали с края постели. Он вошел в меня жестко и яростно, как никогда прежде. Я могла закрыть глаза, но не уши.

– Тебе ведь это нравится, Антуанетта? – шептал он.

Не дождавшись от меня ответа, он вошел еще глубже, так что мое тело онемело от боли.

– А теперь скажи папочке, что тебе это нравится, – потребовал он и сделал последнюю затяжку сигаретой. – Скажи: «Да, папочка, мне это нравится».

Я послушно произнесла это шепотом. А потом почувствовала, как что-то липкое капает мне на бедра, когда он, не выпуская сигареты, пролил на меня свое семя.

– А теперь иди и помойся, да уберись там, внизу, пока мама не пришла с работы, – сказал он, грубо сталкивая меня с кровати.

Я переделась в старую юбку и джемпер, пошла в туалет на заднем дворе и долго терла себя влажной туалетной бумагой, пытаясь избавиться от липких пятен и его запаха. Потом вернулась в дом, очистила камин от золы, положила свежих дров и газет для вечерней растопки. Принесла с улицы угля, помыла посуду и за несколько минут до прихода матери поставила на плиту чайник, чтобы она могла выпить свежего чая.

Глава 14

Я смутно слышала голос матери, который звал меня снизу, прорываясь сквозь боль, тисками сжимавшую мою голову, в то время как невидимые когти впивались мне в шейные позвонки. Я знала, что мне пора спускаться вниз за водой для утреннего туалета. Я открыла рот, чтобы позвать маму, но лишь хриплый стон сорвался с моих губ. Глаза слипались, словно пытаюсь защититься от яркого утреннего света, больно прожигавшего мои веки. Приподняв руку, которая за ночь отяжелела, а пальцы распухли и негнулись, я попыталась потереть глаза и едва не обожглась о полыхающий лоб.

Я заставила свое тело приподняться, но от тошноты голова закружилась, черные точки заплясали в глазах, и пот струйкой побежал по лбу. Мое тело содрогалось в ледяном ознобе, зубы стучали, и от паники сердце билось так сильно, что я слышала, как пульсирует во мне кровь.

Я спустила ноги с кровати и с трудом добрела до зеркала. На меня смотрела незнакомка – с желтым распухшим лицом. Темные круги залегли под глазами, мокрые волосы прилипли к голове. Я снова подняла руку, чтобы поправить волосы, и заметила, что мои пальцы такие же желтые, как и лицо, и вдвое толще, чем обычно. Дрожа, я спустилась по лестнице, но ноги были слишком слабы, чтобы удержать меня, и я рухнула на стул. Слезы потекли по моим щекам, когда я увидела устремленный на меня холодный взгляд матери.

– В чем дело, Антуанетта? – услышала я голос матери, но тут же в него закрались тревожные нотки. – Антуанетта, посмотри на меня. – Ее рука коснулась моего лба. – О, боже, – воскликнула она, – ты же вся горишь.

Наказав мне не двигаться, хотя у меня и не было на это сил, она поспешила в коридор, где стоял телефон. Набрала номер и заговорила в трубку.

Вскоре она вернулась с одеялом, бережно накинула его на мои плечи и сказала, что доктор уже в пути. Не помню, сколько прошло времени, потому что я провалилась в лихорадочное забытие. Меня попеременно то трясло в ознобе, то бросало в жар. Я услышала стук в дверь, потом до меня донесся голос нашего местного врача, и я испытала облегчение, уверенная в том, что он поможет.

Мне в рот поставили прохладный термометр, чьи-то пальцы лежали на моем запястье, и маячившие перед глазами фигуры сливались в мутное

пятно. Доктор сказал моей матери, что у меня температура под сорок и что, скорее всего, это воспаление почек. «Нефрит», – поставил он диагноз, настаивая на срочном вызове кареты «скорой помощи».

Я слышала, как подъехала машина, ощущала руку матери, которая держала меня всю дорогу, но почти ничего не чувствовала, пока меня несли на носилках в детское отделение, а потом перекладывали на кровать для осмотра. Мне просто хотелось спать.

Следующие несколько дней оставили в моей памяти лишь смутные воспоминания. О постоянной слабости, об острых иголках, которые впивались в мои ягодицы, вливая лекарство, которое, как я потом узнала, называлось пенициллином, о чужих руках, которые переворачивали меня и периодически протирали влажной салфеткой мое пылающее тело. По ночам я просыпалась, когда мою голову приподнимали и в рот вставляли соломинку, через которую прохладная жидкость вливалась в мое пересохшее горло, или когда мне подставляли холодное металлическое судно и чьи-то голоса просили не вставать, а лежать до тех пор, пока не окрепну.

Те первые дни болезни, казалось, слились в один долгий день, когда мой сон прерывали лишь вмешательства медсестер. Только в часы приема посетителей я заставляла себя держать глаза открытыми.

Дети, лежавшие со мной в палате, с нетерпением поглядывали на часы, ожидая, когда в назначенное время двери распахнутся, чтобы впустить улыбающихся родителей с подарками в виде игрушек, книг и фруктов. Я тоже поворачивала голову, устремляя взгляд на двери, пытаюсь отыскать глазами маму.

Как только двери распахивались, она спешила ко мне, окутанная облаком духов, садилась у моей кровати, брала мою руку, смахивала волосы с моего лица, целовала меня, публично демонстрируя нежность. Улыбка, с которой смотрел на меня отец, выдавала его обеспокоенность, в то время как медсестрам он расточал улыбки иной окраски, и они неизменно вызывали у них живую реакцию.

Мама говорила, как я напугала ее. Но теперь я оказалась в хороших руках и должна была пойти на поправку. В больнице, как я поняла, мне предстояло пробыть несколько недель, и не просто в больнице, а на больничной койке. Она сказала, что у меня очень серьезная почечная инфекция и мне показана диета из глюкозы и ячменного отвара. Еще мама рассказывала, что дома без меня очень тоскливо, Джуди скучает по мне, но все надеются на мое скорейшее выздоровление.

Когда мама говорила, я старалась смотреть только на нее, пока

тяжелый взгляд отца не заставлял меня оторваться от ее лица и заглянуть в его глаза. На его губах застыла улыбка заботливого отца, но в глазах отражался совсем другой отец, которого никто, кроме меня, не знал и не видел.

Постепенно ко мне возвращались силы и интерес к окружающему миру. Хотя все еще прикованная к постели, я уже могла сидеть, опираясь на подушки, которых по прошествии трех недель стало втрое больше. Теперь, когда в глазах уже не ощущалось тяжести, чтение снова приносило радость. Дважды в неделю я с нетерпением ждала, когда приедет тележка с книгами. В первый приезд книжной лавки, когда я сказала библиотекарю, что люблю детективы, то удостоилась презрительного взгляда и неодобрительных комментариев по поводу столь детского выбора. Тем не менее мы все-таки остановились на Агате Кристи, начав с расследований Томми и Таппенс и постепенно переходя к мисс Марпл и Эркюлю Пуаро. Мне повезло, что Агата оказалась плодотворной писательницей, и я не знала сбоев в поставках ее романов.

В рутине больничной жизни была своя прелесть. Ранним утром лежачим больным приносили судна. Мы громоздились на них, словно курицы на насест, и морщились, зная, что содержимое этих холодных металлических контейнеров будет тщательно изучено медсестрой, прежде чем их унесут. Затем несли бидоны с водой для утреннего подмывания и тогда, из соображений приличия, койки задергивали шторами.

Далее следовал завтрак. Моим соседям подавали богатые белком яйца и ржаной хлеб, от чего у меня текли слюнки, но я получала лишь чашку сероватой тягучей глюкозы.

Только после того как уносили подносы с завтраком, я могла достать книгу и пуститься в собственное расследование, пытаюсь отыскать разгадку и изобличить преступника, прежде чем это сделает ловкий детектив. Увлеченная чтением, я даже не замечала постоянной суеты, царящей в палате. Медсестры в голубой и белой униформе сновали взад-вперед, шурша своими белыми тапочками по серому полу; болтали между собой выздоравливающие дети, звенели металлическими кольцами шторы, которые задергивали вокруг коек тех, кто был слабее меня.

Запах ланча будоражил мои ноздри. Мне, лишенной белка, всякая еда казалась вкусной. Я с завистью смотрела на подносы, которые несли другим детям, в то время как мне подавали лишь отвар.

– Пей, Антуанетта, – бодро командовала медсестра, когда я с отвращением разглядывала неаппетитную жидкость. – Тебе это полезно.

Но я хотела настоящей еды.

– Тебе станет лучше, и ты сможешь вернуться домой.

Мне хотелось пирожных, конфет, мороженого, жареных тостов, смазанных желтым сливочным маслом и пастой «Мармайт». Все эти лакомства стояли у меня перед глазами, а воспоминания об их вкусе вызывали бешеное слюноотделение. И я ложкой запихивала в рот мерзкую массу, заставляя себя глотать. Процесс выздоровления с его строгой диетой и бесконечными уколами оказался долгим и трудным испытанием.

После ланча перестилали постельное белье, натягивая простыни так сильно, что трудно было пошевелиться. И вот такие неподвижные, с аккуратно расчесанными волосами, мы лежали в ожидании визита смотрительницы.

Распахивались двери, и в палату заходила матрона в окружении свиты врачей, старшей медсестры и нянечек. Накрахмаленный кружевной воротник заставлял ее голову в белом колпаке держаться прямо. Величественной походкой она шла по палате, останавливаясь у подножия каждой койки и спрашивая у запеленатого ребенка, как он себя чувствует. Выслушав дежурную фразу: «Очень хорошо, спасибо», она следовала дальше, пока не совершала полный обход.

Затем двери снова распахивались, и, вместе с ее королевским выходом, раздавался коллективный вздох облегчения и у персонала, и у пациентов. Руки вылезали из-под одеял, тела перемещались в удобные позы, и наступало время послеобеденного сна, предшествующего часам приема посетителей.

Ночь всегда приходила слишком быстро, как мне казалось, вечно вторгаясь в мои детективные расследования и мешая разоблачить преступника, которым оказывался самый безобидный персонаж книги. Но как бы я ни протестовала против такого вмешательства в мои воображаемые приключения, обычно быстро проваливалась в безмятежный сон. Лишь в редких случаях, когда привозили ночного пациента, я просыпалась. И вот в одну из таких ночей я впервые увидела младенца.

Меня разбудил звон колец на шторах за две кровати от меня, и я, открыв сонные глаза, увидела маленькое тельце с головой монстра, как подсказало мое детское воображение. Голова была совершенно лысой и такой большой, что любое ее движение, казалось, могло сломать хрупкую шею. Настенная лампа отбрасывала тусклый оранжевый свет на больничную койку. Женщина склонилась над ней, ее рука коснулась крохотных детских пальчиков, а потом шторы задернули, и я снова провалилась в беспокойный сон.

В течение двух дней шторы вокруг той кровати оставались

задернутыми, врачи и медсестры периодически заходили в этот бокс, но всегда плотно задвигали шторы, мешая нам разглядеть, что же там происходит. На третью ночь, как будто во сне, я снова увидела женщину, и по ее позе догадалась, что она опечалена. Я увидела, как ночная медсестра взяла на руки сверток, понесла его к двери, а потом свет погас, и мои глаза снова закрылись.

На следующее утро шторы были раздвинуты, пустая койка аккуратно застелена, и от младенца не осталось и следа. Детская интуиция подсказала мне, что он умер. Но я знала, что не стоит расспрашивать об этом.

Каждый день, после дневного сна, я наблюдала за детьми, которые с нетерпением смотрели на двери палаты, ожидая прихода родных. Я видела, как загорались радостью их лица, как они тянули руки для объятий, слышала их восторженные крики и с особой остротой ощущала собственный ужас. Лежа на больничной койке, я не могла избежать отцовского взгляда, как не могла избавиться и от страха перед ним.

Прошло шесть недель моего пребывания в госпитале, когда отец явился один. Воспоминания, которые слегка развеялись рутинной больничной жизни, снова ожили в моем сознании, и пальцы судорожно схватились за простыню.

Я задалась вопросом, где же мама, когда он взял меня за руку и нагнулся, чтобы поцеловать в щеку. Словно отвечая на мой немой вопрос, он сказал, что мама сильно простудилась и не хочет тащить микробы в больничную палату. В тот день его густые волнистые волосы сияли бриллиантом, а медсестры сияли от его улыбок. Но в глубине его глаз притаился грязный мерзавец, который прорывался наружу с каждым произнесенным словом.

Не отпуская моей руки, пока я сползала с подушек, забираясь под одеяло, он произнес:

– Антуанетта, я скучаю по тебе. А ты скучаешь по своему папе?

Покорная марионетка взяла во мне верх.

– Да, – прошептала я, и моя вновь обретенная сила, казалось, снова меня покинула.

– К твоему возвращению обязательно приготовлю тебе подарок. Тебе ведь он понравится, правда, Антуанетта?

Я не стала спрашивать, что это за подарок, – я и так знала. Я чувствовала, как он сжимает мою руку в ожидании ответа. Я посмотрела на него и произнесла то, что он хотел услышать:

– Да, папа.

Он просиял, и я увидела его удовлетворенный взгляд.

– Ты становишься умницей, Антуанетта. Завтра я опять приду.

И он пришел.

Медсестры постоянно твердили мне о том, какой хороший у меня папа, как он любит свою маленькую девочку, как здорово, что я скоро смогу вернуться домой.

После его третьего визита я дождалась, пока другие дети заснут, вытащила шнурок из своей ночной сорочки, обмотала один конец вокруг шеи, а другой привязала к спинке кровати. И бросилась на пол.

Разумеется, меня быстро обнаружили. Ночная медсестра решила, что я впала в депрессию от долгой разлуки с домом. Она стала заверять меня в том, что ждать осталось недолго. Потом уложила меня в постель и сидела рядом, пока я не провалилась в сон. На следующее утро из моей ночной сорочки вытащили шнурок.

В тот день пришли оба родителя. Мама взяла мою руку, а отец стоял сложив руки на груди.

– Антуанетта, – сказала она, – я уверена, что вчера ночью произошло недоразумение. Сегодня мне звонила смотрительница. Надеюсь, ты больше не будешь меня так волновать.

Я увидела ее радостную улыбку и поняла, что инцидент надежно спрятан в ящик с маркировкой: «Не подлежит обсуждению». Игра в счастливую семью продолжалась, и мама оставалась ее ключевым персонажем.

– Мы с папой поговорили, – продолжила она, подключив и его к своей улыбке, – и подумали, что тебе, конечно, нужен отдых после такого долгого лечения. Поэтому мы решили отправить тебя к тете Кэтрин. – С тетей Кэтрин я была едва знакома, но мне она нравилась. – Несколько недель в деревне пойдут тебе на пользу. Мы больше не будем говорить об этом глупом инциденте, дорогая, и, конечно, ничего не расскажем тете Кэтрин. Не стоит ее волновать, не так ли?

Я смотрела на маму, но чувствовала на себе пристальный взгляд отца. Чтобы порадовать маму, я ответила:

– Спасибо, это было бы здорово.

Словно исполнив тяжкую миссию, родители расслабились и, когда звонок возвестил об окончании приема посетителей, ушли, расцеловав меня на прощание. Я вытерла подбородок, где остался след от отцовского поцелуя, потом взяла книгу и погрузилась в чтение.

Мама сдержала свое обещание, и инцидент со шнурком от ночной сорочки больше никогда не вспоминали. У моей матери было своеобразное отношение к проблемам: «Если мы не говорим об этом, значит, этого и не

было». И ее логика, как будто была заразной, передалась всему больничному персоналу.

После этого отец навестил меня без матери только один раз.

– Помни, Антуанетта, что я тебе говорил. Никому нельзя рассказывать о наших семейных делах, поняла?

– Да, папа, – ответила я, пытаюсь ускользнуть под одеяло, лишь бы спрятаться от его сурового взгляда: в его глубинах я видела зарождающуюся ярость, которая грозила выплеснуться, стоило мне когда-либо послушаться его.

Каждый день я ждала, что придет мама, и раз за разом меня ждало разочарование. Когда она наконец пришла, то долго извинялась. Ее оправдания сыпались на меня, и я, желая верить ей, кивала головой в подходящие моменты. Работа, объясняла мать, совершенно вымотала ее. Так долго приходится добираться на автобусе, продолжала она. Еще мама говорила, что тетя Кэтрин с нетерпением ждет меня к себе. Семья у нее обеспеченная, поэтому ей не нужно работать. Мама сожалела, что не может себе позволить сидеть со мной, но не сомневалась в том, что я все прекрасно понимаю. И тоже должна с нетерпением ждать визита к тете.

А у меня, одиннадцатилетней, было только одно желание: вернуться домой к своей маме, – но желание доставить ей удовольствие снова оказалось сильнее.

– Я очень рада, что смогу поехать к тете Кэтрин, – ответила я и была вознаграждена счастливой улыбкой и двумя поцелуями в обе щеки.

Последние дни в госпитале слились в один: я читала, играла с другими детьми, ждала, когда мне скажут, что завтра выписка. Наконец этот день настал.

В то утро я встала рано, оделась, сложила в свой чемоданчик одежду и книги, которые накопила за три месяца пребывания в больнице. Закончив сборы, я села на кровать и стала терпеливо ждать маму.

Глава 15

Сначала поездом, а потом на автобусе мы с мамой добрались до Кентского побережья, где в большом, беспорядочно спланированном доме жила тетьа Кэтрин. Мне выделили милую комнату с обоями в цветочек, которые сочетались с таким же цветастым покрывалом на белой кровати. Как мне сказали, когда-то это была спальня дочери тети Кэтрин, но теперь, когда Хейзел стала старше, ее переселили в комнату побольше.

Тетьа Кэтрин не находилась с нами в кровном родстве – она была лучшей подругой моей матери. В пятидесятые годы добавлять титулы «тетьа» или «дядя» к именам взрослых считалось обычным для всех, кто был моложе двадцати одного года. Тетьа Кэтрин была миловидной женщиной с волосами до плеч, покрашенными в модный по тем временам мышино-коричневый цвет, выдавая тем самым свою принадлежность к поколению, которое не слишком зависело от искусства парикмахеров. Шлейф ее духов, в которых смешивались легкие цветочные ароматы и вкусный запах выпечки, надолго оставался в комнате после ее ухода. У нее, в отличие от моей матери, ногти были коротко подстрижены и покрашены самым бледным розовым лаком, а ноги обуты в сандалии на плоской подошве. Высокие каблуки, как я заметила, она надевала только в особых случаях, например в те дни, когда выводила меня в чайные, напоминавшие мне раннее детство.

Наш первый совместный выход был в большой универмаг, где она предложила мне выбрать ткань:

– Ты заметно подросла в госпитале, Антуанетта, и так похудела, что твоя одежда тебе уже не годится. – Таким образом она тактично отвергла мой стиль «секонд-хенд», который так любила мама и так ненавидела я. – Давай вместе выберем что-нибудь симпатичное.

Взяв меня за руку, она прошла в лифт, где лифтер, ветеран войны, гордо носящий униформу служителя универмага, с прищипленным к груди рукавом отсутствующей руки, сидел на стуле и объявлял ассортимент товаров каждого этажа, пока мы не добрались до галантереи. Это была послевоенная Англия, и автоматика еще не вытеснила службу лифтеров.

Пройдя через зал, где торговали пуговицами, шерстью и разнообразными вязальными принадлежностями, мы подошли к секции тканей. Моему восхищенному взору предстала материя всех цветов радуги; такого многоцветья я никогда раньше не видела. Первыми мое внимание

привлекли нежный серебристый шелк и шифон, расшитый бисером. Мне захотелось броситься к витрине и рассмотреть все образцы, но тетя Кэтрин мягко взяла меня за руку и направилась к секции более подходящего нам хлопка.

– Посмотри, – воскликнула она, показывая на рулон ткани в нежно-розовую и белую полоску, – тебе это наверняка подойдет. – Прежде чем я успела ответить, она показала на другой отрез, на этот раз бледно-голубой ткани. – Или тебе больше нравится это?

Я молча кивнула головой, боясь разрушить очарование момента. От волнения у меня перехватило дыхание и язык стал деревянным.

– Ну, тогда возьмем оба, – радостно воскликнула она. – А теперь нам нужно подобрать что-нибудь для выходного платья.

Она заметила, как загорелись мои глаза при виде богатой шотландки, очень похожей на ткань моего любимого платья, из которого я уже выросла.

– Это мы тоже возьмем, – сказала она.

Нам упаковали и перевязали покупки, и она повела меня в чайную. Я не верила своему счастью: теперь у меня будет не одно, а целых три платья. Я вышагивала рядом с ней по мостовой и улыбалась так широко, что мои щеки едва не лопались.

Понимая, какой это особенный день в моей жизни, она позволила мне съесть кусочек торта, нарушив мою строгую диету. Проглатывая нежнейший бисквит и ощущая сладость глазури на языке, я чувствовала себя абсолютно счастливой, и мне захотелось остаться с ней навсегда.

Войдя в жизнь, которую раньше могла только представлять себе по рассказам других детей, я словно прошла сквозь зеркало, как Алиса, и желания возвращаться не возникало. В тот день я забыла о Джуди, забыла о том, как по ней скучаю, и позволила себе наслаждаться каждым мгновением. Моя нескрываемая радость забавляла тетю Кэтрин, и она с удовольствием планировала наши следующие выходы в город.

– Правда, мы пока не можем развернуться в полную силу, – предупредила она, – потому что ты еще не совсем поправилась, но через несколько недель я хочу вывести всех вас в цирк. Хочешь?

Я почувствовала, как мои глаза округлились: о таких подарках я только в книгах читала. Конечно, я мечтала пойти в цирк, но ни разу там не была.

– О, да! – только и удалось воскликнуть мне.

Нет, определенно, лучшего дня и быть не могло.

За то время, что я прожила в ее доме, мне стало ясно, что самое большое удовольствие тете Кэтрин доставляет забота о собственной семье, и я чувствовала себя частью этой семьи. Ее двое детей – Рой, на год старше

меня, и Хейзел, старше на пять лет, – можно сказать, игнорировали меня. Рой – потому что я была недостаточно крепкой, чтобы со мной можно было играть, а Хейзел – в силу разницы в возрасте. Поэтому я была удивлена, но очень рада, когда через пару недель после моего приезда Хейзел предложила посмотреть ее лошадь. Лошади были ее страстью; она ездила верхом с раннего детства, и у нее был собственный пони, пока она не переросла его. Новую лошадь ей подарили на пятинадцатилетие, и она была предметом ее гордости и радости.

Это был мерин, как она объяснила мне, гнедого окраса. Я поняла, что Хейзел заботилась о нем так же трепетно, как я о Джуди, хотя, по ее словам, с собакой можно было лишь разговаривать, а на лошади еще и ездить верхом, так что пользы от нее было больше.

Тетя Кэтрин дала нам с собой пучок моркови, чтобы покормить коня, предупредила Хейзел, чтобы она не разрешала мне уходить далеко, и я, мысленно восхищаясь героизмом своей новой подруги, последовала за ней в поле. Золотисто-коричневый конь, гораздо крупнее, чем пони Кулдарага, поскакал нам навстречу. Мне было велено держать свое угощение на вытянутой ладони, что я и сделала. Я испытала наслаждение, когда его теплое дыхание коснулось моей ладони, и моя уверенность в себе возросла, когда он позволил погладить себя по голове.

Хейзел оседлала коня, а потом, к моему восторгу, спросила, не хочу ли и я прокатиться.

– О, да! – тут же ответила я.

В конце концов, меня ведь просили только о том, чтобы не уходить далеко, а насчет того, чтобы прокатиться на лошади, речи не было.

Мне пришлось встать на мыски, чтобы попасть ногой в стремя, пока Хейзел держала коня. И вот, изловчившись, я запрыгнула в седло. Земля вдруг оказалась далеко внизу, поэтому я предпочла смотреть прямо перед собой и взялась за поводья. Сначала конь шел, и я, с излишней самоуверенностью, чуть пришпорила его каблуками, как, я видела, делают наездники. Я почувствовала, что мерин ускорил шаг, и, пока пыталась удержать равновесие, он, со всей горячностью молодого коня, пустился вскачь. От ветра у меня заслезились глаза, я ничего не видела перед собой, и вскоре, когда почувствовала, что теряю контроль над лошадью, радостное возбуждение сменилось страхом. Я слышала, как Хейзел зовет коня, пока тот нарезал круги по полю. Она кричала и мне, чтобы я натянула поводья, но все мои усилия были сосредоточены только на том, чтобы удержаться в седле.

И тут, разрезавшись не на шутку, конь взбрыкнул задними ногами, и я

перелетела через его голову. Воздух вырвался из моего тела хриплым вздохом, и на какое-то мгновение прямо надо мной зажглись звезды. Я лежала на земле, не чувствуя конечностей, мои глаза были открыты, но взгляд не фокусировался.

Встревоженный голос Хейзел ворвался в мое замутненное сознание, и желание соответствовать своему кумиру придало мне сил. Я взяла себя в руки, выждала, пока пройдет головокружение, и, шатаясь, поднялась с земли. Тревога Хейзел слегка улеглась, она отряхивала меня, втайне радуясь тому, что не придется отвечать за сломанные кости.

К моему ужасу, она сказала:

– Ты должна снова сесть на лошадь. Если ты сейчас не сядешь, то уже не сядешь никогда, страх останется на всю жизнь.

Я посмотрела на мерина, который, ничуть не обеспокоенный случившимся, с удовольствием дожевывал остатки моркови, и он показался мне настоящим великаном. Хейзел заверила меня, что на этот раз возьмет его под уздцы, и, не до конца веря ее словам, я снова взгромоздилась на лошадь. Преклонение перед героями способно сделать нас храбрыми солдатами. Я была вознаграждена за свою смелость, потому что в тот день мы с Хейзел подружились, тайно сговорившись скрыть от тети Кэтрин правду о нашей маленькой аванюре.

В то лето моя жизнь в доме тети Кэтрин была спокойной. Будучи больше привязанной к дому, а не к ее детям, я проводила дни с книгой в саду или же помогала ей на кухне. По утрам она выставляла на большой деревянный стол швейную машинку, и, словно по мановению волшебной палочки, появлялись наряды для всей семьи. Но в первую очередь она все-таки сшила три платья мне. Я вставала для примерки, и она, с полным ртом булавок и метром в руке, колдовала над силуэтом платья, пока не оставалось лишь подшить подол, что она делала по вечерам вручную.

Ланч обычно состоял из легких закусок, и его съедали на кухне, но ужин всегда сервировали в столовой. После полудня шитье откладывалось в сторону, и начиналась подготовка к вечерней трапезе. Я нарезала овощи, чистила картофель, заваривала для нас двоих чай, пока тетя Кэтрин готовила любимые семейные блюда вроде вкуснейшего жаркого с разнообразными подливами, за исключением понедельников, когда на ужин подавали холодное мясо с воскресного обеда с гарниром из солений и картофельного пюре.

Дядя Сесил, муж тети Кэтрин, высокий худощавый мужчина с теплой улыбкой и озорным взглядом, менеджер местного банка, каждый вечер переодевался из делового костюма в домашнюю одежду – вельветовые

брюки, рубашку и свой любимый, отделанный кожей, кардиган. Он с удовольствием расслаблялся джином с тоником, который тетя наливала ему и себе в качестве аперитива, и это было вечерним ритуалом.

После того как они допивали второй коктейль, мы садились к столу. Дядя занимал место во главе стола, тетя подавала блюда. Это был настоящий семейный ужин, за которым он вежливо интересовался, как прошел день у детей и жены. Не забывая обо мне, он обязательно спрашивал о моем здоровье и всякий раз подчеркивал, что я выгляжу значительно лучше.

После ужина, когда на кухне был наведен порядок, мы часто играли в карты или настольные игры вроде «змейки и лесенки», потом наступала очередь вечерней ванны и сна. Мне разрешали почитать полчаса в постели, прежде чем ко мне в комнату заходила тетя, поправляла мое одеяло, гасила свет, и я засыпала, счастливая от воспоминаний о поцелуе на ночь.

День нашего похода в цирк наконец наступил. В новом бело-розовом платье и белом кардигане, я забралась на заднее сиденье машины. Рой, с зализанной прической, в длинных серых брюках и ярко-синем блейзере, сидел рядом со мной, стараясь казаться невозмутимым, в то время как у меня от возбуждения рот не закрывался.

Яркие огни освещали купол цирка, у входа выстроилась очередь из детей, таких же счастливых, как и я, крепко сжимающих руки родителей. Мы вошли в огромный шатер, заняли свои места на скамейке, и мне в нос ударил запах древесных опилок. Я была в полном восторге. Сначала вышли клоуны с раскрашенными лицами, их рты были растянуты в несходящей улыбке; потом танцевали маленькие черно-белые собачки с белыми кружевными ошейниками. Исполнив свой номер, каждая собачка вспрыгивала на стульчик, ожидая положенных аплодисментов. Вокруг меня сидели дети с горящими глазами и пылающими щеками, они тянули шеи, высматривая клоунов. Раздался всеобщий восторженный вопль, когда следом за собаками вышли огромные кошки. Подложив под себя руки, я старалась усесться повыше, чтобы не пропустить ни мгновения кошачьего выступления. Всеобщее возбуждение передалось мне, и я затаив дыхание следила за тем, как большие, красивые, золотистые животные прыгают через огненное кольцо, изо всех сил хлопала в ладоши, когда укротитель вышел на поклон, – а потом наступила тишина, и я, как зачарованная, устремила взгляд под купол, где начинался неописуемый полет гимнастов на трапеции.

Потом на арену выплыли величественные слоны, каждый своим хоботом держался за хвост впереди идущего, а замыкал шествие смешной

слоненок. Я все ждала, что рухнут крохотные стульчики, на которые они взгромоздились в конце выступления, и разочарованно вздохнула, когда слоны покинули арену. И вот вышли клоуны, чтобы объявить окончание представления. Я не могла сдвинуться с места. У меня было такое ощущение, будто я тону в море волшебной радости, которую может подарить только детство. Много лет спустя, подписывая петицию о запрете на использование животных в цирке, я с горькой ностальгией вспомнила очарование того вечера.

Через две недели тетя Кэтрин сообщила мне хорошую, как она считала, новость. Мои родители собирались приехать на уик-энд, и я должна буду вернуться домой вместе с ними. Мне предстояло пройти осмотр в больнице, и, если все будет в порядке, осенью можно будет приступить к учебе.

Я испытала смешанное чувство: с одной стороны, я соскучилась по маме и Джуди, но в то же время я привыкла жить в счастливой семье, чувствовать себя ее частью, хорошо одеваться. Чтобы не расстраивать тетю Кэтрин, я улыбнулась и заверила ее в том, что буду скучать по ней, но конечно же очень жду встречи с родителями.

Наступил уик-энд. Я услышала, как подъехала машина, и вместе с тетей Кэтрин вышла встречать родителей. Было много объятий и поцелуев, восторгов по поводу того, как я выросла и как хорошо выгляжу. В тот вечер моя мама укладывала меня спать и целовала на ночь. Ее поцелуй долго грел мою щеку, пока я лежала в постели, думая о том, что принесет следующая неделя.

Глава 16

Осмотр в больнице прошел успешно, и врачи сказали, что я готова к школе, хотя и освободили меня от занятий спортом и физкультурой, поскольку я еще недостаточно окрепла. Эту новость я встретила с радостью; в нашей школе популярностью пользовались не те, кто отличался в классе, а те, кто был быстрее и ловчее на хоккейной площадке, у волейбольной сетки и в спортзале. Я не блистала ни в одном виде спорта. Теперь у меня было законное освобождение от нелюбимых уроков и насмешек, которыми меня награждали на этих уроках.

Мама взяла короткий отпуск, чтобы ухаживать за мной первое время после моего возвращения, и две недели я блаженствовала, приходя из школы домой. Меня всегда поджидали горячие, свежееиспеченные лепешки и заваренный чай, а по пятницам – мой любимый домашний кофейный торт. Но самую большую радость доставляло мне общение с мамой, которая всегда была рядом, и я могла болтать с ней, не чувствуя на себе тяжести вечно преследующего меня отцовского взгляда.

Поев и наигравшись с Джуди, я садилась за кухонный стол с домашними заданиями, которые стали намного сложнее в старших классах, и к тому же приходилось нагонять пропущенный триместр. Пока я делала уроки, мама готовила ужин, и, сидя в теплой кухне, я мечтала только о том, чтобы эти дни никогда не кончались.

Я твердо решила дать отпор отцу, когда мама выйдет на работу. Я собиралась сказать ему, что теперь знаю, насколько неприлично его поведение. Хотя мне всегда было омерзительно то, что он проделывал со мной, до сих пор я принимала это как неизбежность. Но, прожив полтора месяца в счастливой семье, я убедилась в том, что так быть не должно. Интуитивно я всегда чувствовала, что нельзя ни с кем обсуждать «наш секрет», знала, что это стыдно, но я была слишком мала и не понимала, что это ему должно быть стыдно, а не мне. Мне казалось, что, если я все расскажу людям, они решат, что я ненормальная, и осудят меня.

Купаясь в ложном чувстве защищенности, я вернулась в школу. Слухи о моем хрупком здоровье добавили мне чудаковатости, но, по крайней мере, меня оставили в покое. Ребята перестали дразнить меня, опасаясь сурового наказания, которым пригрозили учителя.

Наступил последний день маминого отпуска, и в доме опять появился отец-весельчак. Он вошел с озорной улыбкой, источая еле уловимый запах

виски. Я заставила себя не поморщиться, когда он потрепал меня по подбородку, а потом пробежал пальцами по щеке и положил руку мне на голову:

– Смотри, Антуанетта, у меня для тебя подарок.

Он расстегнул верхние пуговицы пальто и показал мне серый пушистый комочек. Осторожно оторвав маленькие коготки от своего свитера, он протянул комочек мне, и я взяла его в руки. Теплое тельце прижалось ко мне, и я услышала счастливое урчание. Я гладила пушистый мех, не в силах поверить своему счастью: у меня появился котенок.

– Он твой. Я увидел его в зоомагазине и подумал, что нужно купить для моей любимой девочки.

Все еще веря в доброго отца, я убедила себя в том, что он существует, и с восторгом посмотрела на него. Серый комочек получил от меня кличку Оскар, от мамы – высланную старым одеялом коробку для сна, а от Джуди – дружеское обнюхивание. На следующее утро котенок мирно спал, свернувшись клубочком под боком у Джуди, греясь в тепле ее тела, а она взирала на это с полным безразличием.

На той же неделе отец возобновил работу в ночную смену, и, когда я возвращалась из школы, меня встречала уже не мама, а он. Я решила испытать на практике то, что задумала, и сказала: «Нет». Он улыбнулся мне, а потом подмигнул:

– Но ведь тебе это нравится, Антуанетта, ты же сама говорила, помнишь? Выходит, ты обманывала своего папу? Так?

Я почувствовала, что ловушка захлопнулась, ведь я знала, что ложь всегда влечет наказание. Онемев от страха и смущения, я стояла перед ним, дрожа всем телом.

Его настроение вдруг резко переменилось.

– Приготовь своему старику чашку чая, – бросил он, и я восприняла это как избавление.

Через несколько минут он уже отхлебывал горячий чай, и в его сощуренных глазах застыло знакомое мне выражение, которое не сулило ничего хорошего.

– Знаешь, Антуанетта, мы с твоей мамой тоже делаем это. Постоянно. – Я с ужасом уставилась на него, не в силах увернуться от его насмешливого взгляда. – Разве ты до сих пор не знаешь, как делаются дети?

Я не знала, но очень скоро узнала, и он, я была в этом уверена, пришел в восторг, увидев, какое отвращение вызвали во мне его откровения. Я вспомнила всех беременных женщин, которых когда-либо видела, женщин, которые казались счастливыми от своего положения, и меня чуть не

стошнило, стоило мне подумать о том, участницами какого страшного акта все они были. Неужели, думала я, тетя Кэтрин, которую я так любила, тоже делала это, по меньшей мере два раза? И моя мама? Как они могли? Мысли путались в голове, и страх совсем иного рода запуская в меня свои холодные щупальца. В тот день мои представления о взрослых разом перевернулись, и последние ниточки, которые удерживали меня в безопасной гавани, лопнули, отпустив меня в свободное плавание с единственным попутчиком – недоумением.

Он сказал мне, что я не могу забеременеть, как будто только это меня и пугало, но я все равно сказала «нет». Он рассмеялся:

– Знаешь, что я тебе скажу, Антуанетта? Твоей маме это очень нравится.

Потом, словно ему надоело мучить меня, он пожал плечами и отвернулся.

«Неужели я выиграла первый раунд? – подумала я. – Неужели все так просто?» Нет, я просто выиграла незначительную схватку, даже не сражение, а между тем настоящая война была впереди.

На следующий день я поехала в офис к матери. Я решила сделать ей сюрприз, встретив после работы, и заодно избежать отцовских насмешек – после его выпадов я долго не могла уснуть, мучаясь от тревожных мыслей и образов. Я пыталась гнать их, но они упорно преследовали меня, пока я ворочалась в постели.

– Какой милый сюрприз, дорогая, – воскликнула мама, проводив меня в холл, где я могла подождать ее.

Закончив работу, она тепло улыбнулась мне и представила своим коллегам, играя роль матери, которая гордится своим ребенком. Потом, обняв за плечи дочь, которая так верила в нее, она вывела меня за дверь.

Отец ждал нас на улице. Когда я не вернулась из школы, он сразу догадался, куда я отправилась, и быстро подъехал к офису, решив перехитрить меня. Он сказал маме, что в местном кинотеатре идет фильм, который ей наверняка понравится, и предложил сходить в кино. Я так любила кино, – и, решив, что тоже приглашена, с надеждой посмотрела на родителей.

– Разве ты сделала уроки, Антуанетта? – спросил он, заранее зная мой ответ.

– Нет.

– Тогда ты идешь домой. Мы с мамой придем позже. Если бы тебе хотелось пойти с нами, ты бы из школы сразу шла домой.

Он говорил это, улыбаясь, и по его улыбке я поняла, что снова

начинаю проигрывать.

– Не переживай, дорогая, – добавила мать, – в следующий раз сходишь. Приготовь себе чаю и обязательно сделай все уроки.

Я развернулась по направлению к дому, а они, увлеченные друг другом, пошли в другую сторону.

Прошло три дня, и я, придя из школы, увидела Оскара, неподвижно лежащего в корзинке Джуди. Я поняла, что он мертв, еще до того, как взяла его в руки. Его голова была какой-то неестественно вывернутой, а маленькое тельце уже каменным. Я с отчаянием посмотрела на отца.

– Должно быть, сломал себе шею, когда играл, – объяснил он, но я ему не поверила.

Спустя много лет, оглядываясь на события того дня, я подумала, что, скорее всего, отец не был виноват, потому что я никогда не видела, чтобы он жестоко обращался с животными. Возможно, это был единственный раз, когда я обвинила его напрасно. Но тогда уверенность в том, что он виноват в смерти котенка, сломала меня, и отец, заметив это, не преминул воспользоваться моей слабостью. Он взял меня за руку и повел в спальню.

Слезы текли по моим щекам, и он, с сочувствием в голосе, скрывавшим его истинные намерения, протянул мне маленькую бутылочку и велел выпить. Огненная жидкость обожгла мне горло, и я закашлялась, прежде чем почувствовала, как приятное тепло разливается по телу. Мне не понравился секс, который последовал за этим, но понравилось виски.

Так в двенадцать лет я узнала, что алкоголь притупляет боль, и увидела в нем своего друга. Уже гораздо позже я поняла, что дружба с бутылкой может в одночасье обернуться дружбой с врагом.

Я проснулась с предчувствием того, что должно произойти что-то хорошее. Мое сознание, еще сонное, попыталось отыскать причину, и меня охватило радостное волнение. К нам в гости ехала моя английская бабушка. Она собиралась пожить у нас несколько недель, и это означало, что она будет встречать меня из школы каждый день. И самым приятным было то, что все это время отец не осмелится приближаться ко мне. Пока бабушка будет гостить у нас, на сцене появится любящий и заботливый отец, а моя мама сможет играть в счастливую семью.

Я с удовольствием потянулась в постели, мечтая о свободе, которая маячила впереди, и неохотно стала собираться в школу. Мне так хотелось остаться дома, чтобы встретить ее, но вместо меня это должен был сделать отец. Он в ее визите не видел для себя свободы, скорее, наоборот, и для меня это был дополнительный бонус. Я знала, что отец наверняка перейдет

в дневную смену, и я буду видеть его гораздо реже.

Впервые на занятиях в школе мне было трудно сосредоточиться, а время тянулось слишком медленно. Стремясь домой, я с нетерпением ждала звонка с последнего урока. Услышав его, я бросилась к воротам и чуть ли не бегом понеслась домой.

С порога я окликнула бабушку, и она вышла ко мне, с теплой улыбкой и распростертыми объятиями. Я привыкла видеть ее с прямой спиной и непременно на высоких каблуках, поэтому она всегда казалась мне высокой, но сейчас, обнимая ее, я вдруг подумала, какая она крохотная. В своих школьных ботинках на плоской подошве я была ей выше плеча.

Сидя за кухонным столом, пока она разливала чай, я изучала ее лицо сквозь облако дыма от сигареты, намертво приклеенной к ее губам. В детстве я все ждала, что она вот-вот упадет, но сигарета никогда не падала.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как она навещала нас в последний раз, и я заметила, что на ее фарфоровой коже появились новые морщинки, а никотин оставил желтые следы на ее, теперь уже потускневших, рыжих волосах. На ее лице сияла все та же любящая улыбка, как мне казалось, предназначенная только для меня, пока она задавала бесконечные вопросы, расспрашивая о здоровье, школе, планах на будущее, если они у меня уже есть.

Я заверила ее в том, что со здоровьем полный порядок и я уже окончательно выздоровела, хотя все еще не могу заниматься спортом. Рассказала и о том, что не люблю свою школу, но отметки у меня лучшие в классе, а в будущем я бы хотела поступить в университет и стать учительницей английского языка.

Мы просидели за чаем еще целый час, и наш разговор прерывался лишь бульканьем кипятка в чайнике, из которого мы постоянно доливали себе чай. Бабушка, как всегда, пила из тонкостенной фарфоровой чашки. Еще в раннем детстве я слышала от нее, что чашки для чая должны быть именно из такого фарфора, что приводило в ярость мою мать, которая упорно ставила на стол собственную кружку, которую привозила с собой в сумке.

Я всегда любовалась бабушкиными чашками, и, когда однажды она показала мне одну из них на просвет, я была поражена тем, что вижу сквозь стенки очертания ее пальцев. Меня удивляло, как такой хрупкий предмет выдерживает крутой кипяток черного чая, который пила бабушка.

С приходом бабушки родители стали вести себя так, будто в доме появилась няня, на которую можно оставить ребенка. Их походы в местный кинотеатр участились. Я не стала говорить бабушке о том, что раньше, в ее

отсутствие, они оставляли меня дома одну, хотя и не так часто, чтобы дать повод для пересудов среди соседей. Если своей жестокостью по отношению ко мне отец не боялся смутить мою мать, то на людях он старался держаться в рамках, опасаясь сплетен.

Родители уходили из дома, оставляя мне кучу инструкций. Я должна была сделать уроки, быть умницей, идти спать, как только бабушка скажет, и напоследок мать наспех целовала меня. Жизнерадостное «увидимся утром, дорогая» неизменно слетало с ее напомаженных губ. Потом дверь за ними закрывалась, и мы с бабушкой украдкой переглядывались: мне было интересно, как она относится к тому, что меня игнорируют, а она задавалась вопросом, насколько сильно я из-за этого переживаю.

В такие вечера мы с бабушкой садились играть в карты. Детские игры вроде «Змейки» остались в прошлом, и я успешно осваивала джин и вист. Впрочем, иногда бабушка извлекала из своего сакvojа настольные игры «Змейки и лесенки» или «Монополию». Часы летели, пока я сосредоточенно обдумывала ходы, решительно настроенная на победу. Она, с таким же очевидным упорством, щурилась сквозь дым опасно свисающей с губ сигареты.

Время отхода ко сну наступало слишком быстро, и, выпив на ночь горячий напиток, я поднималась к себе и ложилась в постель. Она всегда давала мне полчаса, прежде чем прийти ко мне. Следовал привычный поцелуй с пожеланием спокойной ночи, и я вдыхала запах ее пудры с ароматом ландыша, который с годами смешался со знакомым запахом сигарет.

Лишь однажды она позволила себе в моем присутствии выказать недовольство родителями. Они, в очередной раз приодевшись для вечернего выхода в кино, с особенным блеском в глазах, выдававшим в них влюбленную пару, но никак не семью, упомянули название фильма. Это была «Нормандская мудрость», я слышала, как обсуждали этот фильм мои одноклассники, и мне очень хотелось его посмотреть. Должно быть, это было написано на моем лице вместе с надеждой на то, что родители пригласят и меня. Бабушка заметила это и попыталась мне помочь.

– Как же так, Рут, – сказала она, – ведь это фильм для семейного просмотра. Не переживайте, что я останусь одна, к тому же завтра суббота, и Антуанетта вполне может пойти с вами.

Мама застыла на мгновение, обдумывая ответ, и непринужденно бросила:

– О, только не сегодня, ей нужно делать уроки. – Потом повернулась ко мне, чтобы дать дежурное обещание, которому я больше не верила. – В

следующий раз, дорогая, – произнесла она голосом, который должен был бы утешить меня, но не утешил, после чего потрепала мои волосы и ушла, оставив меня в унынии.

– Это неправильно, – расслышала я бабушкино бормотание. – Ну, ничего, не переживай, Антуанетта, – сказала она и поставила на плиту чайник.

Должно быть, она все-таки поговорила с родителями, потому что на следующий вечер они остались дома, и, когда пришло время отхода ко сну, укладывать меня пришла мама, а не бабушка. Она присела на краешек моей кровати, играя роль заботливой матери, роль, в которую она свято верила.

– Бабушка сказала, ты вчера расстроилась из-за того, что мы не взяли тебя с собой, но ты же понимаешь: мы не всегда можем брать тебя. Я подумала, что тебе будет лучше остаться с бабушкой. Она ведь ради тебя приехала.

– Она ко всем нам приехала, – пробормотала я.

– О, нет, дорогая, в любимчиках у нее всегда был мой брат. И его жена тоже ее любит. Нет, дорогая, если бы не ты, я сомневаюсь, что вообще бы виделась с ней. Поэтому я и решила, что нехорошо оставлять ее одну. Ты ведь тоже так думаешь?

– Да, – ответила я, – да и могла ли я ответить иначе?

Она улыбнулась мне, довольная тем, что я все поняла.

– Значит, мы больше не услышим этих глупостей, так ведь, моя милая?

Она с надеждой взглянула на меня, ища поддержки.

– Да, – наконец прошептала я.

Коснувшись моей щеки мимолетным поцелуем, мама оставила меня в темноте – засыпать, размышляя о том, как эгоистично я повела себя по отношению к любимой бабушке.

В следующий раз, когда родители собрались в кино, я сказала бабушке, что хотела посмотреть только один фильм – «Нормандскую мудрость» и что мама сводит меня в кино в школьные каникулы. Я заверила бабушку в том, что мне очень нравится быть с ней вдвоем и что я нисколько не переживаю из-за того, что родители уходят. В этом я была с ней честна, хотя мне все-таки было неприятно, что родители лишают меня своего общества. Я знала, что это еще одно подтверждение тому, как мало меня любят. Думаю, и бабушка это понимала, но она сделала вид, что приняла мои слова на веру, и мы весело провели время за игрой в джин. Я выиграла, и это означало, что бабушка была не слишком сосредоточена на игре.

В тот вечер она приготовила мне какао с молоком и дала лишний бисквит. На следующий день она встречала меня у школы. Она сказала, что

решила сводить меня в чайную и предупредила маму, что уроки я сделаю позже.

Я гордо взяла ее за руку. Она была одета в свое самое красивое голубое твидовое пальто, и маленькая голубая шляпка кокетливо возвышалась на ее голове. Мне очень хотелось, чтобы мои одноклассники увидели, что у меня есть родственница, и не просто любящая, но еще и такая красивая.

Я была вознаграждена, когда на следующий день мои одноклассники отметили, какая красивая у меня мама. И испытала истинное наслаждение, увидев, как вытянулись у них лица, когда они узнали, что та рыжеволосая женщина приходится мне вовсе не мамой, а бабушкой.

Недели, проведенные с бабушкой, пролетели слишком быстро, и вот пришел день ее отъезда. Увидев утром мое печальное лицо, она пообещала, что скоро приедет снова, еще до моих летних каникул. Мне этот срок показался вечностью, поскольку впереди были еще пасхальные каникулы, и даже освобождение от ненавистой школы не могло компенсировать трех недель заточения в отцовском плену. Я знала, что на эти три недели отец опять перейдет в ночную смену – и кошмар продолжится.

Глава 17

В последний день триместра в школе только и говорили о предстоящих каникулах. Мои одноклассники строили планы, обсуждали, как будут веселиться в течение трех недель свободы. Впервые я радовалась тому, что не участвую в этих разговорах. Действительно, что я могла сказать?

Перед самым отъездом бабушка сунула мне в руку несколько банкнот, наказав купить себе что-нибудь. А потом обязательно прислать ей подробный отчет. Я уже все решила: мне хотелось велосипед, и я знала, где его купить. В местном магазине я видела объявление о том, что продается подержанный дамский велосипед за двести десять фунтов. Теперь, когда у меня появились деньги, я твердо решила купить его. И уже мысленно представляла себе, как подъезжаю к школе после каникул и паркую свой велосипед рядом с другими.

Позвонив по телефону, указанному в объявлении, я узнала, что велосипед еще продается, так что в первый же день каникул я направилась по указанному адресу. Сделка заняла всего несколько минут, и я, счастливая, поехала домой уже на собственном транспорте. Переднее колесо опасно дергалось, пока я неумело жала на педали, но уже в течение часа я освоила все тонкости трехступенчатой передачи и научилась держать равновесие. Упиваясь ощущением полной свободы, я уже замахнулась на поездку в соседний город, Гилдфорд, где можно было прокатиться по брусчатке, которая мне запомнилась с тех пор, как мы с мамой ездили туда на автобусе.

У меня еще оставались деньги, так что можно было заглянуть не только в букинистический магазин, но и в любимую мамину булочную. Я даже представила себе, как потекут у меня слюнки от ароматов свежей выпечки. В булочной я могла бы покупать хрустящие батоны, которые так любила мама, и привозить ей к чаю.

Мысленно я уже составила план на все каникулы. Я собиралась выводить Джуди на долгие прогулки, ходить в библиотеку, исследовать окрестности на своем велосипеде. Если бы мне удалось выполнить всю домашнюю работу, пока отец спит, можно было бы ускользнуть из дома, прежде чем он проснется.

Каждый вечер за ужином я рассказывала маме о своих планах на следующий день и чувствовала, как все больше злится отец. Но если я

обещала вернуться из Гилдфорда с маминым любимым хлебом, он же не мог запретить мне туда ездить. Во всяком случае, я так думала.

К концу первой недели каникул я уже освоилась в роли путешественницы и позволила себе задержаться в Гилдфорде до раннего вечера. Счастливая, я вернулась домой, чтобы вывести Джуди на прогулку, а потом приготовить маме чай. Моя радость улетучилась, как только я вошла в дом и услышала рев отца:

– Антуанетта, поднимись-ка наверх, живо.

Дрожа от страха, я повиновалась.

– Где ты была? – закричал он, и лицо его побагровело и исказилось от ярости. – Я уже час, как проснулся, хочу чаю. Ты будешь помогать по дому, Антуанетта? Ленивая девчонка. А ну-ка иди на кухню и приготовь мне чаю!

Я пулей слетела с лестницы, дрожащими руками поставила чайник на плиту и взглянула на часы. Было начало пятого, через час должна была вернуться с работы мама. Я решила, что сегодня он уже не успеет тронуть меня, хотя и знала, что этот момент лишь временно откладывается.

Как только чайник вскипел, я спешно приготовила чай, положила печенье на блюдце и понесла ему наверх. Я уже выходила из комнаты, когда вдруг услышала его голос с угрожающей интонацией:

– И куда это ты направилась? Я еще с тобой не закончил.

Мои ноги стали ватными, голова пошла кругом. «Да нет, он не то имеет в виду, о чем я подумала, ведь скоро должна вернуться мама», – убеждала я себя.

– Передай мне сигареты, а сама иди на кухню, готовь матери чай. И не рассчитывай на то, что тебе удастся увильнуть от дел.

Он вперил в меня суровый взгляд, и я испытала ужас, чувствуя, что он едва сдерживается.

В тот вечер он взял мой велосипед. Сказал, что ему так быстрее добираться до работы, одарил нас широкой улыбкой, подмигнул на прощание и укатил на моем бесценном сокровище. Мама промолчала.

На следующее утро я нашла свой велосипед на заднем дворе со спущенной передней шиной, и это потрясение совпало с приходом месячных. Прикованная к дому отсутствием транспорта и тянущей болью внизу живота, я чувствовала себя как в западне, а отец не скрывал своей ярости по поводу того, что его лишили удовольствия. Сначала он заставил меня обратиться в доме, потом мне пришлось бегать взад-вперед по лестнице с бесчисленными чашками чая. Стоило мне принести ему чай, как он снова звал меня к себе. Создавалось впечатление, будто спать ему совсем не

хотелось, или просто желание мучить меня было сильнее сна. Так прошла вторая неделя моих каникул.

На последней неделе вернулась бабушка, и моя жизнь снова изменилась, поскольку приехала она с определенной целью. Бабушка объявила моим родителям о том, что мне не нравится моя школа. И как она считает, я не протяну в ней еще шесть лет, сорвусь, и тогда об университете можно будет забыть. Мой отец, как ей было известно, не любил Англию, поэтому она хотела помочь нам с переездом в Ирландию. Там частные школы стоили дешевле, и она могла бы оплатить мою учебу в прежней школе. Она даже готова была купить мне новую школьную форму. Как заметила бабушка, здесь у меня не было друзей, с кем было бы жаль расставаться, а в Ирландии, по крайней мере, была большая родня.

Мой отец хотел вернуться. Он скучал по своей семье, где им восхищались и в чьих глазах он выглядел, да и сам себе казался, успешным, в то время как для родственников матери он навсегда остался необразованным Пэдди.

Моя мама согласилась, как обычно руководствуясь принципом «хорошо там, где нас нет». Наш маленький домик был выставлен на продажу и быстро продан, мы снова стали паковать коробки и с началом летних каникул отправились в свою последнюю поездку как семья.

Я тоже надеялась, что это станет началом новой жизни. Я скучала по Ирландии, а моя английская бабушка была слишком редкой гостьей, чтобы ее любовь могла компенсировать тяготы моей жизни в Англии. Так что мы трое, каждый со своими надеждами, покидали Англию, возвращаясь в Коулрейн.

И снова ирландские родственники устроили нам пышный прием. Бабушка встречала нас на улице, и по ее щекам струились слезы радости. Моя мама, не любительница публичной демонстрации чувств, сухо обняла ее, в то время как я скромно стояла в сторонке. Теперь я понимала, что для моей матери дома мужниной родни были труппами, а их образ жизни не соответствовал тому, к чему она привыкла, но для меня тепло и доброта, которые я здесь встречала, с лихвой компенсировали безденежье.

Повзрослевшим взглядом я оценила жилище бабушки и дедушки совсем иначе. Гостиная, и прежде маленькая, вызвала у меня легкую клаустрофобию, усугубляемую чрезмерной духотой от натопленной печи. Стол, накрытый свежими газетами, кричал о бедности. В уличной уборной оказался трогательный рулон туалетной бумаги. Я знала, что его повесили специально для меня и моей матери. Нарезанные на квадраты газетные

листы, нанизанные на гвоздь, предназначались для особ менее чувствительных.

Мои ирландские родственники, должно быть, видели во мне юную копию моей матери. Я говорила, как она, сидела, как она, а манеры, свойственные английскому среднему классу, были заложены во мне с рождения. Теперь, когда я повзрослела, они все пытались разглядеть во мне отцовские черты, но безуспешно. Они видели перед собой дочь женщины, которую терпели исключительно ради отца и никогда не считали членом своей семьи. Так же, как и моя мать, я была гостьей в их доме, и любили меня только из-за отца, но не саму по себе. Думаю, именно поэтому они с такой легкостью решили мою участь спустя два года.

Это была Северная Ирландия конца пятидесятых. И это был Ольстер с его маленькими серыми городками, где обочины раскрашивали в красно-бело-голубые цвета и гордо вывешивали в окнах флаги.

В родном городке моей ирландской семьи мужское население облачалось в черные костюмы и шляпы и гордо вышагивало на демонстрациях в честь празднования «Оранжевого дня». Непреклонные протестанты, жители Коулрейна были верны своему национальному гимну и не любили англичан – «своих избалованных заморских хозяев». Северная Ирландия была полна предрассудков, а ее жители плохо информированы о собственной истории. Нелюбовь к англичанам тянулась со времен ужасов «картофельного голода» XIX века, хотя учителям истории и следовало бы напомнить ирландцам о том, что у многих предки были католиками, которым пришлось поменять веру ради выживания. Но, как ни странно, католиков они ненавидели еще больше, чем англичан. Католики, которые так много потеряли от британского правления и по-прежнему оставались второсортными гражданами, тем не менее гордились своей историей. В то время как семьи вроде нашей вполне могли бы поинтересоваться своим родом, восходящим к вождям, некогда правившим Ирландией и защищавшим ее от вторжения иноземцев, но не считали это нужным и полезным, поскольку однажды уже отреклись от своих предков. За те годы, что я провела в Северной Ирландии, мне удалось понять, что религия не имеет никакого отношения к христианству.

Но в то же время это была страна, где жители всегда помогали друг другу. Во времена голодного детства моего отца соседи делились друг с другом едой. Уже много позже я обнаружила, что в этой стране община выступает единым фронтом и доброта зачастую уступает непримиримости. Но в двенадцать лет я ничего этого не видела; для меня это было место, где я чувствовала себя счастливой.

Хотя я и понимала, что мои родственники уже не относятся ко мне так же, как это было три года назад, я все равно их любила. Я очень обрадовалась, когда мне сказали, что, пока мои родители не подыщут собственный дом, мы с Джуди останемся жить у бабушки с дедушкой, а родители переедут к моей тете в прибрежный городок Портстюарт. Дома моих ирландских родственников были слишком малы, чтобы вместить всю нашу семью, так что, как только меня зачислили в прежнюю школу, мои родители уехали, а я стала жительницей трущоб Коулрейна.

Соседские ребята были настроены дружелюбно; казалось, моя непохожесть вызывала у них больше любопытства, нежели агрессии. А может, все дело было в том, что они мечтали когда-нибудь вырваться из дома и отправиться в Англию искать счастья. Даже в столь юном возрасте они видели в ней страну больших возможностей и буквально засыпали меня вопросами о тамошней жизни. Правда ли, что там заработки такие высокие, как говорят? И рабочих мест достаточно? По окончании школы многие собирались сесть на тот самый паром и отплыть в Ливерпуль, а самые амбициозные мечтали добраться аж до Лондона.

Время, проведенное среди этих грубовато-добродушных детей, принявших меня в свой круг, и многочисленных родственников, которые делали все, чтобы я чувствовала себя, как дома, вспоминается мне как самое беспечное и счастливое. Мне разрешали целыми днями болтаться на улице, водить Джуди на прогулки в парк, играть в крикет, в котором я преуспела. Я прищуривалась, фокусировала взгляд на маленьком мячике и прицельно направляла его в ворота, нарисованные на стенах домов. Меня считали лучшим игроком, а взрослые уважали за то, что я ни разу не промахнулась и не разбила ни одного окна. Я истошно вопила от радости, забивая мяч, а ребята из моей команды дружески хлопали меня по спине и говорили, что я играю неплохо для девчонки.

Да, это было счастливое лето, когда Джуди забыла о том, что она домашняя собака, и стала уличной, гоняя в стаях бродячих псов, и дома меня никогда не ругали за то, что я приходила к ужину грязной. В то же время я с нетерпением ждала начала учебного года. Мне было интересно: помнят ли меня еще одноклассницы, будут ли в классе те же девочки? На оба вопроса ответ был утвердительным.

Я сразу влилась в коллектив, снова почувствовав себя частью школьной команды. Пусть я не была самой популярной девочкой в классе, зато не была и аутсайдером.

Как раз перед моим тринадцатым днем рождения, через неделю после начала учебного года, родители приехали, чтобы забрать меня от бабушки.

Они арендовали сборный дом в Портстюарте, где собирались пожить, пока не подыщут что-то подходящее для покупки.

Глава 18

Хотя с учителями у меня не было особой близости – возможно, они чувствовали во мне что-то такое, что отличало меня от других девочек, – высокие оценки, которые я получила в конце триместра по всем дисциплинам, заставили их проникнуться ко мне уважением. Передо мной стояла цель поступить в университет. Я считала, что только образование принесет мне свободу, и, не догадываясь о том, что лежало в основе моей мотивации, учителя помогали мне реализовывать амбиции.

После госпитализации меня по-прежнему освобождали от уроков по физкультуре, и я могла посвятить это время углубленному изучению других предметов. Занималась я в уже знакомой школьной библиотеке с ее огромным запасом справочной литературы. Мне было важно получить высшие оценки за свои знания; это была единственная сфера моей жизни, которую я могла контролировать и успехами в которой могла гордиться.

Доктор Джонстон, наша директриса, часто заходила к нам на уроки, и ее присутствие вдохновляло. Она неизменно поддерживала учеников в их стремлении к учебе. Призывала нас читать о политике и истории, слушать музыку и выбирать в библиотеке книги по ее рекомендации. Она учила нас формулировать собственное мнение и не стесняться высказывать его.

В начале учебного года, который оказался для меня последним, о чем я тогда даже не догадывалась, директриса объявила конкурс. На доске объявлений в вестибюле вывесили два списка тем для подготовки рефератов. Один предназначался для учениц моложе четырнадцати лет, другой был для старших классов. Нас попросили внимательно изучить списки, выбрать интересующую тему и в течение триместра провести исследовательскую работу по проекту и написать реферат. Проект предстояло защищать перед советом учителей и другими соискателями. Призом должен был стать книжный ваучер, как раз о нем я давно втайне мечтала.

На перемене, подойдя к доске объявлений, я бегло просмотрела список тем для тех, кто был моложе четырнадцати. Вот уже несколько лет я не читала книг для детей, и все предлагаемые темы показались мне наивно-детскими. И тут мне на глаза попала тема из списка для старшеклассников: «Апартеид в Южной Африке». Эта страна была частью континента, который давно будоражил мое воображение после всего, что я прочитала о нем в различных энциклопедиях.

Я подошла к завучу и попросила разрешения выбрать тему из списка для старшекласников. Она терпеливо объяснила мне, что, если я выберу тему из этого списка, мне придется соревноваться с девочками, которые на пять лет старше меня. Но, увидев, что я настроена решительно, смягчилась и лишь добавила, что скидки на возраст не будет. Однако я была непоколебима в своем стремлении достичь поставленной цели.

Завуч пошла к доктору Джонстон и, покровительственно усмехаясь, изложила ей мою просьбу. Что удивительно, вместо того чтобы поддержать коллегу, директриса заявила, что, если я готова посвятить свое свободное время изучению темы, которая не входит в школьную программу, она не возражает.

Я радовалась своей победе, тому, что впервые отстаю свои права. Однако тогда мне было невдомек, что в лице завуча я нажила себе врага, который отомстит уже в следующем году.

По мере того как я погружалась в свои исследования, интерес к выбранной теме возрастал. Я прочитала о том, как рекрутировали рабочую силу на рудники, где были открыты залежи золота и алмазов, и решила начать свое эссе именно с этого. Я написала о том, что белые золотоискатели очень быстро осознали необходимость перелопатить тонны земли, чтобы извлечь хотя бы унцию драгоценного металла. А чтобы рудник работал с прибылью, требовалась дешевая рабочая сила, чернокожая. Но что могло мотивировать деревенских жителей часами работать под землей, если они даже не догадывались о цене металла, скрытого под ее толщей?

Так на века сложилась система бартера, и деньги потеряли свое значение. Затем правительство выпустило новый закон, предусматривающий налогообложение поселений, занимающихся добычей золота. Теперь, когда земля больше не принадлежала аборигенам, они лишились и золота, поскольку были не в состоянии платить налоги. Единственный выход они видели в том, чтобы поставлять молодых мужчин для работы в рудниках. Жен со слезами отрывали от мужей, детей от отцов. Сначала бедолаг в грузовиках везли к поездам, откуда отправляли за сотни миль, где их ждало туманное будущее.

Что они чувствовали, эти мужчины? Навсегда лишённые возможности видеть своих подрастающих детей, любимых женщин, слушать рассказы стариков, передающиеся из поколения в поколение и формирующие основу их культуры и самобытности.

По вечерам они уже не могли любоваться красотой африканского неба, наблюдать за тем, как садится солнце, раскрашивая небосвод всеми

оттенками розового цвета, расцветивая вспышками алого и оранжевого. Им уже не суждено было вдыхать аромата еды, кипящей в черных горшках на костре, охраняемом их женщинами. Навсегда потерянными были для них и родные деревни, где они чувствовали себя в безопасности. Да что там говорить, у них был отнят смысл жизни.

Отныне они должны были проводить долгие часы на изнурительной и зачастую опасной работе в темноте шахты, прислушиваясь к многоязычной разноголосице, возвращаясь на ночлег в свои унылые бараки. Теперь по утрам их будили крики надсмотрщиков, а не привычные звуки пробуждающейся с рассветом деревни.

Здесь они быстро забывали про гордость, которую испытывали когда-то, празднуя день своего рождения. Здесь они навсегда становились боями для белых.

Чем больше я читала, тем крепче становилась моя ненависть к несправедливости апартеида, системе, созданной исключительно во благо белой расы. Сначала белые объявили своей собственностью землю. Потом заявили о своих правах и на ее обитателей, ограничив их свободу во всем, начиная от свободы передвижения и заканчивая свободой, которую предоставляет образование. Вот такие мысли стали основой моего доклада, который я написала в тринадцать лет.

Почему меня так взволновала судьба края, о котором я тогда так мало знала? Оглядываясь назад, я понимаю, что олицетворяла себя с жертвами апартеида. Меня возмущало высокомерие людей, которые изначально считали себя высшей расой. К тому времени я уже знала, что точно так же ведут себя взрослые по отношению к детям. Контролируют их, ограничивают их свободу, ломают под себя.

Чернокожие африканцы, как и я, были зависимы в еде и крыше над головой от других людей, которые унижали их по праву сильного. Меня, как и чернокожих, жестокостью превращали в беспомощную тварь, и беспомощность угнетенных лишь укрепляла угнетателей в мысли о собственном превосходстве.

Я зрительно представляла себе людей, когда-то хозяев своей земли, отныне вынужденных испрашивать разрешения на то, чтобы навестить семью, обреченных на вечную зависимость от белых хозяев. Хозяев, которых они презирали так же, как и я своего. Я могла себе представить, какое отчаяние и унижение они испытывали, потому что все это было мне знакомо. Но, в отличие от них, я знала, что однажды уеду из дома. У меня была надежда на избавление во взрослой жизни, а у них, как я подозревала, никакой надежды не было.

В конце триместра наступил день защиты реферата. Я вошла в актовЫй зал, где за столом, по левую сторону, заседали судьи в черных мантиях. Пятыи и шестой классы сидели прямо напротив меня, а ученицы выпускного класса, в красивых зеленых юбках и нейлоновых чулках, занимали ряды справа.

Смущаясь из-за своего мятого сарафана и гольфов, я поднялась по ступенькам на кафедру, прижимая к груди реферат, над которым трудилась весь триместр. Я была последней выступающей в тот день, и к тому же самой юной.

Я нервно раскрыла папку и почувствовала, как задрожал голос, когда начала читать. По мере того как страсть к выбранной теме успокаивала нервы, я ощущала, что атмосфера в зале становится другой: нетерпение и насмешливая безучастность сменяются интересом. Краем глаза я заметила, что судьи подались вперед, чтобы лучше слышать меня. Дочитав последнее предложение, я услышала шквал аплодисментов еще до того, как они разразились на самом деле. Я знала, что победила, прежде чем об этом объявила доктор Джонстон.

Широкая улыбка озарила мое лицо, когда я стояла, наслаждаясь своим триумфом. Холодный взгляд черных глаз завуча не мог омрачить той радости и гордости, что я испытывала в этот момент.

Директриса тепло поздравила меня и вручила книжный ваучер, и снова раздались бурные аплодисменты, которыми меня проводили с кафедры. Никогда еще я не сталкивалась с таким признанием.

В тот день меня согревало тепло собственного успеха, даже когда я вернулась в пустой и вечно холодный дом. Я долго гладила преданную Джуди, рассказывая ей о радостном событии, а потом вывела ее погулять в палисадник.

Отца дома не было, хотя в тот день он не работал. В свой выходной он обычно встречал с работы мать, и они возвращались поздно. Я привычно сняла школьную форму и аккуратно развесила ее в шкафу. Потом расчистила от золы камин, положила свежие дрова. Когда занялся огонь, я прошла в маленькую темную кухню, где помыла посуду, оставшуюся с вечера. И наконец, приготовила поднос с чаем к приходу родителей.

Покончив с домашними делами, я привела Джуди, чтобы она сидела у меня в ногах, пока я буду делать уроки. В тот день я была слишком взволнованна, чтобы усидеть на месте. Мне не терпелось рассказать матери о своих достижениях, оказаться в ее объятиях, увидеть ее светящееся гордостью лицо.

Я услышала, как подъехала отцовская машина, и поспешила заварить

чай. Как только родители переступили порог, я принялась выкладывать им свои новости.

– Мамочка, я выиграла конкурс. Мой реферат признан лучшим во всей школе, – воскликнула я.

– Очень хорошо, дорогая, – только и ответила она и села пить чай.

– А что за реферат? – поинтересовался отец.

– По апартеиду в Южной Африке, – почти прошептала я, чувствуя, как меркнет моя радость под его насмешливым взглядом.

– И какой приз? – спросил он.

Уже произнося: «Книжный ваучер», я знала, что последует дальше.

– Ну, отдай его маме, – велел он. – На него можно будет выкупить школьные учебники. Такая большая девочка, как ты, уже должна вносить свой вклад в семейный бюджет.

Глядя на него, я пыталась скрыть свое возмущение, потому что в тот момент я видела перед собой не отца, а то, что он собой олицетворял: злоупотребление властью. Мать своим молчанием как будто соглашалась с ним, и я, наблюдая за ней, понимала, что она тоже жертва его тирании. Я смотрела в его наглое, самодовольное лицо и испытывала такую ненависть, что едва не кинулась на него с кулаками. Я мысленно помолилась Богу, в которого уже давно не верила, чтобы Он положил конец его жизни.

На какое-то мгновение я представила себе, что его больше нет и мы с мамой снова счастливы вместе. Я все еще убеждала себя в том, что поступки моей матери полностью контролируются отцом. Мне казалось, что ей будет гораздо лучше без него. Внезапно я увидела, как она светится вокруг отца, как светится ее лицо улыбкой, предназначенной только ему. Мне таких улыбок она не расточала.

В тот момент до меня наконец дошло, что мать остается с ним только потому, что сама хочет этого. Я вдруг поняла, что она готова пожертвовать всем, чтобы остаться с человеком, который стал ее мужем, и делать все, только чтобы он был счастлив.

Я годами обвиняла во всем отца и выгораживала мать, но в тот вечер я увидела ее в другом свете, слабой и беспомощной. Это была женщина, которая не только упустила шанс на нормальную счастливую жизнь, но и потеряла саму себя в любви к отцу. Тогда я поняла, что я не такая слабая, как мать. Мой успех в школе лишней раз подтвердил это. Только противостоянием завучу я смогла победить. И я дала себе клятву, что никто и никогда не будет управлять мной и моими чувствами. Я сберегу и отдам свою любовь детям, которые у меня будут, и животным. Я никогда не позволю себе стать слабой из-за любви, никому не позволю всецело

завладеть моим сердцем. Это решение омрачило мою жизнь на долгие годы вперед.

Глава 19

В отупляющей рутине хосписа терялся счет времени, и первые десять дней пролетели так, что я даже не заметила.

Сон быстро покидал меня, стоило дискомфорту кресла напомнить мне о том, где я нахожусь. Сознание возвращалось прежде, чем неохотно открывались глаза, и я прислушивалась к дыханию матери, задаваясь вопросом, удалось ли ей хотя бы во сне ослабить жесткую хватку, которой она цеплялась за жизнь. Ожидая ответа со смешанным чувством надежды и ужаса, я заставляла себя посмотреть на нее и неизменно упиралась в устремленный на меня взгляд, терпеливо ожидающий моего пробуждения.

Она нуждалась в моей помощи, чтобы дойти до ванной. Одной рукой обнимая ее за плечи, а другой поддерживая под мышкой, я вместе с ней, шаркая, преодолевала короткое расстояние. Возвращение из ванной сменялось мучительным усаживанием в кресло, после чего она с тяжелым вздохом откидывалась на спинку. День только начинался, а она уже была усталой.

Вокруг меня бормотали чужие голоса, тихо чмокали по полу резиновые подошвы тапочек, поскрипывала дверь ванной, из радиоприемника звучала музыка, наполняя хоспис жизнью. Мы обе – мать в своем кресле, а я на краешке койки – ждали привычного звука тележек. Приезд и отъезд этих неодушевленных предметов, приводимых в движение улыбчивыми медсестрами или волонтерами, отмеряли ход больничных часов.

Две пары наших глаз одновременно устремляли свои взгляды на дверь, откуда доносился скрип первой тележки. Это везли лекарства, притуплявшие боль, которую приносило очнувшееся сознание.

Вторая тележка привозила долгожданный поднос с чаем. Обхватив руками горячую чашку, я прихлебывала дымящийся напиток в ожидании третьего транспорта, с завтраком для пациентов, дарующего мне передышку.

С его прибытием я могла ускользнуть из палаты. Сначала в душевую, где, стоя под упругими мощными струями воды, я чувствовала, как спадает напряжение. Оттуда – в комнату отдыха, с чашкой крепкого кофе, где в блаженном одиночестве я могла почитать свежую газету. Здесь не было табличек «не курить», поскольку на состоянии пациентов табак уже никак не сказывался.

Никто не возражал, когда желтолицый пациент снимал свою кислородную маску, заменяя воздух никотином, дрожащими пальцами вставлял в свои бескровные губы сигарету и глубоко затягивался. Я доставала из кармана свою пачку и с удовольствием делала первую затяжку. Мысли о том, что, возможно, я оказалась в правильном месте, которое излечило бы меня от пагубной привычки, тут же рассеивались.

Грохот возвращающейся тележки нарушал мое уединение. Я знала, что она доверху наполнена тарелками с остатками еды после отважных попыток проглотить хоть что-нибудь в отсутствие малейших признаков аппетита.

Затем следовал долгожданный врачебный обход. Возвращаясь в палату, я неизменно отмечала, что четыре старушки, дни которых были сочтены, оживлялись в присутствии симпатичного молодого мужчины в белом халате. Надежды на возвращение домой уже давно их покинули: они так же хорошо, как и доктор, знали, что шансы на выздоровление были перечеркнуты в тот самый день, когда их приняли в хоспис. Все, что им оставалось, это ежедневные расспросы о характере боли и необходимые рекомендации по применению лекарств. Здесь, в этих стенах, доброта и участие скрашивали последние дни безнадежно больных.

Скромные победы приносили мне мимолетное утешение в виде искорки в глазах матери после того, как мне удавалось убедить ее посетить приглашенного парикмахера, сделать ароматерапевтический массаж или маникюр у косметолога-волонтера. Наслаждение, которое она получала в этот час ухода, вытесняло воспоминания о боли и мысли о неизбежной и скорой кончине.

После обеда неизменно являлся отец. Это был вовсе не отец-весельчак и даже не отец-тиран, а старичок, сжимающий в руке букетик цветов, купленный второпях на бензоколонке, коньком которой все-таки была заправка автомобилей топливом, а не флористика. Старичок смотрел с нежностью и одновременно безнадежно на ту единственную женщину, которую он, как умел, любил и которая стольким пожертвовала ради того, чтобы остаться с ним. С каждым днем его походка становилась все более неуверенной, а лицо печальным по мере того, как он наблюдал медленное угасание своей жены. Жалость, которую я испытывала к нему, смешивалась с воспоминаниями о моих кошмарах, и прошлое вступало в схватку с настоящим.

На одиннадцатый день мать настолько ослабела, что не смогла дойти до ванной.

На двенадцатый день она уже не могла самостоятельно есть.

Точно так же, как много лет тому назад я втайне умоляла ее прочитать в моих глазах отчаянную просьбу о помощи, сейчас я молча молила ее попросить у меня прощения. Я знала, что только это поможет ей оборвать тончайшую нить, которая связывала ее с жизнью.

Когда отец приближался к ее постели, его походка становилась бодрее, а на лице появлялась улыбка, предназначенная только ей. Их незримая, но столь ощутимая связь питалась мощной энергией, которая одновременно истощала меня. Моим святилищем стала комната отдыха, компаньоном – книга, а кофе и сигареты выступали как успокоительные средства. В конце концов отец все-таки подошел ко мне.

– Антуанетта, – услышала я его голос, в котором отчетливо проступали жалобные нотки, удивившие меня, – она уже не вернется домой, это правда?

Я заглянула в запотевшие от слез окна его истерзанной души, где вместо уснувшей злобы поселилась печаль невосполнимой утраты. Я уже не искала конфронтации и не хотела ее, а потому устало ответила:

– Правда.

Встретив его вмиг погрузневший взгляд, я почувствовала, как во мне невольно шевельнулось сострадание, – и мысли унеслись на десятилетия назад, к воспоминаниям о веселом, красивом и добром отце, который однажды встречал нас в порту. Я с тоской подумала о том, как любила его в тот момент, когда он поднял меня в воздух и поцеловал маму. Этот миг как будто застыл во времени, и я снова увидела лицо матери, сиявшее оптимизмом, а с годами увядшее вместе с надеждами. Я едва не задохнулась от обиды, задавшись вопросом, как два человека, способных на такую большую любовь друг к другу, совершенно забыли о ребенке, которого сами же произвели на свет.

– Я знаю, – продолжил он, – что совершил страшный грех, но можем ли мы быть друзьями?

Слишком поздно, подумала я. Когда-то я хотела любви. Мечтала о ней. Теперь я уже никогда не смогу дать тебе свою любовь.

Слеза скатилась по его щеке. Усыпанная пигментными пятнами рука коснулась моей руки, и я на мгновение смягчилась и просто произнесла:

– Я твоя дочь.

Глава 20

Пришла Пасха, принеся с собой раннее лето, которое не только оживило пейзаж, но и наполнило наш дом оптимизмом. На протяжении нескольких недель отец вел себя безупречно, и во мне затеплилась надежда, что весельчак, каким его знали друзья и родственники, навсегда поселился в нашей семье. Мать, которая тоже была счастлива от его хорошего настроения, стала добрее и внимательнее ко мне. Должно быть, я вела себя примерно, думала я, ведь обычно мое поведение провоцировало его ярость, хотя мама ни разу не объяснила мне, в чем я была виновата.

Перед самым праздником мы переехали в собственный дом. Родители наконец нашли маленький коттедж по разумной цене на окраине Коулрейна. Теперь у мамы была работа, которая ей нравилась, а отец наконец-то купил машину своей мечты – подержанный «ягуар», который он любовно надраил перед тем, как поехать на нем к родственникам. Фурор, который он произвел, подкатив к дому стариков, разлился краской удовольствия на его лице, как это всегда бывало, когда он выслушивал восхищенные комплименты в свой адрес.

Умиротворенное состояние матери выразалось в том, что она постоянно напевала себе под нос мелодии Гленна Миллера, популярные в годы ее молодости. Поскольку оптимизм заразителен, я тоже принялась искать себе работу на предстоящие три недели каникул. И нашла ее в местной кондитерской. Мне хотелось быть независимой и иметь собственные деньги.

Я была так горда собой, когда в конце первой недели работы мне вручили коричневый конверт с жалованьем, и в выходной купила в секонд-хенде комплект энциклопедий и пару джинсов. Это было начало эры молодежной моды, и мне хотелось сменить школьную форму на что-то современное. Следующими покупками стали туфли без шнуровки и белая блузка.

Когда пасхальные каникулы закончились, в магазине согласились оставить меня работать по субботам. Это вселило в меня надежду скопить денег на велосипед. На этот раз я была решительно настроена не давать велосипед отцу. Впрочем, теперь, когда у него была любимая машина, можно было и не волноваться. Родители, казалось, были довольны моей активностью, и, хотя я постоянно с ужасом думала о том, что меня попросят делиться заработанными тяжким трудом деньгами, в тот период

всеобщего счастья никто об этом не заикался. Мама даже восхищалась моими обновками.

Дом наполнился атмосферой счастья; я подружилась с одноклассницами, и, как мне казалось, родители с пониманием относились к моей новой, подростковой жизни. Внешне все так и выглядело. Но только внешне. Я полюбила виски; оно притупляло боль и взбадривало меня, при этом истощая морально и физически. Апатия, которую мама списывала на переходный возраст или критические дни, охватывала меня все чаще. Она мешала наслаждаться школьной дружбой, независимостью, которую давала работа, окрашивала мои дни в тусклый серый цвет, а ночи превращала в бесконечный кошмар. Сны, в которых за мной охотились, я падала, страдала от беспомощности, заставляли просыпаться среди ночи, и я подолгу лежала, мокрая от пота, не засыпая от страха перед возвращением ужаса.

Участившиеся притязания отца стали нормой моей жизни; омерзительный секс я запивала виски. Отца забавляло то, что я, протестуя против первого, с радостью принимала второе. Мои просьбы о выпивке обычно встречали отказ, и он нацеживал мне виски лишь несколько раз в неделю, приучая ценить его вкус. Я была слишком маленькой, чтобы покупать собственный алкоголь; следовало подождать еще три года.

Воскресенья стали днями семейного выхода. Отец усаживал нас в машину вместе с Джуди, теперь уже пожилой собакой. Соседи видели, как наша счастливая семья выезжает на дорогу и сворачивает к прибрежному городку Портстюарт. Просьба разрешить мне остаться дома, которую я высказала матери лишь однажды, вызвала такую бурю негодования, что я больше об этом не заикалась.

– Твой отец так много работает, – воскликнула она, – и в свой единственный выходной хочет сделать для нас что-то приятное. А ты неблагодарная. Не понимаю тебя, Антуанетта, и никогда не смогу понять.

И пожалуй, это было самое искреннее признание, которое я когда-либо от нее слышала.

Приезжая в Портстюарт, мы устраивались на пикник с чаем из термоса и завернутыми в пергамент сэндвичами. После еды была прогулка. Джуди, без оглядки на свой возраст, резвилась, как щенок, радостно облаивая каждую чайку, а я гонялась за ней, в то время как родители медленно брели сзади. Воскресная прогулка неизменно заканчивалась маминым вопросом: «Ты поблагодарила папу, дорогая?», и я бормотала слова благодарности улыбающемуся человеку, которого презирала и боялась.

В те времена, когда телевизор еще был в диковинку, походы в

кинотеатр считались традиционным семейным развлечением, и, разумеется, наша семья не была исключением. Я обожала кино. Каждый раз, когда родители собирались пойти посмотреть новый фильм, я с надеждой ждала, что пригласят и меня. Но случалось это крайне редко.

В четырнадцать лет мне по-прежнему не разрешали выходить из дому по вечерам, разве что посидеть с кем-то из родственников. Иногда мне удавалось ускользнуть ранним утром под предлогом, что нужно позаниматься в библиотеке, и в такие моменты я наслаждалась одиночеством.

Пасхальные каникулы подошли к концу, когда мама удивила меня приглашением.

– Антуанетта, папа хочет пригласить нас вечером в город, так что беги к себе и переодевайся, – сказала она, возвращаясь вместе с ним с работы.

Он встал с постели всего час назад и, оставив меня в их спальне, поехал встречать маму с работы. Как только за ним закрылась дверь, я помылась, тщательно почистила зубы и язык, чтобы от меня не пахло виски, потом застелила постель и приготовила поднос с чаем. После этого я снова надела школьную форму и стала ждать их возвращения. Новую одежду я приберегала для особых случаев, а поскольку мой гардероб был скудным, дома я ходила в школьной форме, переодевалась только на выход.

В тот день он не скупился на виски для меня, поскольку пребывал в хорошем настроении. Он выиграл на скачках, и как я узнала позже, в такие счастливые моменты был щедр во всем.

Чувствуя себя вялой и разбитой, я быстро сняла с себя школьный сарафан и швырнула его на постель, постель, в которую мне так хотелось забраться и уснуть. Сейчас даже идея похода в кинотеатр меня не вдохновляла.

Фильм, один из любимых у моего отца, оказался вестерном, но я едва могла сосредоточиться на сюжете. Головная боль переместилась в область шеи, и всякий раз, когда на экране палили из ружей, я морщилась. Мне хотелось заткнуть уши, когда музыка становилась нестерпимо громкой, каждый звук был подобен ножу, вонзающемуся в мой череп. Я испытала облегчение, когда зажегся свет и заиграли гимн. Мне хотелось только одного: поскорее лечь спать.

Но когда мы вернулись домой, выяснилось, что отход ко сну откладывается, поскольку меня отправили на кухню заваривать чай для родителей. Сквозь свист чайника я расслышала звук, который заставил меня оцепенеть от страха. Это был жуткий рев ярости, и доносился он из моей спальни.

– Антуанетта, поднимись-ка сюда, – услышала я голос отца, усиленный злобой.

Не догадываясь, в чем дело, я поднялась наверх, чувствуя, как раскалывается голова и подкатывает тошнота. Он стоял возле моей кровати и показывал на раздражающий его объект, мой школьный сарафан.

– Ты думаешь, мы настолько богаты, что можем себе позволить раскидывать такие хорошие вещи? – закричал он, и я увидела занесенный над моей головой кулак.

Я ловко увернулась и бросилась вниз по лестнице. Я надеялась, что на этот раз мать уж точно защитит меня, потому что это была ненормальная вспышка гнева. От ненависти у него даже выпучились глаза. Я знала, что он снова не в себе; ему хотелось ударить меня, и ударить больно. Он выскочил следом за мной раньше, чем я думала, и поскользнулся на последней ступеньке, что привело его в еще большую ярость. Последний рывок – и он нагнал меня. Схватил за волосы, и мое тело сковало болью, когда он крутанул меня в воздухе с такой силой, что вырвал клочок волос. Я закричала и вдруг почувствовала, что мне нечем дышать, когда он бросил меня на пол лицом вверх. Он все еще орал, пена выступила в уголках его рта и капала мне на лицо. Я видела над собой его налитые кровью глаза, чувствовала, как сжимаются его руки на моем горле, и понимала, что он хочет меня задушить.

Упираясь коленом мне в живот и все еще держа меня за горло одной рукой, он начал наносить удары по груди, животу, приговаривая:

– Тебя следует хорошенько проучить.

Звезды рассыпались прямо надо мной, и тут я расслышала голос матери, в котором смешались страх и злость:

– Пэдди, уйди от нее.

С его глаз как будто спала пелена, и хватка на моем горле ослабла. Задыхаясь от кашля, я мутным взглядом обвела комнату; мать, с побелевшим лицом, на котором выделялись полыхающие гневом глаза, стояла с хлебным ножом в руке. Она направила нож прямо на него и повторила свою команду, в то время как он тупо смотрел на лезвие. На какое-то мгновение он оцепенел, и это дало мне секундную передышку, которой хватило, чтобы отползти в сторону.

Во мне шевельнулась надежда. Неужели она все-таки сделает то, чем не раз грозила ему в многочисленных скандалах, – уйдет от него вместе со мной? Или, еще лучше, выгонит его самого. Но надежда в очередной раз умерла. Вместо того, что я так хотела услышать, до меня донеслись слова, смысл которых я не сразу поняла.

– Убирайся вон, Антуанетта! – закричала она.

Я сжалась в комочек и не шевелилась, в тщетной надежде стать невидимой. Увидев, что я не двигаюсь, она изо всех сил потянула меня за руку, открыла дверь и грубо вытолкала на улицу.

– Сегодня домой не возвращайся, – были ее последние слова, прежде чем дверь захлопнулась прямо перед моим носом.

Я стояла на улице, с ноющим от побоев телом, и дрожала от страха и вечерней прохлады. Шок и отчаяние парализовали меня на мгновение, и собственная беспомощность вызвала во мне панику. Куда идти? И речи не могло быть о том, чтобы обратиться за помощью к кому-то из родственников. Куда более жесткое наказание было бы мне обеспечено. Он был для них сыном, братом, племянником, который не мог совершить ничего дурного, а меня бы сочли лгуньей, трудным ребенком, не заслуживающим доверия. Да они просто привели бы меня обратно домой. Все это я обдумала, пока страх не придал моим ногам ускорения и я не сорвалась в ночь.

Я пошла на квартиру, которую наша учительница Изабель снимала вместе с подругой. Сквозь слезы я рассказала им, что у меня произошла ужасная ссора с родителями из-за беспорядка в моей комнате и что я боюсь идти домой. Женщины прониклись ко мне симпатией; они только недавно получили дипломы учителей и знали, какими диктаторами могут быть ирландские отцы. Их попытки успокоить меня, заверить в том, что все утрясется, что родители, должно быть, переживают за меня, лишь вызвали новый поток слез. Они позвонили моей матери, чтобы сообщить, где я нахожусь. Как они сказали, она вовсе не сердилась, успокоилась, узнав, что я в безопасности, и, поскольку было уже поздно, разрешила мне остаться у них ночевать. Еще она сказала, что отец ушел на работу, расстроенный как моим поведением, так и исчезновением. Он решил, что я отправилась к бабушке и, значит, со мной все в порядке. Мама не преминула добавить, что у меня сейчас трудный возраст и я совершенно не уважаю отца. Утром я должна была вернуться домой, где она собиралась разобраться со мной, и конечно же потом идти в школу. Она извинилась за причиненные неудобства, еще раз подчеркнув, что дома от меня одни проблемы и я приношу ей только заботы и бессонницу.

Если они и были удивлены тем, что ребенок, который отличался примерным поведением в школе, мог быть таким неуправляемым дома, то виду не подали. Мне постелили на диване, и я быстро провалилась в глубокий сон. Утром мне дали денег на автобус, чтобы я могла вернуться домой. Помня о том, что они взрослые, а я всего лишь ребенок, они

напутствовали меня просьбами вести себя хорошо, и я, с ощущением надвигающейся катастрофы, покинула их безопасное жилище и поплелась к автобусной остановке.

Отец уже вернулся с ночной смены и лежал в постели, когда я вернулась домой и постучала в дверь. Мама молча встретила меня, с выражением упрека на лице, и подала мне завтрак. Она сказала, что плохо спала из-за меня, потом попросила постараться наладить отношения с отцом.

– Я больше не могу, – сказала она. – Я уже устала от твоих выходов, от твоих постоянных ссор с ним.

Мне показалось, что за ее словами скрывается страх; действительно, вчера отец зашел слишком далеко. Только ее вмешательство остановило скандал с непредсказуемыми последствиями.

Хотя за все те годы, что отец избивал меня, он ни разу не тронул ее даже пальцем, в тот вечер она, должно быть, осознала, на что он способен. Впрочем, больше она о том эпизоде не упоминала, и днем, вернувшись из школы, я застала дома отца, который поджидал меня.

– Я не буду молчать, – слабым голосом произнесла я, пытаюсь противостоять ему. – Я не буду молчать, если ты еще раз ударишь меня.

Он рассмеялся мне в лицо, в его смехе не было и намека на страх, а потом очень спокойно произнес:

– Антуанетта, тебе никто не поверит. Стоит тебе раскрыть рот, моя девочка, и ты сама об этом пожалеешь. Все тебя осудят. Ты ведь будешь молчать, не так ли? Ты же молчала все эти годы.

Я ничего не ответила, и этого ему было достаточно, чтобы продолжить с торжествующими нотками в голосе:

– Выходит, ты виновата не меньше моего. Семья никогда больше не будет тебя любить. Если ты опозоришь наш дом, мать тебя выгонит. Тебя отправят в какой-нибудь приют, и ты уже никогда не увидишь свою мать. Ты отправишься к чужим людям, и они будут знать, какая ты плохая. Ты этого хочешь? Этого?

Перед моими глазами предстали злые люди, презирающие меня, и я поняла, что не смогу прожить без матери в этом чужом и холодном мире.

– Так что, если не хочешь повторения вчерашнего, просто веди себя как следует. А теперь убирайся с глаз моих. Иди к себе и сиди там, пока я не уйду. Я все сказал.

Я сделала так, как он велел.

– И не вздумай оставить свою комнату неубранной, ты слышишь меня, Антуанетта?

Его голос продолжал насмехаться надо мной, и я села на край своей кровати и долго сидела, пока его дыхание не подсказало мне, что он заснул.

Глава 21

После тех побоев наступила полная апатия: казалось, меня покинула внутренняя сила, – и я старалась по возможности избегать родителей. По субботам я работала, в другие дни навещала бабушку, чему он никак не мог воспротивиться. Но мои просьбы разрешить съездить к подругам к Портраш чаще всего встречали отказ, а прогулки на велосипеде, которые раньше меня так успокаивали, теперь были под строгим контролем. Странная атмосфера воцарилась в нашем доме, и непредсказуемый характер моего отца, который так часто проявлялся во вспышках ярости, теперь, казалось, трансформировался в нечто еще более мрачное. Все чаще я чувствовала на себе его пристальный взгляд, отчасти мне знакомый, но теперь в нем угадывалось иное выражение, вселявшее в меня страх.

Однажды летом, во время школьных каникул, мама собиралась утром на работу. Я знала, что отец уже вернулся с ночной смены и лег спать. Из своей комнаты, которую от родительской спальни отделяла лишь лестничная площадка, я слышала, как он зашел в туалет, помочился, не закрывая дверь, потом шумно протопал в постель. Когда внизу хлопнула дверь, возвестив об уходе матери, я тихонько спустилась по лестнице. Стараясь не шуметь, я зажгла плиту, чтобы вскипятить воду для утренней ванны и чая, потом включила гриль, чтобы поджарить себе тост. И тут сверху зарычал его голос:

– Антуанетта, поднимись ко мне.

Меня охватила паника, когда я безмолвно встала в дверях.

– Приготовь мне чай и принеси.

Я развернулась, чтобы уйти.

– Я еще не закончил, детка.

К горлу подступил ком, и стало трудно дышать, когда я встретила его насмешливый взгляд. Он улыбался, но без намека на юмор.

– Можешь принести мне и тост.

Словно робот, я приготовила для него чай с тостом и понесла поднос наверх. Отодвинув переполненную пепельницу и пачку сигарет, я поставила поднос на ночной столик и мысленно помолилась, чтобы он отстал от меня, хотя и знала, что этого не будет.

Краем глаза я увидела его бледную веснушчатую грудь, поросшую теперь уже седыми волосами, и уловила кислый запах его тела, смешанный с затхлым прокуренным воздухом спальни. Потом до меня дошло, что он

возбужден.

– Сними одежду, Антуанетта. У меня есть подарок для тебя. Снимай с себя все, только медленно.

Я посмотрела на него. Никогда прежде он не просил об этом. Его смеющиеся глаза издевались надо мной.

– Антуанетта, я к тебе обращаюсь, раздевайся, – повторил он, шумно прихлебывая чай.

И вдруг он соскочил с кровати, в одной пижамной куртке, и под складкой дряблого живота я заметила его эрекцию. Видя, что я не выполняю его просьбу, он улыбнулся, подошел ко мне вплотную и хлестко ударил меня по ягодицам.

– Поторопись, – процедил он.

В ловушке его пристального взгляда я была, словно кролик, пойманный вспышкой яркого света. Стоя нагишом, я испытывала непреодолимое желание бежать, но не было ни силы воли, ни места, куда бежать, а он тем временем схватил свою куртку и достал из кармана маленький пакетик, ничем не отличавшийся от тех, что я уже видела. Он раскрыл его, достал какой-то предмет, похожий на воздушный шарик, и натянул его на свой набухший член. Потом взял меня за руку и заставил мои негнущиеся пальцы двигать презерватив взад-вперед, пока тот не сел на место.

Внезапно он отпустил мою руку, крепко схватил за плечи и толкнул меня на кровать с такой силой, что подпрыгнул матрас и заскрипели старые пружины. Он раздвинул мои ноги, высоко поднял их и вошел в меня так грубо, что едва не порвал мое тело, и без того пронзенное дикой болью. Мышцы моей промежности растягивались, по мере того как он снова и снова погружался в меня. Его заскорузлые руки хватили мои груди, которые в последнее время стали очень чувствительными, крутили соски со злостью, подпитывающей его возбуждение, слюнявый рот блуждал по моему лицу и шее. Я чувствовала, как небритый подбородок царапает мою кожу. Я закусил губу, чтобы не кричать и не доставлять ему полного удовлетворения. Мое тело сотрясалось под его резкими толчками, я сжала кулаки и крепко зажмурилась, чтобы не расплакаться. Он содрогнулся и, замычав от удовольствия, скатился с меня.

Я быстро села. Нагнувшись, чтобы взять с пола одежду, я увидела его сморщенный пенис; с его кончика свисал маленький серо-белый резиновый шарик. Резкой волной подступила тошнота, и я бросилась в туалет, извергнув в унитаз горячую рвоту, которая обожгла мое горло. Почувствовав, что внутри ничего не осталось, я, не дожидаясь, пока

закипит кастрюля, налила в ванну холодной воды.

Взглянув на себя в зеркало, я увидела бледное лицо, мокрые от слез глаза и красные пятна на подбородке и шее. Я долго мылась, но его запах, казалось, насквозь пропитал мою кожу, и я решила, что он останется вечным пятном на моем теле.

Счастливый храп доносился из родительской спальни, когда я спускалась по лестнице. Это означало, что у меня будет возможность смыться из дома.

Открыв дверь и глотнув свежего воздуха, я выпустила Джуди. Сев на траву, я обняла ее за шею, прижалась щекой к ее голове и дала волю слезам. Джуди, чувствуя мое отчаяние, облизывала мне лицо теплым языком, выказывая свою любовь. Это было так не похоже на слюнявые поцелуи отца.

– Когда же это кончится? – безнадежно спрашивала я себя.

Чувствуя, что мне невыносимо находиться рядом с ним, я села на велосипед, свою первую крупную покупку на самостоятельно заработанные деньги, которая еще совсем недавно наполняла меня гордостью, и равнодушно покатила по улице. Я бесцельно крутила педали, пока улицы с домами не сменились полями. Дважды мне пришлось останавливаться, оставляя велосипед у обочины, когда тошнотворный ком подступал к горлу, и я заставляла себя вновь и вновь извергать рвотную массу, пока слезы не выступали на глазах.

Остаток дня я просидела в поле, опустошенная и разбитая, а потом нехотя поехала обратно, чтобы к приходу матери управиться с домашними делами.

Глава 22

Я была уверена, что заболела. Тошнота подкатывала каждое утро, как только я просыпалась. Встав с постели, я первым делом бежала в туалет, и меня рвало до полного обезвоживания. За ночь мои волосы становились мокрыми от пота. Капли влаги выступали на лбу и над верхней губой, а тело дрожало в ознобе. Во мне зарождался страх, предчувствие неминуемой смерти, потому что с каждым днем мое тело становилось тяжелее и одновременно слабее. Было больно дотронуться до груди, желудок отвергал всякую пищу и при этом раздувался, как будто от голода. Пояс новых брюк теперь впивался в меня, оставляя на коже красные полосы.

Мать неизменно начинала злиться, стоило мне просто оказаться рядом, в то время как отцовский взгляд следил за каждым моим движением. По вечерам, когда он уходил на работу, наступало тягостное молчание, пока однажды мать наконец не призналась в том, что знает о моей болезни.

– Антуанетта, – сказала она, когда я сидела, пытаюсь читать, – сходи завтра к врачу.

Я подняла на нее взгляд, надеясь увидеть в нем хотя бы обеспокоенность, но передо мной было совершенно безучастное лицо, хотя в глазах застыло странное выражение.

В конце пятидесятых достаточно было позвонить хирургу, чтобы тотчас попасть к нему на прием. Мой ранний звонок обернулся тем, что уже в одиннадцать утра я сидела в нервном ожидании у дверей его кабинета. Медсестра, которая дружелюбно улыбалась мне при встрече, уже через полчаса, когда я покидала кабинет, провожала меня презрительным взглядом.

Дежурный врач оказался вовсе не тем пожилым мужчиной, которого я встречала раньше, а молодым красавцем блондином с ярко-голубыми глазами. Представившись коллегой нашего семейного доктора, он пригласил меня присесть. Нас разделял темный деревянный стол, совершенно пустой, если не считать моей тонкой медицинской карты, которую он раскрыл и быстро пробежал по ней глазами.

– Что привело тебя сегодня к врачу, Антуанетта? – спросил он с профессионально доброй улыбкой.

Улыбка медленно сошла с его лица, когда я рассказала о своих симптомах. Он расспросил меня о цикле, уточнил, когда была последняя

менструация, и я попыталась вспомнить, когда просила у матери прокладки. Я была слишком больна и не сознавала, что прошло уже целых три месяца, хотя и не считала это столь важным обстоятельством.

– Ты не думаешь, что можешь быть беременной? – был его следующий вопрос.

– Нет, – ответила я без колебаний.

Жизнь научила меня разбираться в тонкостях поведения взрослых, и я почувствовала, как в его профессионально-радушных манерах проскользнула некоторая враждебность, стоило мне из пациента-подростка превратиться в потенциальную проблему.

Он пригласил меня пройти за ширму, раздеться ниже пояса и накрыться простыней. Как только я была готова, он позвал медсестру.

Я лежала, устремив взгляд в потолок, раздвинув согнутые в коленях ноги, пока он прощупывал мои внутренности рукой в латексной перчатке. Через несколько минут он попросил меня одеться. Сдернув перчатку, он бросил ее в мусорную корзину. Я заметила, как они с медсестрой обменялись взглядами, прежде чем он молча отпустил ее.

Он снова пригласил меня к столу, но теперь на его лице застыло суровое выражение.

– Ты имеешь представление о половой жизни? – холодно спросил он.

С ужасом осознавая то, что он собирается сказать, но все равно не в силах смириться с этим, я ответила:

– Да.

– У тебя три месяца беременности, – расслышала я сквозь глухой туман своего отчаяния.

– Это невозможно, я никогда не спала с мальчиками, – выпалила я, отрицая хорошо известную мне правду.

– Но с одним-то точно спала, – возразил он, раздражаясь от моей очевидной лжи.

Я уставилась на него, надеясь найти помощь, но увидела лишь осуждение в его глазах.

– Только со своим отцом, – наконец ответила я.

Мертвая тишина повисла в комнате, стоило мне впервые произнести вслух слова, составлявшие главную тайну моей жизни.

– Он изнасиловал тебя? – спросил он, и в его голосе прозвучала нотка сочувствия.

Даже столь слабое проявление доброты вызвало у меня слезы. Я пробормотала:

– Да.

– А твоя мать знает?

Слезы уже лились ручьями, но мне удалось покачать головой и вымолвить:

– Нет.

– Ты должна попросить ее позвонить мне, – сказал он, протягивая мне через стол бумажные салфетки. – Мне необходимо с ней поговорить.

Меня колотила дрожь, когда я на ватных ногах выходила из кабинета хирурга. Оказавшись на улице, я оцепенела от ужаса. Куда идти? Только не домой. Да разве я могла пойти домой? Ведь там был он. В затуманенном страхом сознании всплыло лицо Изабель, моей учительницы, которая приютила меня после побоев. В начале летних каникул она взяла отпуск, потому что выходила замуж, но я знала, что она уже вернулась из свадебного путешествия. Однажды она уже помогла мне и конечно же не оставит в беде и на этот раз, подумала я.

Я быстро поехала на велосипеде к ближайшей телефонной будке, где в справочнике отыскивала имя и адрес ее мужа. Решив не тратить время на звонок, моля лишь о том, чтобы она оказалась дома, я поспешила по адресу.

Оказавшись в новом жилом квартале, которые в последние годы разрослись, как грибы после дождя, на окраинах нашего городка, я быстро нашла ее дом. Это было внушительное строение в псевдогеоргианском стиле. Я слезла с велосипеда и прислонила его к стене дома.

– Она поможет мне, – уговаривала я себя. – Она позволит мне остаться у нее. Она не прогонит меня.

Я повторяла эти слова, как мантру, пока шла по свежей плитке дорожки, по обе стороны которой чернела земля с пробивающейся газонной травой.

Изабель открыла мне дверь с удивленным, но нельзя сказать чтобы неприветливым взглядом, и я почувствовала, как по моим щекам потекли слезы, неизменно вызываемые любым проявлением доброты. Она быстро провела меня в дом и усадила на оранжевый диван в пахнущей свежей краской коричнево-кремовой гостиной.

– Антуанетта, что случилось? – нежно спросила она, протягивая мне чистый, белый носовой платок.

Я доверяла ей, поэтому выложила все, что узнала от доктора. Я объяснила, почему была так напугана, рассказала, как плохо себя чувствую. То же молчание, что и в кабинете хирурга, теперь повисло в ее гостиной, и на лице учительницы я увидела обеспокоенный взгляд, сменившийся страхом.

– Антуанетта, – сказала она, – оставайся здесь. Мой муж пришел на

ланч, он сейчас на кухне. Дай мне несколько минут, хорошо?

С этими словами она вышла из комнаты, и лишь тиканье часов на полке облицованного камнем камина нарушало тишину, пока я сидела в ожидании ее возвращения.

Но она не вернулась, а вместо нее в комнату вошел ее муж. По его мрачному лицу я поняла, что искать в этом доме пристанища бессмысленно.

– Это правда, что мне сейчас рассказала жена? – были его первые слова.

Остатки уверенности покинули меня, и я смогла лишь жалобно кивнуть головой и прошептать:

– Да.

Не обращая внимания на мое смущение, он продолжил:

– Моя жена очень расстроена. Но дело в том, что она беременна, и я не могу подвергать ее стрессам. Не знаю, о чем ты думала, когда шла сюда, но ты должна вернуться домой и поговорить со своей матерью.

Он направился к двери, жестом приглашая меня проследовать за ним. Я покорно выполнила его команду, а у порога еще раз взглянула ему в лицо, надеясь увидеть хотя бы проблески участия. Но их не было.

– Моя жена больше не желает видеть тебя здесь, – были его последние слова, прежде чем он закрыл дверь, словно вынося мне приговор.

К такой реакции окружающих мне вскоре пришлось привыкнуть, хотя я так и не поняла, в чем была причина.

В ушах настойчиво зазвучало эхо отцовского предупреждения: «Все тебя осудят. Твоя мама перестанет тебя любить, если ты все расскажешь». Я села на велосипед и поехала домой. Отец был в постели, но не спал.

– Антуанетта, – позвал он, как только я переступила порог, – поднимись ко мне.

Под тяжестью дурного предчувствия я поднялась по лестнице.

– Что сказал доктор? – спросил он, и по его взгляду я поняла, что он уже знает ответ.

– Я беременна, – бесстрашно ответила я.

Впервые его лицо не выразило никаких эмоций, он просто приподнял край одеяла, приглашая меня в постель.

– Я помогу тебе избавиться от этого, Антуанетта. Иди сюда сейчас же.

Но на этот раз я не сделала ни шага и покачала головой. Привычный страх рассеялся, и во мне поднялась слепая ярость.

– Почему же ты раньше не избавил меня от этого, когда совал в меня свой член? У меня три месяца беременности. Сколько раз за это время ты

заставлял меня ложиться с тобой в постель?

Я испытала мимолетное удовлетворение, когда увидела, что страх, покинувший меня, теперь перекочевал к нему.

– Ты сказала доктору, что это я? – был его следующий вопрос.

– Нет, – солгала я под гнетом вернувшегося страха.

– Помни о том, что я тебе говорил, моя девочка, все будут обвинять тебя, если ты начнешь болтать. Тебя заберут от нас и запрут в приюте. И твоя мать тебе не поможет. Все тебя осудят.

Я уже видела по лицам трех человек, что его предсказание верно.

– Я скажу маме, что ты призналась мне в том, что ездила в Портраш, познакомилась там с какими-то мальчишками-англичанами и занималась с ними этим. Слышишь меня, Антуанетта? Ну, что ты собираешься рассказывать матери?

Силы покинули меня, и я произнесла то, что он хотел услышать:

– Я скажу ей, что встречалась с английским мальчиком, а теперь он уехал.

Он велел мне идти в свою комнату и ждать, пока он сам поговорит с матерью. Я покорно поплелась к себе.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем стук входной двери возвестил о приходе матери. Из своей спальни я слышала бормотание их голосов, хотя слов разобрать не могла, а потом хлопнула дверь. Я догадалась, что отец ушел на работу. Но я все сидела на кровати, прижимая руки к своему набухшему животу, надеясь только на то, что взрослые помогут решить мою проблему, хотя совершенно не представляла себе, насколько это возможно.

Я знала, что не следует покидать свою комнату, пока не позовут. От голода сосало под ложечкой. Меня тошнило, но я все равно хотела дожидаться, пока мама будет готова поговорить со мной.

Я расслышала свисток чайника. Ее голос окликнул меня. Дрожа от страха, я послушно спустилась на кухню. Она налила нам обеим чаю. Я с благодарностью схватила свою чашку, поднесла к губам и отхлебнула. Горячая чашка хотя бы согревала мои дрожащие руки, а сладкий чай успокаивал нервы. Я чувствовала на себе ее прожигающий насквозь взгляд, но упорно не смотрела на нее. Вместо этого я сидела, уставившись в чашку, ожидая, пока мать заговорит, что наконец и произошло.

– Кто отец? – спросила она холодным, безучастным голосом.

Я подняла глаза и, понимая, что моя ложь бессмысленна, все равно попыталась солгать. Но она даже не дала мне закончить.

– Антуанетта, – строго произнесла она, – скажи мне правду. Скажи, и я

не буду сердиться.

Я встретила ее взгляд, в котором застыло выражение, по-прежнему мне не понятное.

– Папа.

Это все, что я смогла из себя выдавить. На что она ответила:

– Я знаю.

Она продолжала смотреть на меня в упор своими огромными зелеными глазами, и я знала, что ее воля, куда более сильная, чем моя, вытянет из меня по крупицам всю правду. Она спросила, когда это началось, и я ответила, что еще в доме с соломенной крышей. Я рассказала ей про поездки, но ее лицо по-прежнему ничего не выражало.

– Все эти годы... – лишь вымолвила она.

Она не стала спрашивать, почему я скрывала это, почему вместе с отцом решила лгать ей. Спустя месяцы я вспомнила об этом и смогла сформулировать почему.

– Доктор знает? – спросила она.

– Да, – ответила я и сказала, что он хочет встретиться с ней.

В тот момент я даже не догадывалась о том, что ложь, которой я ответила на ее последний вопрос, потом едва не погубит меня. Она спросила, рассказала ли я еще кому-нибудь, и я, подавив в себе болезненные воспоминания о визите к Изабель, ответила:

– Нет.

Я заметила, что она испытала некоторое облегчение и, поднявшись, подошла к телефону. Коротко переговорив, она повернулась ко мне:

– Я договорилась о встрече с доктором, как только он закончит операцию. Ты оставайся здесь.

С этими словами она накинула пальто и ушла.

Словно в трансе, я просидела на стуле, казалось, целую вечность, изредка подбрасывая уголь в огонь или почесывая голову Джуди. Она, чувствуя мое безграничное отчаяние, не отходила от меня ни на шаг, пока я ждала возвращения матери и вердикта о своей дальнейшей судьбе.

Звук открывшейся входной двери вывел меня из оцепенения, и я, ожидавшая маму, увидела, что вернулась она не одна. Вместе с ней был доктор. В течение следующего часа они были для меня и судьями, и жюри присяжных, а приговором мне стало молчание. Договорились, что отца на время положат в госпиталь, чтобы он оправился от «потрясения», а для меня организуют легальный аборт, после чего, по рекомендации врача, поместят в интернат для трудных подростков. Там мне предстояло жить до окончания средней школы, после чего мне должны были подыскать

подходящую работу. И речи не могло быть о том, чтобы мы с отцом оставались под одной крышей. Тем временем, пока будут улаживать все формальности с абортom, наша жизнь должна была идти своим чередом. Все это мне изложила мама при молчаливой поддержке доктора, который сказал, что это единственный выход. Совершенно измученная и опустошенная, я слушала их планы, которые означали конец той единственной жизни, которую я знала.

Потом доктор обратился непосредственно ко мне:

– Я помогаю тебе только из-за твоей матери, поскольку она невинная жертва всей этой ситуации. Сегодня утром ты мне солгала. Ты дала понять, что это случилось лишь один раз. – Он выдержал паузу и посмотрел на меня с холодным презрением. – А выходит, что ты сама поощряла это своим молчанием, и не говори мне, что ты не виновата.

На этом он распрощался, оставив нас с матерью вдвоем. Я ждала от нее каких-то слов поддержки и понимания, но тщетно, и, не в силах больше выдерживать это ледяное молчание, я пошла спать, так и не поужинав.

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Теперь меня допрашивали на два дома, и я молча выслушивала обвинения в том, что я трудный подросток и в четырнадцать лет умудрилась забеременеть неизвестно от кого.

Затем наступил черед мини-слушаний, на которых медики с суровыми лицами допрашивали меня с целью определить как судьбу моего не рожденного ребенка, так и мою собственную. На основании вывода о моей психической неустойчивости было принято решение провести аборт в госпитале соседнего городка, в попытке сохранить дело в тайне. В Северной Ирландии конца пятидесятых аборты были запрещены; медсестры и врачи, видевшие свое предназначение в том, чтобы спасать людей, были категорически против того, чтобы прерывать чью-то жизнь даже по решению суда. И очень скоро я об этом узнала.

Родители, сплоченные общей бедой, игнорировали меня всю неделю, пока я ждала дня «операции», как теперь называла это мама. В день, когда мое тело надлежало очистить от доказательств отцовской вины, мама отправилась на работу, а я, зажав в руке маленький саквояж с ночными принадлежностями, поехала на автобусе в госпиталь.

Хмурая медсестра проводила меня в боковую палату с койкой и шкафчиком. Я без слов поняла, почему меня определили именно сюда. Палата находилась в родильном отделении, и в госпитале хотели сохранить в тайне операцию, которую предстояло сделать мне. На следующий день, в восемь утра, медсестра подошла к моей кровати.

– Я должна тебя подготовить, – сказала она и поставила на пол таз с водой, а рядом положила безопасную бритву. – Раздевайся ниже пояса.

Началась унижительная для меня процедура. Она наспех побрила мой лобок, грубо орудуя бритвой, оставлявшей порезы на моей нежной коже. За все то время, что медсестра провела в палате, я больше не услышала от нее ни слова. Закончив, она молча подняла таз с бритвой и вышла.

В свой следующий приход она поспешно сделала мне укол в ягодицы, оставив меня дремать и думать. Мне так хотелось, чтобы рядом была мама, чтобы рядом был кто-то, кто сказал бы, что со мной все будет в порядке. Я хотела знать, что за операция мне предстоит, потому что никто ничего мне не рассказывал. Но больше всего мне хотелось, чтобы кто-нибудь держал мою руку. Мне было так страшно. И тут, к счастью, я заснула.

В полузабытьи я ощутила прикосновение чьих-то рук, услышала голос, который произнес: «Давай, Антуанетта, теперь переключайся на каталку», и почувствовала, как перекатываюсь. Сверху на меня легла простыня, и каталка тронулась с места. Потом она остановилась, и яркий свет просочился сквозь мои опущенные веки. Что-то опустилось мне на нос, и голос попросил меня считать в обратном порядке, но я помнила, что, проваливаясь в небытие, я успела позвать маму.

Тошнота, какой я никогда не испытывала, прервала мой сон. Открыв глаза, я увидела металлический таз на тумбочке возле кровати. Я кинулась к нему, чтобы извергнуть рвоту, и неуправляемые слезы покатались по моим щекам. Какое-то время я не могла понять, где нахожусь. Потом вспомнила и посмотрела вниз, на промежность, где обнаружила гигиеническую салфетку. Совсем несведущая в половой жизни, я, тем не менее, знала, что ребенка уже нет.

Я снова провалилась в сон, пока не пришла санитарка с чаем и сэндвичами. Когда она ставила поднос на столик, я заметила, что таз заменили чистым, и задалась вопросом, сколько же я спала.

– Твой чай, Антуанетта, – сказала санитарка, что было совсем ни к чему, поскольку она тотчас развернулась, чтобы выйти. Обернувшись в дверях, она посмотрела на меня с открытой неприязнью: – О, тебе это, наверное, интересно: ребенок... это был мальчик.

Потом она ушла, оставив меня с мыслями о ребенке. Аппетита у меня не было, и я лежала, оплакивая своего мертвого мальчика, пока не вернулся сон, увлекший меня в пучину сумбура, и мне снова снилось, что я падаю.

Наступило утро, и с первыми лучами солнца в палату явилась дежурная санитарка с подносом, на котором были чай, тосты и вареное яйцо. На этот раз, чувствуя непреодолимый голод, я с жадностью

накинулась на еду и не оставила ни крошки. Вскоре после завтрака зашла медсестра отделения. Глядя на мою пустую тарелку, она недовольно фыркнула: «Вижу, с аппетитом у тебя все в порядке» – и высокомерно сообщила, что после врачебного обхода я могу идти домой.

– Тебя кто-нибудь заберет?

Это был единственный вопрос, который она мне задала, а единственным ответом на мое «нет» была ее ехидная улыбка.

Чувствуя себя грязной и липкой, я спросила, где можно принять ванну и вымыть голову.

– Нянечка принесет тебе воды умыться. А ванну примешь дома. Волосы подождут – все это баловство. – Она сделала паузу, глядя на меня все с тем же выражением неприязни. – Если бы не твое баловство, тебя, возможно, здесь не было бы.

И с этим покинула палату.

У меня болел живот, но я уже решила больше ничего не просить. Вместо этого я кое-как умылась водой из маленькой миски, что мне принесли, оделась и стала ждать прихода врача, который делал мне операцию.

Когда врач в сопровождении медсестры вошел в палату, он едва взглянул на меня и даже не спросил, как я себя чувствую. Он просто сообщил, что я могу идти. Подхватив свой саквояж, я вышла из госпиталя и направилась к автобусной остановке.

Глава 23

Что-то разбудило меня, но за окном моей спальни была лишь темнота, в комнате – тишина, и я никак не могла понять, что же меня беспокоит. Сознание отчаянно пыталось проснуться, призывая к этому и мое тело. И тут я почувствовала это: липкое тепло между ног. Я сунула руку в пижамные брюки, и она стала теплой и влажной. Во мне поднялась паника, и я, соскочив с кровати на линолеум пола, шатаясь, двинулась к выключателю.

Желтое сияние тусклой электрической лампочки осветило мою постель. Лужица темно-красной крови растеклась по простыне. Ничего не понимая, я посмотрела на свои пижамные брюки и увидела, что они тоже в крови. Как и мои пальцы, только что коснувшиеся тела. Я почувствовала, как кровь струится по ногам, и закричала, призывая на помощь маму.

Она тут же прибежала, одним взглядом оценила обстановку и велела мне лечь в постель. Потом появился отец, полусонный, в мятой пижаме.

– В чем дело? Что за шум? – пробормотал он.

С отвращением мать показала на меня.

– Нужно вызвать «скорую», – сказал он ей, и я различила нотки страха в его голосе.

– Я позвоню доктору, – ответила она. – Он скажет, что делать.

Я смутно слышала, как мать спускается по лестнице, а потом говорит с кем-то по телефону. Вскоре сквозь пелену густого тумана прорвался голос доктора. Открыв глаза, я увидела его неясные очертания. Как будто во сне звучал их шепот, проникая в мои уши, заполняя сознание.

– Дело плохо, – произнес голос доктора. – Ее нужно отправить в госпиталь. Тебе, Рут, выбирать в какой. В наш, городской, или туда, где ей делали операцию?

Я почти физически ощущала повисшее тягостное молчание, и вот снова заговорила мать:

– Туда, где делали операцию.

Потом голоса удалились, и я провалилась в ватную пелену неопределенности: вроде бы и не спала, но и не бодрствовала, хотя и различала движение вокруг себя. Я слышала, как мама попросила отца уйти к себе в спальню, слышала голос доктора, который говорил с ней за дверью моей комнаты, и отчетливо понимала, что умираю.

Пронзительный вой, в котором я узнала сирену «скорой помощи»,

прорезал туман беспамятства, и в окне показались вспышки голубых огней. Чьи-то руки бережно подняли меня. Я чувствовала толчки каждой ступеньки, пока меня спускали на носилках, потом грузили в карету, и сирена снова завизжала, когда мы тронулись в путь.

Образ матери, стоящей на крыльце рядом с доктором, навечно отпечатался на сетчатке моих глаз, и это было последнее, что я успела увидеть, прежде чем за мной закрылась дверца кареты «скорой».

Госпиталь, который выбрала моя мать, находился в тринадцати милях от нашего дома. Дорога, ведущая туда, были узкой и извилистой. В конце пятидесятих в окрестностях Коулрейна еще не было шоссе.

Меня сковал холод, ледяной холод, хотя пот струился по моему телу, а кровь сочилась между ног. Черные круги плясали перед глазами, и в ушах начал звонить колокол, почти заглушая вой сирены.

Чья-то рука гладила меня по голове, потом взяла меня за руку, когда спазм сотряс мое тело и изо рта хлынула желчь.

– Она уходит! Гони, старик, – расслышала я крик.

Машина сотрясалась от усилий водителя ехать быстрее, и в руках санитары затрещала рация, передавая инструкции.

– Держись, Антуанетта, только не засыпай сейчас, – взмолился тот же голос, и наконец я ощутила толчок, когда машина резко затормозила.

Я почувствовала, как подняли носилки, расслышала торопливые шаги невидимых людей, которые их несли, потом яркий свет ослепил меня. Возникло ощущение жжения в руке, и мои глаза перестали пытаться фокусировать взгляд на фигурах в белых халатах, окруживших меня.

Когда я проснулась, то увидела рядом с собой фигуру в голубом. Мои глаза встретились с карими глазами медсестры родильного отделения. В ее взгляде уже не было враждебности, лишь сострадание, ведь теперь я была пациенткой, требующей ухода. Она нежно погладила меня по голове, подержала таз, в который меня вырвало, потом протерла мое лицо прохладной влажной салфеткой.

Рядом с кроватью болтался прозрачный пластиковый мешок, подвешенный на металлическом кронштейне; в нем была красная жидкость, и я догадалась, что это кровь. Трубка тянулась от мешочка к моей руке, где из-под пластыря торчала игла.

– Антуанетта, почему они отправили тебя сюда? – недоуменно спросила она. – Почему не в ближайший госпиталь?

Я почувствовала, что она знает причину, так же как знала ее и я. Не ответив, я закрыла глаза, и передо мной тотчас возник образ матери, наблюдающей за тем, как меня грузят в карету, отправляя, как она, должно

быть, надеялась, в мой последний путь. Не в силах смириться с горькой правдой, я наглухо запечатала эту картинку в коробку воспоминаний, которую больше никогда не открывала.

– Хватит, – беззвучно крикнула я в хосписе, пытаюсь заглушить предательский детский шепот. – Прекрати. Я не хочу открывать эту коробку воспоминаний!

– Нет, Тони, тебе придется вспомнить все, – настойчиво бормотал нежный голос, в то время как я разрывалась между двумя мирами, в одном из которых жила Антуанетта, а другой был заново создан мной.

Вопреки моему желанию, унаследованная мною игра в счастливую семью была жестоко оборвана. Коробка воспоминаний осталась открытой, и я снова увидела мать, стоящую рядом с доктором на крыльце нашего дома, пока меня на носилках грузили в карету «скорой».

Когда я проснулась в следующий раз, медсестра снова сидела у моей кровати.

– Я умру? – услышала я свой голос.

Она наклонилась ко мне, взяла мою руку и нежно сжала ее. Я увидела ее влажные глаза.

– Нет, Антуанетта, ты нас, конечно, напугала, но теперь все будет хорошо.

Потом она поправила на мне одеяло, и я провалилась в глубокий сон.

Прошли еще два дня в госпитале. Врачи приходили, говорили мне утешительные слова и снова уходили. В часы бодрствования я лежала, с надеждой глядя на дверь, ожидая свою мать, которую все еще любила, пока на меня не снизошло горькое осознание того, что она никогда не придет.

Мне напрасно приносили еду. Чувствуя себя одинокой и никому не нужной, я просто размазывала ее по тарелке, оставляя несъеденной. На третий день снова пришла медсестра и, подсев ко мне, взяла мою руку и нежно погладила:

– Антуанетта, сегодня ты можешь вернуться домой. – Она сделала паузу, и я поняла, что она хочет сказать что-то еще. – Лучше бы ты никогда не делала ту операцию, у тебя был очень большой срок. – Я расслышала злость в ее голосе, но на этот раз она была адресована не мне. – Антуанетта, ты ведь чуть не умерла. Врачам пришлось сделать невозможное, чтобы спасти тебя, но я должна сказать тебе кое-что. – Я терпеливо ждала, пока она с трудом подбирала слова, чтобы сообщить мне нечто ужасное. – О, детка, что бы ты ни сделала, ты не заслужила такого. Антуанетта, ты больше никогда не сможешь иметь детей.

Я смотрела на нее сначала непонимающе, а потом до меня вдруг дошел смысл ее слов. И вместе с ним рухнула надежда встретить человека, который полюбит меня, надежда создать семью, чтобы о ней заботиться. Я отвернулась, пытаюсь скрыть чувство полной опустошенности, охватившее меня в тот момент.

Чуть позже медсестра вернулась.

– Идем, Антуанетта, я помогу тебе принять ванну, прежде чем ты пойдешь домой, – произнесла она с наигранной радостью, которой на самом деле не испытывала.

Я почему-то была уверена, что она рассказала мне не все, но апатия приглушила мое любопытство, и я молча поплелась за ней. В ванне я помыла голову и попыталась соскрести с себя воспоминания, грязным пятном лежавшие на мне, потом нехотя вышла из воды, насухо растерлась полотенцем и натянула одежду, которая теперь болталась на моей тощей фигуре.

Мне доставили сумку, собранную, должно быть, матерью, в ней были брюки, рубашка, туалетные принадлежности и немного денег. Мне сказали, что сумку принес доктор.

Чувствуя себя окончательно брошенной, я упаковала свои скромные пожитки и на все еще слабых ногах побрела к автобусной остановке. Доехав до дома, я увидела припаркованный во дворе «ягуар», и это означало, что отец был дома. Рядом стояла чужая машина.

Я нервно дернула ручку двери. Родители ждали меня вместе с доктором. Он заговорил первым:

– Твоя подруга-учительница обратилась в социальную службу. Оттуда сообщили в полицию, так что с минуты на минуту они явятся.

На этом он откланялся, и в доме воцарилось молчание. Я чувствовала себя больной и слабой, ныло в животе, голова пульсировала от нарастающего давления. Мы все расслышали, как к дому подъехала полицейская машина, и моя мать, встав со стула, с каменным лицом двинулась к двери.

– На будущее, – сказала она, впуская полицейских, – если вам нужно побеседовать с моим мужем или дочерью, не сочтите за труд приезжать не на патрульной машине. Я ни в чем не виновата и не хочу выглядеть преступницей в глазах соседей.

Полицейский, представившийся сержантом, смерил ее непроницаемым взглядом, зачитал отцу его права, после чего попросил нас обоих проследовать за ним в сопровождении женщины-констебля в полицейский участок. Он спросил у матери, желает ли она присутствовать

на моем допросе, поскольку я несовершеннолетняя. Она отказалась. Ей сообщили, что в таком случае вместо нее на допросе будет присутствовать социальный работник.

Нас с отцом проводили к машине и увезли. Мне стало ясно, что, хотя один кошмар закончился, начался следующий. Но я еще не знала, насколько ужасен он будет.

Глава 24

Вот уже тринадцать дней я жила в хосписе. Теперь трескотня тележек с завтраком уже не возвещала о приближении передышки, поскольку у меня появилась новая трудоемкая обязанность. Мне надлежало кормить мать с ложечки. Я подвязывала ей салфетку, подносила к ее губам чашку, чтобы она могла глотнуть утреннего чая. Она сидела, сложа на коленях руки. Ее глаза, теперь тусклые, заглядывали в мои, и это символично передавало то, что мы поменялись ролями. Затем я маленькими порциями отправляла ей в рот жидкий омлет или фруктовый йогурт. После каждого глотка я аккуратно вытирала ей рот влажной салфеткой, поскольку остатки пищи стекали по подбородку.

Врачебный обход начинался сразу после завтрака. «Сколько еще?» – задавала я немой вопрос, но лица врачей оставались непроницаемыми.

После обхода я ждала визита отца. Заслышав его шаги, я вставала и уходила в комнату отдыха, где меня ждали кофе и сигареты. В тот день мне не удалось найти здесь уединения, поскольку в уголке для курящих сидела незнакомая женщина, держа на коленях нераскрытую книгу.

Она робко улыбнулась мне, потом представилась, назвавшись Джейн. В течение следующего часа мы узнали, что обе ночуем в хосписе. Для нее это были последние дни некогда счастливого брака и прощальный подарок любимому мужу. Рак костей, как сказала она, уже затронул мозг, и он едва узнавал ее. Приближение утраты прорезалось морщинами на ее лице и залегло темными кругами под глазами.

Я мысленно поплодировала ее мужеству; она еще только готовилась встретить конец привычной жизни, в то время как мне предстояло возвращение к прошлому.

Наш разговор перешел в расспросы, которые кладут начало дружбе, пусть даже и временной, как у нас. Она спросила мою фамилию, поинтересовалась, где я жила в Ирландии. Не думая, я выложила все.

– Надо же, Коулрейн – мой родной город, – воскликнула она, радуясь обнаруженной между нами связи. – Ваше лицо мне кажется знакомым. У вас не было кузины по имени Мэдди?

Воспоминания о моих многочисленных ирландских родственниках, которых я столько лет не видела, пронеслись в сознании, когда я на мгновение мысленно вернулась в Коулрейн. Пока я думала, что ответить, заметила, как по ее лицу пробежала тень узнавания и смущения. Зная, что

дружба в хосписе мимолетна и нужна лишь для того, чтобы поддержать друг друга в тяжелые дни и ночи, я не испытала никакой неловкости. Вместо этого я прямо ответила:

– Она двоюродная сестра моего отца.

Ее взгляд устремился куда-то поверх моего плеча, и, даже не слыша и не видя отца, я почувствовала его присутствие. Не имея выбора, я поспешила представить их друг другу. На его «халлоу» и вопросительный взгляд она ответила вымученной улыбкой, хотя радости от знакомства, я была в этом уверена, вовсе не испытывала.

– Да, мы с вашей дочерью вспоминали Коулрейн, мы тоже оттуда родом.

Молчание, которое последовало за ее невинной репликой, тяжело повисло в воздухе, но отцу все-таки удалось найти вежливый ответ:

– Рад знакомству. Прошу прощения, но мне нужно переговорить с дочерью.

Я почувствовала, как его пальцы вцепились в мой локоть. Он увлек меня в другой угол, подальше от Джейн, и там резко отпустил мою руку. Я посмотрела ему в лицо, в его налитые кровью глаза, и поняла, что от убитого горем старичка, каким он представал все эти дни, не осталось и следа. Я видела перед собой не мужчину, приближающегося к восьмидесятилетию, а сорокалетнего негодяя, каким он отправился в тюрьму. Прожитые годы как будто стерлись, унося с собой мою взрослую сущность, оставляя лишь маленького испуганного ребенка.

Сквозь врожденный страх я расслышала его угрожающий голос:

– Не болтай лишнего, детка. Никто тебя не просил говорить о том, что ты жила в Коулрейне. Смотри не скажи еще, в какую школу ты ходила. Слышишь меня, Антуанетта?

Шестилетняя девочка, которая жила во мне, кивнула головой и прошептала:

– Да.

Мое взрослое «я» понимало, что время обманов и ухищрений давно прошло. Родители и так жили в страхе, что их узнают, как только они выйдут за порог своей уединенной жизни. Какая ирония судьбы, подумала я, только страх смерти оказался сильнее для матери.

Я все пыталась заглушить в себе отголоски детства, заставляя себя надеть маску Тони, успешной бизнесвумен. Окотив отца презрительным взглядом, я отошла от него.

Вернувшись к матери, я увидела свежий букет цветов в вазе, гордо выставленной в изголовье ее кровати. Оживленная улыбка играла на ее

лице, как всегда бывало после отцовских визитов, и она гордо показала мне на букет:

– Посмотри, дорогая, что принес папа.

Опять начинается игра в счастливую семью, устало подумала я, но его пальцы, только что сжимавшие мою руку, словно отпечатались в сознании, пока я выступала в роли примерной дочери.

Послеобеденная рутина больше не включала в себя медленные и мучительные походы в ванную. Осуществлять эту жизненную потребность помогали трубки и пластиковый мешок. Я помогала матери лечь в постель, мыла ее, взбивала подушки. Обессиленная, она закрывала глаза и проваливалась в дрему. Я открывала книгу и пыталась забыться в чтении до приезда вечерних тележек с чаем, ужином и болеутоляющими лекарствами. Исполнив заключительный ритуал, я наконец могла сбежать в комнату отдыха.

В течение дня возле больных дежурили целые семьи, но, если не считать визитов отца, у кровати моей матери несла вахту только я одна. Ближе к вечеру в палату заходила девушка-музыкант, наигрывая мелодии, призванные успокоить и отвлечь пациенток, и моя мать всегда заказывала свою любимую. «Попроси сыграть „Воздух Лондондерри"», – была ее обычная просьба. И тогда нежно звучали струны лиры, наполняя воздух божественными звуками, которым благодарно внимали четыре пациентки и я.

На тринадцатую ночь я сидела в комнате отдыха, и слезы текли по щекам, не считаясь с моими усилиями сдержать их. Я утратила контроль над воспоминаниями, вырвавшимися из открытой коробки памяти, маркированной 1959 годом. В тот год закончился один кошмар и начался другой.

В ту ночь во мне боролись двое: испуганный ребенок и успешная женщина, которую я в себе воспитала тяжким трудом. Мой взгляд затуманился, и я испытала знакомое ощущение падения, только на этот раз я не спала. Моя грудь разрывалась от боли, а паника мешала дышать. Сгущались сумерки, и вдруг я почувствовала, как чья-то рука легла на мое плечо, и чей-то голос произнес:

– Тони, с вами все в порядке?

Я подняла голову и встретила нежный взгляд Джейн, исполненный беспокойства. Нет, подумала я, мне хочется плакать, хочется, чтобы меня обняли, утешили, чтобы ушли воспоминания.

– Все в порядке, – ответила я, смахивая слезы, и тут во мне разыграло любопытство: – Вы знаете, кто я?

Ее добрые глаза не отпускали меня, и она кивнула головой. Пожав мое плечо, она покинула меня, возвращаясь к мужу.

Воспоминания хлынули на меня злобными штормовыми волнами, и мне показалось, что я тону в них. Маска, за которой скрывался ребенок, соскочила; я больше не была уверенной в себе женщиной. За те две недели, что я провела в хосписе, Тони, удачливая бизнесвумен, постепенно растворилась. Ее место заняла Антуанетта, испуганный ребенок, послушная марионетка в руках своих родителей.

Я очень похудела и, взглянув в зеркало, увидела глаза Антуанетты в обрамлении темных кругов; в них были страх и паника, угрожавшие захлестнуть меня с головой.

Не в силах противостоять воспоминаниям, я почувствовала, как прошлое увлекает меня в свою пучину, возникло ощущение, будто я балансирую на грани помешательства, как это уже дважды бывало в моей жизни. У меня снова возникло искушение переступить эту грань, ведь за ней открывался покой. Там не было никаких обязательств, и можно было почувствовать себя эмбрионом, свернуться в клубочек и смиренно ждать, когда за тебя примут решение, ведь сознание было чистым листом, не запятнанным страхом.

Мой сон, иногда у постели матери, иногда на раскладушке в кабинете врача, постоянно прерывался кошмарами. В них я была совершенно беспомощной, поскольку не могла контролировать свои поступки. Предупреждающие колокола зазвонили в голове, стоило мне почувствовать, что мое взрослое «я» начинает сдавать позиции. Я срочно нуждалась в помощи. Я не могла позволить, чтобы это повторилось снова.

И я пошла к священнику. Он, решив, что за ним пришли, чтобы пригласить на исповедь к умирающему, приготовившись сжимать костлявые руки цепляющегося за жизнь пациента, с улыбкой пригласил меня войти. Он еще не знал, что этот день будет для него не самым удачным.

– Мне необходимо поговорить, – выдавила я из себя, и он увидел, что перед ним уже не та стоически-выдержанная женщина, с которой он встретился две недели назад.

По его обеспокоенному лицу было видно: он понимает, что ему предстоит иметь дело не просто с женщиной, теряющей мать. Действительно, в последний год я уже морально подготовилась к неизбежному финалу, тем более что моя мать прожила восемьдесят лет, для многих срок приличный. Священник, бесспорно, догадывался об этом и понимал, что потребность в беседе вызвана вовсе не скорой кончиной

близкого человека.

Именно его, человека участливого и не лишённого юмора, моя мать несколько раз вызывала к себе среди ночи, но в последний момент обнаруживала, что ей не хватает смелости доверить ему свои страхи. Да и могла ли она каяться в том, в чем до сих пор отказывалась признаться? Я уже поняла, что моя мать собиралась умирать, уверенная в собственной правоте, чувствуя себя жертвой, и любые сомнения по этому поводу всячески подавляла.

Он выжидающе смотрел на меня, пока я прикуривала дрожащую в моих руках сигарету. Взволнованно и сбивчиво я выложила ему свою историю, рассказала, что меня вновь преследуют воспоминания детства, и мне стыдно, стыдно за то, что столько лет позволяю им властвовать над собой. Если моя мать дирижировала игрой в счастливую семью, пока я была ребенком, то с возрастом я сама стала жить этим мифом.

– Почему, – спросила я, – так случилось? Почему я придумала себе прошлое, в котором были любящие родители? Почему я всю жизнь притворялась и не находила в себе смелости вырваться на свободу?

– А как вы сами думаете, почему это произошло? – спросил он и выдержал паузу, терпеливо ожидая моего ответа.

– Мне хотелось быть, как все, когда говорили о детстве, – ответила я. – Мне хотелось, чтобы все думали, будто я еду в Северную Ирландию навестить родителей в качестве полноправного члена семьи.

– А на самом деле? Вы когда-нибудь чувствовали себя частью своей семьи?

Я задумалась, в очередной раз вынужденная столкнуться с суровой правдой.

– Нет, я всегда старалась приехать в тот день, когда отец уезжал к своим. С того дня, когда они отлучили меня от дома, я никого из них не видела. Бабушка, дедушка, тети, дяди, кузены и кузины остались *его* семьей и перестали быть моей. – Я сделала паузу и призналась в том, в чем не признавалась даже себе: – Знаете, подростком я очень по ним скучала, но не позволяла себе думать об этом, никогда не признавалась в том, что одинока. Я не разрешала себе впадать в отчаяние, но, когда бабушка сказала, что они больше не желают меня видеть, я испытала сильнейший шок. – Я замолчала, вспоминая чувства, которые меня охватили в тот страшный момент предательства. – То, что я чувствовала, было гораздо глубже одиночества – я стала чужой для всех. Когда отец ходил на свадьбы родственников, куда меня не приглашали, я уже и не спрашивала почему. Я смирилась с тем, что меня не хотят знать. Я никого и никогда не упрекала в

несправедливости этого приговора. Я знала, что они сообща приняли решение и обратного хода нет, они вычеркнули из сердца меня, но не его. Меня даже не пустили на похороны бабушки. Когда-то она любила меня, а я любила ее. Меня лишили всего по его вине, не по моей, и моя мать ни разу об этом не обмолвилась. Она просто смиренно приняла это.

– А как ваши английские родственники? Ведь кто-то из них был очень близок вам.

– Годы, когда отец сидел в тюрьме, разверзлись пропастью между нами, и мне стало нелегко общаться с ними. Мне было неудобно, поскольку те немногие родственники, с которыми я встретилась, когда впервые покинула Северную Ирландию, не могли понять, почему я живу не дома, почему вынуждена работать. Думаю, они все-таки видели во мне дочь своего отца, человека, которого всегда относили к низшему сословию, ну и, разумеется, мне приходилось многое скрывать от них, и они, должно быть, находили меня чересчур замкнутой. В общем, я никак не вписывалась в их компанию. Думаю, я могла бы видаться с ними, но предпочла не делать этого.

Даже мою бабушку, с которой мы были так близки, пока я жила в Англии, отлучили от меня семейными тайнами. Ей не позволили узнать, почему я так рано ушла из школы и отказалась от планов поступить в университет, которые мы с таким энтузиазмом обсуждали когда-то. Я виделась с ней всего несколько раз, прежде чем она умерла.

Священник смотрел на меня с участием:

– Выходит, у вас не было ни родственников, ни большой семьи – никого, к кому можно было бы обратиться за помощью, только родители? – И тут он задал неожиданный вопрос: – Вы любили их?

– Я любила мать. И это чувство осталось неизменным. Я никогда не любила отца. Когда я была совсем маленькой, он жил так далеко от нас, что в памяти остался лишь редким гостем с подарками. О, он мог быть очень обаятельным, когда хотел этого, но я всегда боялась его. Даже сейчас я испытываю к нему смешанные чувства. И это меня смущает. В какой-то момент я вижу перед собой старика, который до сих пор любит свою жену, как и всегда любил. Я знаю, как заботливо он ухаживал за ней, когда она заболела, а потом вспоминаю монстра из своего далекого детства. Иногда он по-прежнему наводит на меня страх, – призналась я.

– Любовь – это привычка, от которой трудно отказаться, – мягко произнес он. – Спросите об этом любую женщину, которая продолжает жить с тираном, когда отношения уже исчерпали себя. Женщины бегут из дома и ищут защиты у органов опеки, а потом принимают обратно мужа-

негодяя. Почему? Потому что они по-прежнему любят, но не мужчину, который их оскорбляет, а того, за кого они выходили замуж. Они вновь и вновь ищут в нем черты того человека, с которым шли под венец. Узы вашей любви сформировались, когда вы были младенцем: связь дочери и матери неразрывна. Если бы ваш отец был жесток с ней, возможно, вы бы научились ненавидеть его, но этого не было, а ваша мать внушила вам, так же как и себе, что она жертва и виноваты во всем именно вы. Ваши чувства находятся в состоянии войны с логикой. Эмоционально вы несете в себе детскую вину, но умом понимаете, что ваши родители не заслуживают вас, и вы конечно же не заслуживаете таких родителей, да и ни один ребенок не заслуживает этого. Я – слуга Господа, я проповедую всепрощение, но, Тони, вы должны ясно осознавать, что совершили ваши родители, и признать в матери соучастницу совершенного, иначе вы не сможете освободиться и обрести душевный покой.

Его слова как будто сняли барьеры, которыми я окружила правду. Стоило мне заговорить, как слова полились из меня потоком. Я рассказала ему, как мать постоянно твердила мне, что я должна «ладить с отцом», что «с нее довольно», что она «вынуждена лечить нервы». И что от меня «вечно одни неприятности».

– Всякий раз, когда я снимала трубку, чтобы позвонить им, я испытывала страх, но все равно звонила почти каждую неделю, зная, что услышу привычный рефрен: «Одну минутку, дорогая, папа хочет что-то сказать», и все эти годы я отшучивалась, боясь лишиться ее любви, если скажу ей правду.

И наконец, я рассказала ему о том, о чем никогда и ни с кем не говорила: о своем отношении к Антуанетте, девочке, которой когда-то была.

– Она была бы совсем другой, если бы ей позволили развиваться нормально, поступить в университет, завести друзей. Но у нее не было никаких шансов, и каждый раз, когда в моей жизни что-то складывается не так, я виню в этом свое детство. Когда я была моложе, эта девочка правила моими эмоциями, – и я снова и снова переживала все то, что чувствовала она. Именно в такие периоды жизни я вступала в разрушительные отношения с мужчинами, мысленно произнося: «Привет, вот и я, здесь я чувствую себя как дома». Или же появлялся друг моего детства, бутылка. Всю свою жизнь я боролась с этими демонами и чаще всего побеждала, но сейчас я чувствую, что проигрываю.

Пока я говорила, пепельница наполнилась доверху, зато в голове заметно прояснилось, когда я признала реальность:

– Она никогда не любила меня. Я нужна ей сейчас, чтобы она могла умереть в мире, со своей девственной мечтой, – мечтой о красавце-муже, который ее обожает, о счастливом браке и единственном ребенке. Мне отведена лишь роль в последнем акте этой игры. Вот для чего я здесь.

– Вы хотите разрушить эту мечту?

Я мысленно представила себе крохотную фигурку моей матери, столь зависимой от меня сейчас.

– Нет, – вздохнула я. – Разве я могу?

Глава 25

Меня оставили в маленькой душной комнате полицейского участка, обстановку которой составляли лишь коричневый пластиковый стол и несколько деревянных стульев. Под ногами был потрескавшийся коричневый линолеум, а единственное оконце находилось так высоко, что выглянуть наружу было невозможно. Я знала, что отец в соседней комнате. Мой ночной кошмар приближался к логическому завершению, но вместо облегчения я испытывала настороженность. Меня мучил вопрос: каким окажется мое будущее?

Дверь открылась, и я, обернувшись, увидела ту же женщину-констебля, но на этот раз в сопровождении другой молодой женщины в гражданской одежде. Они поинтересовались, ела ли я что-нибудь. Когда я покачала головой, констебль вышла и вскоре вернулась с подносом с чаем, сэндвичами и шоколадным печеньем, который поставила передо мной и дружески улыбнулась. Женщины достали блокноты, словно давая понять, что, как бы они ни старались создать непринужденную атмосферу, все-таки это официальный допрос. Женщину в штатском представили как социального работника по имени Джин, и меня спросили, знаю ли я, почему нахожусь здесь, и известно ли мне, что то, чем мы занимались с отцом, является преступлением.

На оба вопроса я ответила шепотом:

– Да.

Женщина-полицейский вежливо объяснила мне, что моего отца сейчас допрашивают в соседней комнате и что от меня требуется только одно: говорить правду. Мне также разъяснили, что, поскольку я несовершеннолетняя, за преступление отвечает отец, и, разумеется, в тюрьму отправится он.

– Антуанетта, ты не сделала ничего плохого, но мы все-таки должны задать тебе несколько вопросов. Ты готова на них ответить? – спросила женщина-полицейский.

Я уставилась на нее. Да разве могла я произнести вслух то, что составляло тайну стольких лет моей жизни? Секрет, за который, как постоянно твердил отец, все меня осудят. Я уже успела убедиться в этом, когда, однажды выдав его, навлекла на себя злость и обвинения, как он и предсказывал.

И тут впервые заговорила социальный работник:

– Антуанетта, я хочу помочь тебе, но смогу это сделать, только выслушав твою версию событий. Я знаю, что тебе больно говорить об этом, но мы на твоей стороне. – Она протянула через стол руку и нежно коснулась моей руки. – Пожалуйста, ответь на наши вопросы.

Первый вопрос был задан женщиной-полицейским:

– Сколько лет тебе было, когда отец впервые прикоснулся к тебе?

Я чувствовала теплое пожатие руки Джин.

– Шесть, – прошептала я наконец, и слезы потоком хлынули из глаз.

Мне молча передали носовые платки. Никто из женщин не заговорил, пока я не успокоилась.

– Почему ты молчала все эти годы? Хотя бы матери ты рассказала? – были первые слова, которые произнесла Джин.

Я не знала, что сказать, коробка воспоминаний была наглухо закрыта; мои первые попытки поговорить с матерью давно и надежно хранились в тайниках моей памяти, и я лишь покачала головой. Может, моя жизнь сложилась бы по-другому, если бы я вспомнила тот эпизод и рассказала им? Разумеется, меня бы забрали от нее, и дальнейшие события, сломавшие меня, просто не произошли бы. А может, все дело было в той любви к ней, которая определяла всю мою жизнь? Даже сейчас я не могу ответить на этот вопрос.

Они осторожно вытянули из меня подробности наших воскресных поездок, узнали и о том, как отец предупреждал меня о молчании, угрожая тем, что все меня осудят и мать перестанет меня любить. Когда я рассказала об этом, то заметила, как женщины обменялись многозначительными взглядами. Они знали, что эти угрозы – не пустые слова. Они лучше меня понимали, что предсказания отца, в еще более страшной форме, станут для меня реальностью и мне придется навсегда распрощаться с детством.

Постепенно, тактично задавая вопросы, на которые я честно отвечала, они узнали всю мою историю. Но никакой дополнительной информации я не выдала. Прошло много лет, прежде чем я нашла в себе силы свободно говорить о своем детстве, не испытывая стыда и чувства вины. Они спросили меня, не боялась ли я забеременеть. Я ответила, что считала это невозможным – забеременеть от родного отца.

Стрелки часов стремительно бежали вперед, отмеряя время нашей беседы. Усталость и безнадежность все больше овладевали мной, пока я размышляла о том, что будет со мной дальше.

– Какие у тебя планы на будущее? – спросила социальный работник. – Ты сможешь продолжить учебу в школе?

Сначала я безучастно смотрела на нее, а потом до меня дошел смысл ее слов. Я же была платной ученицей, а отца ожидала тюрьма, и это означало, что без его заработка мы не сможем оплачивать учебу в школе. Я вдруг отчетливо осознала, что натворила, какой вред нанесла себе и своей семье: родительский дом был куплен в кредит, мать не умела водить машину и за школу некому было платить. Мысли о приюте, куда родители хотели спрятать меня, тотчас испарились, и их место заняла паника от сознания собственной вины. Я поняла, что разрушила жизнь матери.

Заметив, что моя апатия сменилась тревогой, вызванной мыслями о ближайшем будущем, Джин попыталась подбодрить меня:

– Антуанетта, ты ни в чем не виновата. Я не сомневаюсь в том, что твоя мать догадывалась о происходящем.

Но поверить в это было слишком для меня. Разве я могла смириться с мыслью о таком предательстве со стороны единственного человека, которого беззаветно любила? С отчаянием в голосе я принялась разубеждать их, так же как разубеждала себя все эти годы, и снова женщины обменялись взглядами, в которых сквозили и жалость, и недоумение.

– Антуанетта, – сказала женщина-полицейский, и в ее глазах смешались сострадание и твердая решимость выполнить свою работу, – тебе предстоит выступить свидетелем на процессе по делу твоего отца. Ты понимаешь, что это означает?

Прежде чем ее слова осели в моем сознании, она нагнала на меня еще больше страха, сообщив, что до суда его выпустят под залог и мы вместе вернемся домой. После этого она вышла из комнаты, оставив меня наедине с социальным работником. Я молчала, переваривая полученную информацию, пока меня не охватил жуткий страх.

– Я не могу идти домой, – запинаясь, вымолвила я, – пожалуйста.

Я уловила жалость в голосе Джин, когда она ответила:

– Пока полиция не подтвердит, что тебе что-то угрожает, я ничего не могу сделать.

Прошли долгие минуты, прежде чем дверь открылась и вошла женщина-полицейский в сопровождении сержанта. С серьезными лицами они сели напротив меня.

– Твой отец признал свою вину, – бесстрастно произнес сержант. – Это облегчит тебе судебный процесс. Слушание будет закрытым, поскольку ты несовершеннолетняя. Ты понимаешь, что это значит?

Я покачала головой, пытаясь прошептать «нет».

– Это значит, что на заседание не будут допущены ни пресса, ни

публика, за исключением тех, кто имеет отношение к делу. Дата судебного заседания еще не определена, но в любом случае оно состоится не раньше чем через несколько недель. А сейчас мы отвезем вас обоих домой.

Я расплакалась. Мой организм, ослабленный кровопотерей и экстренной операцией, казалось, утратил всякую способность к сопротивлению.

– Пожалуйста, не отправляйте меня назад, – вырвалось у меня вместе с рыданиями, стоило мне вспомнить порку из-за неубранного в шкаф сарафана.

Если отец так жестоко расправился со мной за незначительную провинность, какое же наказание ждет меня за это? В ужасе я ухватилась за край стола, словно пытаюсь оттянуть момент возвращения домой.

Первой заговорила женщина-полицейский:

– Нам некуда поместить тебя, Антуанетта, ты слишком мала, но родители больше не обидят тебя. Мы с сержантом и Джин поедem с тобой и поговорим с твоей матерью.

Сержант тоже попытался приободрить меня: – С твоим отцом уже провели беседу; он знает, что его ждет, в случае если он прикоснется к тебе.

Их слова были слабым утешением для меня, потому что я помнила ярость матери, презрение доктора и жестокость отца. Я знала, что меня ждет возвращение в дом, где меня не ждут, к матери, которая меня больше не любит, к отцу, который обвинит меня во всех бедах, что постигли нашу семью.

Мы поехали обратно в двух машинах без полицейской символики, как и просила мать. В окнах нашего дома горел свет. Моя мать встретила нас без улыбки и милостиво разрешила мне исчезнуть в своей комнате, откуда я слышала бормотание их голосов, но слов разобрать не могла. От голода урчало в животе, ведь, кроме сэндвичей в полиции, я ничего не ела со времени завтрака в госпитале. Мне было интересно, помнит ли об этом мать, но, когда дверь за полицейскими захлопнулась, к моей комнате никто так и не подошел. Мне ничего не оставалось, как провалиться в беспокойный сон, наполненный страхами.

Проснулась я в пустом доме.

Глава 26

День, которого я с ужасом ждала, наступил. Отец должен был предстать перед судом по обвинению в изнасилованиях собственной дочери.

Моя мать, которая по-прежнему настаивала на роли жертвы в этом треугольнике, отказалась сопровождать меня на заседание суда. Вместо этого она, как обычно, отправилась на работу. Сержант, чувствуя, что мне необходима женская опора, сказал, что приведет свою жену, чтобы она присматривала за мной. Страшно волнуясь, я стояла у окна и ждала, когда они приедут.

Отец уже ушел в суд, оставив машину во дворе, и это лишь подтверждало слова его адвоката, который сказал мне, что отец уже не вернется домой и знает об этом. Что ж, по крайней мере, в то утро я была избавлена от его присутствия.

Я собралась в суд сразу, как только проснулась, за несколько часов до выхода. Надела серую юбку, блузку и школьный пиджак. Я не знала, имею ли право носить его теперь, но выбора у меня не было, поскольку не было и другого пиджака.

Нужно было вывести Джуди на утреннюю прогулку. Мой почти не тронутый завтрак давно остыл, когда звук подъехавшей машины возвестил о приезде сержанта. Одетый в свою будничную одежду – твидовый пиджак и серые брюки, он открыл передо мной дверцу машины и познакомил со своей женой, невысокой толстушкой, которая адресовала мне натянутую улыбку. Разговор в машине не клеился. Во время недолгой поездки до здания суда у меня перед глазами стоял холодный взгляд матери, с которым я теперь постоянно сталкивалась. Казалось бы, моя мечта о доме, где будем жить только мы вдвоем, была близка к осуществлению, но я уже давно поняла, что это не принесет счастья.

Наконец показалось суровое серое здание суда. Мои ноги вдруг стали ватными, когда я ступила в его огромный вестибюль. Адвокаты, барристеры и обвиняемые группками сидели на стульях, в которых не было ни эстетики, ни комфорта. Я устроилась между сержантом и его женой и задалась вопросом, где же отец, при этом радуясь тому, что не вижу его. Я ждала, когда меня вызовут, чтобы дать показания.

В то утро из зеркала на меня смотрело измученное, бледное, повзрослевшее лицо, в обрамлении аккуратной стрижки под пажа. Никакой

макияж не мог замаскировать моей бледности и темных кругов под глазами, в которых не было ни оптимизма юности, ни подросткового восторга. Это было лицо девочки, в которой надежда и вера если не умерли, то, по крайней мере, в тот день отсутствовали.

Мне принесли чай, а потом дверь зала судебных заседаний открылась, и вышел одетый в черный костюм секретарь суда, которого я сразу узнала. Он быстрым шагом направился ко мне и сообщил, что мой отец уже дал показания и признал себя виновным, так что я буду избавлена от перекрестного допроса. Тем не менее у судьи был ряд вопросов ко мне, и секретарь провел меня в зал.

Мне дали Библию, чтобы я принесла клятву: «Говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды». Показали, где встать, и я оказалась лицом к лицу с судьей в парике, который с теплой улыбкой предложил мне присесть, что я и сделала с благодарностью. У меня пересохло во рту, и судья распорядился, чтобы мне принесли воды. Я пила воду маленькими глотками, смачивая сухое горло.

– Антуанетта, – начал он, – я хочу задать тебе несколько вопросов, а потом ты можешь быть свободна. Просто ответь, как сможешь. И помни, что тебя здесь никто не судит. Ты готова?

Зачарованная его белым париком и алой мантией, я прошептала:

– Да.

– Ты когда-нибудь рассказывала об этом матери?

Я ответила отрицательно.

Его следующий вопрос оказался неожиданным для меня, и я почувствовала в зале оживление, которого раньше не было.

– Ты имеешь представление о половой жизни? Ты знаешь, как беременеют женщины? – спросил он.

Я снова прошептала:

– Да.

– Тогда ты должна была бояться забеременеть?

Я посмотрела ему в лицо и вдруг догадалась, что ответ на этот вопрос очень важен.

– Он всегда чем-то пользовался, – произнесла я и расслышала вздох облегчения со стороны адвоката отца.

– Чем он пользовался? – был последний вопрос судьи.

– Это выглядело как воздушный шарик, – ответила я, поскольку с мальчиками не общалась и слово «презерватив» мне было не известно.

В тот момент я не знала, что мой ответ лишь подтвердил преднамеренность действий отца. Эти несколько слов обеспечили моему

отцу тюремное заключение, а не содержание в клинике для душевнобольных, как на то надеялся его адвокат. Судья разрешил мне уйти, и я, избегая отцовского взгляда, покинула зал заседаний и вернулась на свое место в холле, где мне предстояло ждать вынесения приговора.

Я все смотрела на двери зала суда, и мне казалось, что прошло несколько часов, на самом же деле всего пятнадцать минут, прежде чем они распахнулись и оттуда вышел адвокат отца. Он сразу подошел ко мне.

– Твой отец получил четыре года, – сказал он. – При хорошем поведении его выпустят года через два с половиной. – В его голосе не было ни тени участия в судьбе своего подзащитного. – Он хочет тебя увидеть. Тебе решать, видеться с ним или нет. Ты не обязана.

Приученная к послушанию, я согласилась. Он повел меня в зал суда, где за решеткой на скамье подсудимых сидел отец. Страх покинул меня, когда я смотрела на человека, который мучил меня столько лет, и я ждала, когда он заговорит.

– Теперь тебе заботиться о матери, Антуанетта. Ты слышишь меня?

– Да, папа, – ответила я в последний раз.

Потом развернулась и пошла обратно, к сержанту и его жене.

– Судья хочет поговорить с тобой, – сообщил сержант, когда к нам подошел секретарь и жестом велел мне следовать за ним.

В тот день я во второй раз стояла перед судьей. Но теперь уже в его кабинете, где он был без парика и мантии. Он указал мне на стул и с серьезным видом объяснил, почему пригласил меня на частную беседу:

– Антуанетта, со временем ты поймешь, а скорее всего, уже поняла, что жизнь несправедлива. Люди осудят тебя, а некоторые уже осудили. Но я хочу, чтобы ты внимательно меня выслушала. Я читал полицейские отчеты, видел заключения медиков. Я знаю, что произошло с тобой, и говорю тебе: ты ни в чем не виновата. Тебе совершенно нечего стыдиться.

Эти слова я надежно сохранила в своей памяти, чтобы извлечь оттуда, как только в этом возникнет необходимость. Закрытый суд может ограничить число присутствующих в зале, но не в силах заткнуть рот тем, кто остался на улице. Водители «скорой», медсестры, сами полицейские, не говоря уже о работниках социальной службы и двух учителях, – все они оказались в составленном матерью списке сплетников, когда она обнаружила, что весь город только о нас и говорит.

Люди не только говорили, но и делились на лагеря. Коулрейн, родной город моего отца, колыбель упертого протестантства, обвинял во всем ребенка.

Я была развита не по годам, моя застенчивость воспринималась как

странность, к тому же я говорила с английским акцентом представителя среднего класса, который никак нельзя было назвать популярным в Ольстере того времени. С другой стороны, мой отец был местным, прошел всю войну, вернулся домой с медалями и в глазах своей семьи, конечно, был героем. В Северной Ирландии, где не было воинской повинности, любой, кто добровольцем сражался в годы Второй мировой войны, считался храбрецом. Родные считали, что отец просто ошибся в выборе жены, взяв в спутницы жизни женщину, которая не только была на пять лет старше, но и свысока смотрела на его друзей и семью. Отец слыл компанейским парнем в пабах, чемпионом в любительском гольфе, блестящим игроком в бильярд – в общем, его одинаково любили и уважали и мужчины, и женщины.

Слово «педофил» в то время еще не было в ходу, да и в любом случае никто не осмелился бы применить его к моему отцу. Про меня же говорили, что я сама была не прочь, а когда забеременела, стала кричать об изнасиловании, чтобы спасти свою шкуру. Короче, довела родного отца до суда, свидетельствовала против него и вынесла полоскать грязное белье на улицу. Поскольку суд был закрытым, просочились лишь некоторые факты, но, даже если бы все они были напечатаны в газетах, я сомневаюсь, чтобы город поверил им. Люди, как я уже знала, верят тому, во что хотят верить, пусть даже это будет неправдой.

Впервые я столкнулась с реакцией городских жителей, когда пришла в дом кухни моего отца, Норы, матери пятилетней девочки, которая мне очень нравилась. Раньше я часто нянчилась с ней. И вот открылась дверь, и на пороге возникла Нора. Она стояла, подбоченившись, испепеляя меня взглядом, а ее дочка пряталась у нее за спиной и выглядывала из-под складок юбки.

– Тебе еще хватает наглости являться сюда. Неужели ты думаешь, что мы позволим своей дочери играть с такой, как ты? Нам все известно, о тебе и твоём отце. – От злости и отвращения она едва не задохнулась, выплевывая мне прощальные слова: – Убирайся, и чтобы больше я никогда тебя не видела.

Я покачнулась, как будто меня ударили, и последнее, что я увидела, прежде чем перед моим носом захлопнули дверь, была маленькая девочка с удивленными голубыми глазами. Ошарашенная, я вернулась домой, чтобы встретиться с холодностью матери. Она ушла с работы и, как сообщила мне, больше не собиралась выходить из дома. Она не могла выносить это унижение – оказывается, дело получило огласку в прессе. Мое имя не упоминалось, и я по наивности думала, что это как-то защитит меня, но все

и так знали, о ком идет речь, а теперь это было подтверждено официально.

Мать сказала, что выставила дом на продажу и нам предстоит переезд, но не в Англию, как я надеялась, а в Белфаст. Мы должны были переехать сразу, как только дом будет продан. А пока на меня возлагалась обязанность ходить по магазинам; она не собиралась выходить в город и слушать сплетни, а мне все равно уже нечего было терять. Еще мать сказала, что до отъезда я могу посещать школу, – по крайней мере, не буду маячить дома. Но в этом она ошиблась: меня исключили на следующий же день.

В вестибюле началась суета, стоило мне войти в школу: девочки избегали моего взгляда; девочки, которых я считала своими подругами, отворачивались от меня, все, кроме одной. Лорна, моя подруга из Портстюарта, у которой я часто бывала в гостях, посмотрела мне в глаза и улыбнулась. Я радостно пошла ей навстречу. Она смутилась и отвела взгляд; как выяснилось, ей поручили выступить от имени класса. Было заметно, что поручение ее вовсе не радует, и я видела, как она собирается с духом, чтобы выпалить заранее подготовленную речь:

– Моя мама сказала, чтобы я больше не общалась с тобой. – Сделав паузу, она добавила: – Мне очень жаль, но всем нам родители сказали то же самое.

Потрясенная, я стояла на школьном дворе, прижимая к себе рюкзак, когда увидела, что ко мне приближается завуч.

– Антуанетта, мы не ждали тебя сегодня. Мы же написали твоей матери. Разве она не получила наше письмо?

Я сказала, что почтальон обычно приходит уже после того, как я уйду в школу, а она лишь поджала губы, и ее маленькие темные глазки скользнули куда-то поверх меня. Я молчала, все еще надеясь на то, что не услышу неизбежную неприятную новость. Наконец она снова заговорила:

– Ты не можешь посещать эту школу. Твоя мама сегодня получит наше письмо. – Должно быть, она заметила убитое выражение моего лица, когда с отвращением взглянула на меня, но ее ответом на мою немую мольбу стал очередной вопрос: – А чего ты ожидала после всего, что натворила? Нам все известно о тебе и твоём отце. Нам поступают телефонные звонки от родителей. Вчера вечером мы провели экстренное заседание педсовета и приняли единогласное решение: ты исключена из школы. Твои вещи из парты и раздевалки собраны. Они у меня в кабинете, пойдём, заберешь их.

Устав от бесконечных унижений, я попыталась возмутиться.

– Я ни в чем не виновата, – воскликнула я. – Это он меня заставил.

– Что, каждый раз заставлял? Не надо усугублять ситуацию враньем.

Выполнив свою неприятную миссию, она проводила меня до ворот.

– И не ищи контактов с девочками, их родители категорически против вашего общения, – были ее прощальные слова.

Я побрела прочь от здания, где провела столько лет своей школьной жизни. Это здесь я пыталась завязать первую дружбу, которая, как мне хотелось надеяться, продлится всю жизнь. Я закусила губу, чтобы не расплакаться, судорожно соображая, чем же заняться, чтобы оттянуть момент возвращения домой.

Я знала, что мама уже наверняка получила письмо. Какой будет ее реакция? Мне было страшно снова сталкиваться со стеной холода, которую она воздвигла между нами. Эта стена, кирпичик за кирпичиком, строилась все последние восемь лет. И теперь уже невозможно было ее снести. Последний камень был уложен, когда я призналась в своей беременности, и ледяное отчуждение матери было лишним доказательством того, что любовь, которую она когда-то испытывала ко мне, умерла. Я шла по улице, прижимая к себе рюкзак, плотно набитый учебниками, которые хранились в моей парте. Я робко думала о том, что уж бабушка меня не прогонит, ведь она любила меня, и с этой надеждой двинулась к ее дому.

Бабушка впустила меня и пошла на кухню заваривать чай. Меня так и не спросили, почему я прогуливаю школу, и мне стало ясно, что произойдет в ближайшие минуты. Она поставила передо мной чашку чая и села напротив. Выглядела она измученной от опустившейся на ее плечи тяжести вины сына, и ей предстояло принять решение, для нее непростое. Она нарушила семейную договоренность и попыталась уладить ситуацию миром:

– Я знала, что ты придешь сегодня. И знаю, что собирается сказать тебе Нора.

Должно быть, по выражению моего лица она догадалась, что я уже навестила кузину отца. Она вздохнула и, потянувшись через стол, накрыла мою руку своей.

– Антуанетта, выслушай меня. Твой отец – мой старший сын, и то, что он сделал, неправильно, я это знаю. Но мы не можем больше принимать тебя в своем доме.

Я непонимающе смотрела на нее. Она произносила слова, которых я больше всего боялась. Я отставила чашку и задала ей вопрос, на который и сама знала ответ:

– Вы все так думаете?

– Да, возвращайся к своей матери. Будет лучше, если она увезет тебя в Англию. Вы ведь оттуда родом.

Таким было наше прощание, потому что больше мы не виделись.

Я расправила плечи и, уходя, впервые не поцеловала ее. Я молча вышла из ее дома и пошла по улице, где никто со мной не здоровался. Я думала о теплом доме бабушки, о любви, которой меня там окружали. Вспоминала ее улыбку, когда она приветствовала нас по возвращении из Англии, и тут же перед глазами вставали ее поникшие плечи, согбенные под тяжестью вины сына. Я остро переживала потерю семьи, потому что знала, что мы расстались навсегда. Я понимала, что со временем отца простят, а вот меня нет, потому что любили меня не так сильно, как его. Больше мне некуда было идти, и я, загнав эту последнюю потерю в дальние уголки памяти, пошла домой, где меня ждала встреча с матерью.

Недели, пока мы ждали продажи дома и отцовской машины, проходили в холодном молчании, так что даже осуждающие взгляды и пересуды горожан, сопровождавшие меня в походах по магазинам, были не так страшны, как одиночество вдвоем с матерью. Я все время ждала хотя бы капли понимания и сочувствия от взрослых, но в конце концов оно пришло из совсем уж неожиданных мест. Наши соседи, которые, должно быть, в прошлом не раз слышали отголоски отцовских бурь, пригласили нас на ужин. Муж предложил свою помощь в мелком ремонте дома, чтобы продать его по более выгодной цене, а жена вызвалась помочь в упаковке вещей. На наше горе, откликнулся и хозяин местного магазина, единственный, кто осмелился заговорить со мной.

– Я всегда тебе рад, – сказал он. – Я слышал твою историю и хочу сказать, что у меня свое мнение на этот счет и оно не совпадает с тем, что говорят другие. Если кто-то будет груб с тобой, ему не место в моем магазине. Об этом я уже всех предупредил.

Но никто и не был со мной груб – меня попросту не замечали, как будто я была невидимкой, когда, с гордо вздернутым подбородком, не оглядываясь по сторонам, я ходила по магазину, выбирая покупки.

Моя мать сдержала слово и, если не считать случайного визита к соседям, которых прежде она считала людьми второго сорта, так и не выходила на улицу. Только когда дом был продан и мы были готовы двинуться в Белфаст, она соизволила рассказать мне о своих планах. Она договорилась об аренде маленького домика в пользующемся дурной славой квартале Шанкхилл, поскольку ничего лучшего мы не могли себе позволить. Вернуться в Англию она не могла: ей совсем не хотелось посвящать свою семью в подробности случившегося и говорить, что муж в тюрьме, и по этой же причине нельзя было отправить в Англию меня одну. Мне предстояло найти работу в Белфасте, с чем, собственно, я уже давно смирилась. Я решила, что буду искать работу вместе с жильем, чтобы убить

сразу двух зайцев. Это дало бы мне независимость и позволило жить отдельно от матери. Я понимала, что Джуди не сможет остаться со мной, и знала, как буду скучать по ней, но моя мать тоже ее любила, и я не сомневалась в том, что она будет за ней ухаживать. Моя потребность сбежать от постоянного чувства вины перевешивала все остальное. Давняя мечта жить вдвоем с матерью, без отца, теперь превратилась в ночной кошмар. Я все еще любила ее, ждала от нее понимания и нежности, но она, замкнувшись в депрессии, совсем отдалилась от меня. Спустя два месяца после суда мы переехали в Белфаст.

Улочки с домами из красного кирпича, двери которых открывались прямо на тротуар, напомнили мне Коулрейн, но все-таки были шире и интереснее. Здесь было много магазинов, на каждом углу пабы и постоянный людской поток. Моя мать возненавидела город с первого взгляда, что было предсказуемо. Она чувствовала, что это конец ее мечты о счастливой жизни в Ирландии: она оказалась на самом дне, причем не по своей вине. Теперь в ней закипала ярость, подогреваемая общим недовольством жизнью. И это недовольство было вызвано, прежде всего, мною. Прошло два дня после нашего переезда, когда я объявила ей о том, что начинаю искать работу.

Глава 27

Утром я с оптимизмом кинулась изучать колонку вакансий в местной газете, обращая особое внимание на объявления о работе, предоставляемой вместе с жильем. Мне не терпелось съехать из дома. Просмотрев объявления, я схватила горсть монет и направилась к ближайшему таксофону.

На мой первый звонок ответила дружелюбная дама, которая сообщила, что ей нужна помощь в уходе за двумя маленькими детьми. Поскольку они с мужем ведут активную светскую жизнь, с малышами придется сидеть в среднем по четыре ночи в неделю, вот почему предоставляется проживание. Она вежливо поинтересовалась, не будет ли это проблемой для меня. Я поспешила заверить ее в том, что мне некуда ходить по вечерам, разве что проведать мать. Мы договорились о собеседовании.

Радуюсь тому, что удалось сразу пробиться на интервью, я поспешила домой выбирать приличествующий случаю наряд. Остановившись на яркосиней юбке и двойке в тон, я разложила их на кровати. Потом до блеска надраила черные туфли на широком каблуке, достала свежее нижнее белье, проверила, нет ли зацепок на чулках.

Довольная своим выбором, я спустилась на кухню, где подогрела кастрюли с водой, чтобы помыть голову и ополоснуться. Вглядываясь в мутное от времени зеркало над кухонной раковиной, я аккуратно нанесла макияж: матовый тональный крем, немного туши на ресницы, бледно-розовую губную помаду.

Зная, что из школы не получить рекомендаций, я захватила табель за последний триместр, подтверждающий как мои школьные способности, так и примерное поведение. Я надеялась, что этого будет достаточно, чтобы удовлетворить интерес моего потенциального работодателя, и письменного подтверждения не потребуется. Я в который раз прокрутила в голове придуманную версию того, почему учащаяся класса «А» ищет место няни, и в итоге она показалась мне убедительной.

Напоследок оглядев себя в зеркале, я осталась довольна своим внешним видом и, вооруженная акцентом учащейся частной школы, табелем с оценками и хорошо отрепетированной ложью, вышла из дома. На первом автобусе я доехала до центра Белфаста, потом пешком дошла до следующей остановки, откуда другой автобус отходил в модный квартал Малоун-роуд. Там неподалеку, как я узнала, находился университет, теперь

уже моя несбыточная мечта.

Выйдя из автобуса, я прошла к дому, указанному в адресе. Не успела я постучать в дверь, как она распахнулась, и на пороге появилась симпатичная улыбающаяся женщина лет двадцати с небольшим. У нее на руках сидел пухлый малыш неопределенного пола, разве что его голубой комбинезон выдавал подсказку. Второй ребенок, маленькая девочка, сосала большой палец руки, держась за юбку матери, и с любопытством разглядывала меня.

– Не могу подать вам руки, – рассмеялась женщина и отступила в сторону, пропуская меня в дом. – Вы, должно быть, Тони. А я Роза. Проходите в комнату.

Я проследовала за ней в красиво обставленную комнату в пастельных тонах, посреди которой стоял большой манеж. Нагнувшись, она осторожно посадила туда малыша, жестом указала мне на стул и села напротив, украдкой окидывая меня оценивающим взглядом.

Роза, при всем своем дружелюбии, очевидно, имела заготовленный список вопросов для любого, кому она собиралась доверить присмотр за детьми. Я надеялась, что пройду этот тест. Первый вопрос о том, в какой школе я училась, был ожидаемым, и я ответила на него быстро и непринужденно. На второй вопрос, почему я так рано ушла из школы, тоже имелась домашняя заготовка. Я намеренно опустила подробности о том, сколько школ я сменила, и в результате создалось впечатление, будто я все время училась в одной и той же частной школе. Я объяснила, что была платной ученицей, подготавливая почву для самой большой лжи. Мой отец трагически погиб несколько месяцев тому назад, оставив нам с матерью совсем мало денег. Дальнейший рассказ строился на том, что мы с мамой переехали из Коулрейна в Белфаст исключительно с целью найти работу. Перехватив ее сочувствующий взгляд, я с уверенностью завершила свой монолог.

Моя мать не только потеряла мужа, но из-за безденежья была вынуждена переехать из собственного уютного дома в не столь привлекательный квартал Шанкхилл. Я очень хотела помочь ей с арендой, поэтому и старалась найти работу с проживанием, чтобы снять с материнских плеч лишние заботы.

Все сложилось даже лучше, чем я ожидала. Еще до того, как я представила свой школьный табель, мне уже было ясно, что работа у меня в кармане, а мои опасения насчет письменных рекомендаций оказались лишними. После часовой беседы и знакомства с детьми, малышами Дэвидом и Рейчел, мы договорились, что я завтра же приду с вещами. Роза

собиралась побыть со мной какое-то время, чтобы ввести меня в курс дела.

По вечерам они с мужем, которого она с гордостью представила мне как известного практикующего врача, часто ужинали в городе. В их отсутствие я должна была уложить детей спать, после чего мне разрешалось смотреть телевизор в гостиной.

Вернувшись в тот день домой, я ощутила невероятную свободу. Я чувствовала, что понравилась Розе и ее детям. Впервые за долгие месяцы я подумала, что наконец-то встретила людей, которые оценили меня по моим личным качествам, а не по тому, что обо мне говорят. Не поняла я только одного: в то время как дети полюбили меня такой, какая я есть, Розе понравился именно вымышленный персонаж, Тони, хорошо воспитанный подросток, у которого даже не было бойфренда. Ей понравилась девочка, которая любила книги и животных, мечтала нянчиться с детьми и стремилась помочь своей овдовевшей матери. Я описала ей свою огромную ирландскую семью, где было много детей, с которыми я нянчилась; правда, опустила тот факт, что родня меня отвергла.

Чувство уверенности не покидало меня всю обратную дорогу, и, окрыленная своим успехом, я вошла в наш маленький домик. Мама уже была дома, и по унылому выражению ее лица я сразу догадалась, что собеседование у нее провалилось.

– Мамочка, – выпалила я с порога, – я нашла работу. С проживанием. И приступаю завтра же. Платить будут три фунта в неделю, не считая бесплатного питания, так что я смогу помочь тебе деньгами.

Мать удивленно посмотрела на меня.

– И что ты будешь делать? – спросила она не сразу.

– Присматривать за детьми и помогать по хозяйству, – ответила я, уже зная, что последует дальше.

– О, Тони, я возлагала на тебя такие надежды, – воскликнула она, и я снова почувствовала себя виноватой в том, что не оправдала ее ожиданий.

Но именно это чувство вины укрепило мою решимость уйти из дома. И, игнорируя ее последнюю реплику, я погрузилась в размышления о том, что уже начинаю скучать по Розе, ее детям и красивому дому, в котором буду жить.

– Я буду питаться вместе с ними, когда они дома, – продолжала я.

– Если бы они знали всю правду, вряд ли посадили бы тебя за свой стол, – безучастно произнесла она. – Что ж, по крайней мере, будешь с удовольствием смотреть телевизор. Я бы тоже не отказалась, если бы могла себе это позволить.

Внешне я бодрилась, пытаюсь противостоять материнской депрессии,

но в глубине души все еще ждала нежности, тепла, хотя и напрасно. Если Роза видела во мне примерную дочь, то в глазах матери я была сущей эгоисткой.

Мы молча сидели в нашей крохотной гостиной, слушали радио и читали. После легкого ужина я поднялась к себе, чтобы упаковать свои скромные пожитки.

Роза всучила мне кое-какую мелочь на проезд, так что утром мне, по крайней мере, не пришлось обращаться к матери за деньгами. У порога я обернулась и посмотрела на нее, стараясь казаться невозмутимой, хотя это и далось мне с большим трудом.

– Я навещу тебя на следующей неделе, в свой выходной, – непринужденно бросила я, подхватила свой чемодан и вышла из дома; она, как обычно, ответила молчанием.

Роза показала мне мою комнату, где я быстро распаковала вещи, после чего поспешила на кухню, чтобы приступить к своим обязанностям. Мне предстояло научиться кормить детей возраста до четырех лет, и я сразу вспомнила, как кормила свою кузину, когда та была такой же маленькой.

Вскоре я обнаружила, что ничего сложного в моей работе нет. В первый же вечер, перед купанием малышкой, меня представили мужу Розы, Дэвиду-старшему, который крепко пожал мою руку и выказал надежду на то, что мне будет хорошо в их доме.

Во время купания дети заливались счастливым смехом, когда я превращала целлулоидные игрушки в подводные лодки и смело подныривала под их намыленные тельца. На шум в ванную заглянули Дэвид и Роза, уже одетые для вечернего выхода. Они пожелали детям спокойной ночи и, увертываясь от мыльной пены, поцеловали их, оставив меня при исполнении.

В тот первый вечер, как и в последующие, я вытащила из ванны пухлых извивающихся малышкой, укутала их в толстые махровые полотенца и вытерла насухо. Оставалось только надеяться, что они, помня мое обещание почитать им на ночь, улягутся в постель. Сначала я загрузила малыша Дэвида в его кроватку, потом уложила девочку и почитала им сказку по выбору Рейчел. Видя, что они уже засыпают, я поцеловала их в головки и спустилась вниз, к телевизору.

Шло время, и я прониклась глубокой нежностью к детям. Когда я играла с ними, малыш Дэвид хватал мой палец своей пухлой ручонкой, радостно улыбаясь беззубой улыбкой, от которой едва не лопались его щеки. Рейчел сидела у меня на коленях с выражением серьезной сосредоточенности, пока я читала ей. Когда я возила Дэвида на прогулку в

парк, она помогала мне толкать коляску, но при этом всегда держала меня за руку.

Шесть дней в неделю я готовила для них ланч и ела вместе с ними. Часто, когда дети спали после обеда, мы с Розой болтали. Иногда в ее спальне, где она примеряла свои обновки и спрашивала мое мнение.

Согретая теплом этой семьи, я начала фантазировать, будто являюсь ее частью. Я позволила себе забыть о том, что Роза, хотя и относилась ко мне по-дружески, на самом деле мне не подруга и что они с мужем – мои работодатели. Я пыталась завоевать расположение Розы, предлагая свою помощь в приготовлении чая или глажке белья. Ее, казалось, слегка забавляло мое усердие, но, разумеется, лишнюю помощь она не отвергала.

В доме всегда царила атмосфера счастья. Было совершенно очевидно, что Дэвид и Роза не только заботливые родители, но и любящие супруги. Они напоминали мне семью тети Кэтрин, и с каждым днем я все больше радовалась тому, что живу в их доме. Я всегда знала, что, когда Дэвид приходит домой, мое место рядом с детьми – либо в детской, либо на кухне, поскольку чувствовала, что им с женой очень хочется побыть вдвоем. Я не раз замечала, как Роза, заслышав шум подъезжающей машины мужа, бросалась к двери встречать его.

Зная все это, я очень удивилась, когда однажды вечером они оба зашли в ванную. Я, стоя на коленях, купала детей. Я почувствовала их присутствие прежде, чем прозвучал голос Дэвида.

– Антуанетта, – расслышала я как будто издалека. – Тебя ведь так зовут, да?

Я подняла на него взгляд, и он прочитал правду в моих глазах.

– Моя жена заменит тебя. А мы с тобой спустимся вниз поговорить.

Дальше все шло, как в замедленной съемке. На дрожащих ногах я поднялась, пытаюсь встретиться взглядом с Розой, словно искала в ней поддержку, но она отвернула от меня свое пылающее лицо. Чувствуя исходящее от взрослых напряжение, мои маленькие подопечные устремили на меня недоуменные взгляды, словно спрашивая, почему я перестала играть с ними.

Я медленно отложила намыленную губку, с которой уже капало на пол, и молча двинулась следом за Дэвидом в гостиную. Приглашения сесть не последовало, и я стояла перед хозяином, видя на его лице то же ледяное выражение, которое до этого так часто встречала на лицах других людей.

– Твой отец ведь не умер? – задал он вопрос, совершенно бессмысленный, поскольку ответ на него явно знал. – Он в тюрьме, а тебе повезло, что ты не оказалась в приюте. Разумеется, ты больше ни дня не

останешься в этом доме. Иди в свою комнату, собери вещи и жди, пока я приду за тобой. Я отвезу тебя к твоей матери.

Я попыталась защитить себя.

– Это была не моя вина, и судья так сказал, – выпалила я в отчаянной немой мольбе поверить мне и разрешить остаться.

Его лицо исказила такая гримаса отвращения и злости, что я внутренне содрогнулась.

– Ты ведь не за его детьми присматриваешь, не так ли? Ты молчала целых семь лет, только необходимость аборта заставила тебя заговорить. Ты солгала даже доктору, с которым я беседовал сегодня днем. Из школы тебя исключили, потому что другие родители совершенно справедливо сочли невозможным твое общение с их детьми. – Я чувствовала, как он все больше распаляется от гнева. – Я хочу, чтобы ты немедленно покинула мой дом! – Он едва ли не прокричал это, и у меня не осталось никаких сомнений в том, что моей счастливой жизни в их семье пришел конец.

Когда я выходила из комнаты, мне вслед прозвучал его голос:

– Роза согласна со мной, если вдруг ты думаешь иначе. Она не хочет больше видеть тебя, так что отправляйся к себе и собирайся.

Я пошла в свою комнату, усилием воли сдерживая слезы. Поплачу потом, в одиночестве, уговаривала я себя.

Дверь в спальню Розы была закрыта, но я расслышала доносившееся оттуда ее бормотание, прерываемое визгом Рейчел. Я знала, что она намеренно забрала детей к себе, чтобы они не встретились со мной.

Следующие полчаса прошли как в тумане: я паковала свои вещи, а потом сидела на краешке кровати, ожидая, когда постучит в дверь Дэвид.

– Все забрала? – единственное, что он произнес после того, как выпроводил меня из комнаты, загрузил на заднее сиденье машины вместе с чемоданом и вырулил за пределы зеленого пригорода Малоунроуд, увозя меня в узкие темные улицы квартала Шанкхилл.

Мы остановились у дома матери, он твердо взял меня за руку, постучал в дверь и, когда она открылась, отпустил. В свете единственной лампочки я разглядела безропотное выражение лица матери.

– Возвращаю вам вашу дочь, миссис Магуайр, – только и произнес он, прежде чем сел в свою машину и резко тронул с места.

Пришел час расплаты, и меня захлестнуло волной жалости к себе. Голос отца звучал в ушах: «Твоя мать разлюбит тебя, если ты все расскажешь. Все тебя осудят». Теперь я точно знала, что он не ошибся в своих предсказаниях. Я попыталась вызвать в памяти единственное доброе лицо, лицо судьи, и как будто услышала его голос: «Ты ни в чем не

виновата, запомни это, потому что люди тебя осудят».

Я неохотно встала с постели, ополоснула лицо холодной водой и быстро оделась. Во второй раз за последние несколько месяцев я отправилась в газетный киоск, чтобы купить местную газету. Присев в ближайшем кафе, я обвела в кружок те объявления, в которых предлагали работу, не требующую квалификации и с проживанием. Больше всего я боялась, что среди потенциальных работодателей окажется кого-то из знакомых Дэвида и Розы.

На глаза попало объявление: «В большой загородный дом требуется помощница для присмотра за двумя детьми дошкольного возраста. Предоставляется возможность проживания, хорошая зарплата для подходящей кандидатуры».

Позвонив и договорившись о собеседовании во второй половине дня, я оделась так же, как несколько недель тому назад, когда собиралась на свое первое интервью. В этот раз я не испытывала эйфории, не было и радостного ощущения начала новой жизни, лишь унылое смирение с бесперспективностью собственного будущего. Я снова поехала на автобусе в центр Белфаста, потом пересела на другой маршрут, чтобы добраться до загородного дома. Выйдя из автобуса, я увидела вовсе не густые заросли и высокие деревья из своих воспоминаний о Кулдараге, а аккуратно подстриженную изгородь, обрамлявшую подъездную аллею, ведущую к квадратному серому особняку в георгианском стиле. Высокие и узкие окна его фасада выходили на ухоженные зеленые лужайки. Здесь не было ни разросшихся кустов рододендронов, где могли бы играть дети, ни струящегося ручья с лягушками. Однородную зелень газона разбивали лишь цветные пятна розариев.

Не было здесь и приветливой Розы со смеющимися глазами. А на пороге у открытой двери стояла холодная блондинка, такая же ухоженная, как и ее лужайки. Пока она вела меня через холл в выдержанную в единой цветовой гамме гостиную, с букетами роз в хрустальных вазах на столиках красного дерева, я задавалась вопросом, где же дети. Вскоре прозвучал ответ на мой незадачный вопрос: дети в детской с временной помощницей.

И снова мой отрепетированный рассказ прошел на ура; и снова договорились, что я перееду в комнату няни, а мое жалованье составит три фунта в неделю. На этот раз в моей комнате был телевизор, а по вечерам я могла ужинать вместе с семьей. После того как эти формальности были улажены, меня повели знакомить с моими подопечными, снова мальчиком и девочкой, и оба оказались такими же милovidными блондинами, как и мама. Я тогда подумала, что в таком тщательно организованном хозяйстве

наверняка первым был зачат мальчик, а второй по плану родилась девочка.

Пока ждали мужа, горничная внесла в гостиную блюда с мягкими сэндвичами. Чай из большого серебряного чайника разлили по тонким фарфоровым чашкам, сахар клали маленькими серебряными щипчиками, и я сидела на краешке бархатного кресла. Хозяйка сказала мне, что ее муж банкир, что ее последняя помощница по хозяйству уехала в Англию и ей был нужен кто-то, кто бы присматривал за обоими детьми, пока они не пойдут в школу, соответственно через год и два.

Я согласилась на все условия – да разве был у меня выбор? Но я с самого начала знала, что мы с ней никогда не станем друзьями. Я была для нее всего лишь наемной прислугой. Правда, потом я подумала, что, возможно, это даже к лучшему. По крайней мере, не буду строить иллюзий насчет того, что являюсь частью семьи.

Перед моим уходом меня коротко представили хозяину, высокому худому мужчине, возрастом чуть за тридцать, с вежливой улыбкой, которая не доходила до его глаз. И вновь я на двух автобусах вернулась домой, упаковала чемодан и рассказала матери о своей новой работе.

Впервые мать выглядела счастливой: она наконец-то нашла работу управляющей кофейни. Она поделилась со мной своей радостью, сказала, что ей нравится хозяин, энергичный молодой человек двадцати восьми лет, который только что начал собственный бизнес.

В красивом георгианском особняке холод одиночества пропитывал меня насквозь. С каждым днем я становилась все более безучастной. По вечерам ужинала вместе с семьей, а потом шла в свою комнату читать или смотреть телевизор. Эта семья была для меня совсем чужой. Я до сих пор скучала по Розе и ее детям, по теплу, которое ощущала в их доме.

В свой четвертый выходной, зная, что мать на работе в кофейне, я отправилась навестить ее. Она совершенно преобразилась – новая короткая стрижка, тщательно нанесенный макияж, красная помада, маникюр сделали ее молодой и современной. Она радостно улыбнулась мне, но в ее взгляде не было той любви, что я искала.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Может, выпьем кофе вместе? – предложила я, но про себя подумала: «Я здесь потому, что скучаю по тебе».

– О, дорогая, – ответила она, – конечно. Мы можем выпить по чашечке, но близится время ланча, и у нас будет запарка.

Мы сели за столик, и нас обслужила молодая официантка в темно-розовой с кремовым униформе, что было редкостью в Белфасте, где официантки до сих пор носили черное с белым. Мама поинтересовалась,

нравится ли мне моя работа. Я описала ей все в подробностях – и дом, и сады, и детей, но не стала говорить, что в доме, хотя и гораздо большем, чем у Розы с Дэвидом, не было ни теплоты, ни веселья.

Я знала, что описываю матери дом ее мечты, но для меня это был не дом, а всего лишь здание. Менее через час, после спешного поцелуя и еще одной лучистой улыбки матери, я снова была на улице, и меня ждал целый день безделья.

Калейдоскоп самых разных лиц, с выражениями от презрения до злости, снова промелькнул у меня перед глазами, и голоса зазвучали в ушах. Первым был отец. И его насмешливая улыбка, с которой он все повторял мне: «Твоя мать больше не будет тебя любить, если ты все расскажешь. Все тебя осудят». Потом была мать и ее темный от злобы взгляд, которым она смотрела на меня в ночь, когда я истекала кровью, и ее шепот, которым она просила доктора отвезти меня в дальний госпиталь. Суровое выражение лица бабушки, в котором не осталось и следа былой любви ко мне. Перекошенное от ненависти лицо кузины Норы, когда она открыла мне дверь, и прячущийся за ее спиной ребенок. Эхо их голосов пронеслось в моей голове: «Антуанетта, тебя здесь не ждут. Нам все известно о тебе и твоём отце. Уходи и больше никогда не возвращайся. Не смей приближаться к нашему дому».

Каждый раз я будто заново переживала боль отторжения. Слезы подступили к глазам, стоило мне вспомнить последнее унижение, которое я испытала, когда Дэвид выгнал меня из своего дома. Отчаяние, с которым я боролась, пока собирала свои скудные пожитки, вернулось и снова поселилось во мне. Гордость, мое единственное оставшееся оружие, покинула меня, и ее место заняли тоска и жалость к себе. Я уже не видела серебристой опушки черного облака, накрывшего мою жизнь. Ее там просто не было.

Никто, подумала я, никогда не полюбит меня. Да, собственно, никто меня никогда и не любил. О, да, любили милую девочку в красивых платьицах, умненького ребенка с хорошими школьными оценками, трудолюбивого подростка, всегда готового нянчиться с детьми. Но кто любил меня беременную, изнасилованную, испуганную? Никто, даже мать.

Мимо меня проходили дружеские компании, влюбленные парочки. Люди, у которых были семьи, люди, которых любили. Я же была изгоем в этом недружелюбном мире, который был ласков со мной лишь шесть лет из прожитых пятнадцати. Мимолетное счастье никогда не задерживалось рядом со мной. Я была отвергнута всеми, и для меня был закрыт вход в мир людей. Единственная дверь, которую я видела перед собой, была

обозначена табличкой «Выход».

Неужели мне суждено было стать вечной пленницей клетки, куда не проникали ни любовь, ни дружба, ни симпатия? Я чувствовала, что так оно и будет.

Зная о том, что виски притупляет боль, я направилась в ближайший паб. Невидимка, жившая во мне, заказала двойную порцию и с жадностью осушила ее. Бармен увидел во мне потенциального алкоголика и отказался повторить:

– В чем дело, малышка? Проблемы с бойфрендом? Ничего, найдешь другого, такая милашка.

Его слова звучали как будто вдалеке. К моему отчаянию присоединилась паранойя, и, вместо того чтобы различить нотки участия в его голосе, я расслышала насмешку.

Покинув уютное тепло паба, охваченная холодной решимостью, я двинулась в ближайшую аптеку. Там купила большую упаковку аспирина и набор бритвенных лезвий. Затем мое невидимое «я» направилось в бар, где продавали спиртное на вынос, и сделало свою последнюю покупку, бутылку виски «Буш Миллз». Теперь, когда мой прощальный набор был готов, я пошла в общественный туалет.

Бледное лицо смотрело на меня из зеркала, когда я стояла перед умывальником, накачиваясь виски и аспирином. Опасная смесь настойчиво просилась обратно, сдавливая горло с такой силой, что из глаз текли слезы. Следовала новая порция виски и таблеток, и так до тех пор, пока не были опустошены обе емкости. Я выбросила их в мусорную корзину и заперлась в кабинке. Опустив крышку унитаза, я уселась на стульчак и медленно вскрыла упаковку лезвий. Вооружившись одним из них, я начала кромсать свою руку, начиная с запястья и постепенно, дюйм за дюймом, продвигаясь выше. Пятнадцать порезов, каждый за год жизни, которой мне больше не хотелось. Кровь медленно сочилась из ран, стекала между пальцев, капала на пол. Как зачарованная, я наблюдала за этими ручейками, задаваясь вопросом, как долго будет истекать мое тело. Веки стали тяжелыми и начали закрываться, передо мной расстилалась темнота, а в ушах звенело. Я почувствовала, что заваливаюсь набок, и моя голова прислонилась к холодному кафелю. Больше я ничего не чувствовала.

Глава 28

Смутные голоса ворвались в мое сознание.

Первый был низкий, мужской; второй, более звонкий, принадлежал женщине.

– Мы знаем, что ты очнулась. Давай-ка открывай глаза, – произнес мужской голос.

Прохладная нежная рука взяла мою руку, и я расслышала женский голос:

– Давай, милая, мы хотим помочь тебе. Открой глаза.

Я неохотно сделала то, что они просили. Я лежала на кровати в маленькой белой комнате. Мои губы попытались выдавить какие-то слова, но во рту возникло странное ощущение: инородный предмет мешал говорить. Язык коснулся чего-то твердого. Потом я поняла, что эта штука сидит глубоко во мне, тянется через горло и выходит изо рта.

В фокусе обозначились две фигуры, и в одной из них я узнала медсестру, а вторая, в твидовом пиджаке с клерикальным воротничком, оказалась священником. Я смутно догадалась, что нахожусь в госпитале, и в этот момент едва не поперхнулась от сдавившей горло обжигающе-горячей рвоты. Чьи-то руки поднесли к моему рту таз, и теперь, когда трубка, которая, как я позже узнала, называлась желудочным зондом, сделала свою работу, мое тело взорвалось выплеском токсинов.

Когда приступ закончился, я снова откинулась на подушки, вслушиваясь в несмолкающий в ушах звон. Желание уснуть овладевало мною все сильнее, и я закрыла глаза, но голоса не отпускали меня.

Я слышала, как они спрашивают, кто я и где живу, но я ничего не помнила. Меня снова взяли за руку, и, несколько успокоившись от этого прикосновения, я ответила на него крепким пожатием.

– Ну, давай же открой глаза, – произнес священник. – Мы дадим тебе заснуть, когда ты ответишь на несколько вопросов.

Я силой заставила свои веки открыться и увидела прямо над собой его добрые голубые глаза, а в лице тревогу и участие. От его теплого взгляда я расплакалась, захлебываясь в рыданиях и сотрясаясь всем телом, как в недавнем приступе рвоты. Все это время медсестра не отпускала мою руку, а священник вытирал мне слезы.

Я расслышала нежные звуки, какими обычно баюкают младенцев. Постепенно я успокоилась, слезы высохли, и, когда священник снова

спросил мое имя, я сказала, что меня зовут Антуанетта, хотя я уже успела возненавидеть это имя. Антуанеттой называл меня «он», так же звала меня мать, и под этим же именем меня исключали из школы. Тони, кем я хотела стать, была моим спасением.

Следующим вопросом было: сколько мне лет?

– Пятнадцать, – сказала я и приготовилась к вопросу, который должен был последовать за этим.

– Антуанетта, почему ты это сделала?

Мой взгляд упал на руки, и я увидела свои перебинтованные запястья. Сострадание в его голосе снова заставило меня расплакаться, на этот раз беззвучно. Неподвластные мне слезы струились по моему лицу, пока я пыталась рассказать хотя бы часть своей истории. Я призналась, что мой отец сидит в тюрьме за то, что сделал меня беременной, сказала, что у меня нет дома и никому я не нужна. Я не хотела жить, потому что мне не для чего было жить.

Я не решилась обнажить все душевные раны, рассказать обо всем, что мне пришлось пережить, о том, что стала изгоем для всех. Не смогла я открыться и в том, что чувствую себя виноватой перед матерью, жизнь которой я разрушила, за что она проклиняет меня. Не стала рассказывать и о том, как мечтала, что деяния моего отца раскроют и все взрослые бросятся ко мне, окружают любовью и вниманием. А мать заберет меня и увезет далеко-далеко, где я буду в безопасности. Реальность, которая последовала за раскрытием «нашего секрета», оказалась слишком жестокой, чтобы я могла ее вынести. Я не могла объяснить, что испытывала каждый раз, когда заходила в магазин и чувствовала, как сгущается вокруг меня тишина. Я всегда знала, что, стоит мне выйти из магазина, как прерванная беседа возобновится.

Постепенно я научилась смотреть на себя глазами окружающих и поняла, что стала для всех невидимкой, исчезновения которой никто и не заметит. Я была настолько замарана, что люди боялись испачкаться об меня одним лишь признанием факта моего существования.

У меня не только ничего не было, я сама была *ничем*. И все-таки крохотный осколок гордости еще сидел во мне, мешая полностью раскрыть свои чувства. Я никогда и не говорила о них, словно надеясь, что, произнесенные, они прекратят свое существование.

Я услышала, как вздохнула медсестра, прежде чем задать следующий вопрос:

– А что случилось с ребенком?

Возможно, она предполагала, что я все-таки родила, а потом

подбросила младенца кому-то под дверь. Я почему-то разозлилась оттого, что она могла подумать обо мне такое.

– Меня направили на аборт, – смело ответила я; от пятнадцатилетних девочек таких слов не ждали.

– Антуанетта, если тебя отпустят, ты снова попытаешься покончить с собой? – спросила медсестра, хотя никто и не ждал моего ответа, зная, что я не остановлюсь.

Священник взял адрес места моей работы и пообещал забрать мои вещи, а медсестра принесла мне холодное питье, после чего я провалилась в глубокий сон под аккомпанемент постоянного шума в ушах – последствия тех ядов, которыми напичкала свой организм. Когда я снова проснулась, у моей кровати сидел уже другой человек.

– Антуанетта, хочешь пить? – мягко спросил он, заметив, что мои веки дрогнули.

– Чаю, – прохрипела я в ответ.

Язык казался слишком большим для моего рта, а горло болело. Шум в ушах ослаб, но голова раскалывалась от пульсирующей боли.

– Можно болеутоляющее? – жалобно попросила я.

– Лучше обойтись без лекарств, – ответил он. Потом, словно решив, что я заслуживаю объяснения причины, продолжил: – Нам пришлось потрудиться, чтобы откачать из тебя весь аспирин. – Он выдержал паузу и снова продолжил: – Антуанетта, я врач, но врач-психиатр. Ты понимаешь, что это значит?

Я кивнула головой. Мне было совершенно все равно, кто он такой: я просто хотела выпить чаю и снова уснуть. Однако он, похоже, еще не все сказал.

– Я договорился о твоём переводе в местную психиатрическую клинику. Там знают, как лечить такие состояния. Ты больна, у тебя тяжелая депрессия.

С этим заявлением я вполне могла согласиться. Он потрепал меня по плечу, заверил в том, что вскоре я поправлюсь, и ушел. Но я не верила в его заверения. Вскоре меня, в больничной одежде, с моим чемоданом, который привез священник, погрузили в карету «скорой помощи» и доставили в клинику для душевнобольных в Пердисберне.

Мы проехали мимо массивного здания из красного кирпича, где в викторианскую эпоху размещалась богадельня, а ныне содержались пациенты длительного срока лечения, и остановились возле одноэтажного корпуса. Это было новое психиатрическое отделение, куда меня и определили. Я оказалась самой молодой пациенткой за последние годы.

В тот первый вечер я даже не обратила внимания на окружающую обстановку. Еще не оправившаяся от последствий передозировки, я проспала до утра, пока меня не разбудили. Шторку у моей кровати отдернули, и бодрый голос сказал, чтобы я вставала, умывалась и шла завтракать. Я открыла глаза и увидела прямо над собой молодую медсестру с такой открытой и дружеской улыбкой, что невольно улыбнулась ей в ответ. Рядом с ней стояла высокая изящная блондинка с виду на несколько лет старше меня, и медсестра представила ее мне:

– Это Гас. Она тебе все покажет.

На этом она удалилась, оставив нас вдвоем. Постоянная болтовня Гас была для меня спасением. Я могла спокойно отмалчиваться, потому что она прерывалась лишь на то, чтобы глотнуть воздуха для новых словоизлияний или чтобы разразиться нервным звонким смехом. Этот смех, как я вскоре узнала, был обратной стороной депрессии.

Гас показала мне ванные комнаты, подождала, пока я умоюсь и оденусь, потом провела меня в маленькую столовую. Постепенно я начала ориентироваться в пространстве и могла оценить обстановку. И палата, и столовая были окрашены в пастельные тона, большие окна впускали много света, и помещение казалось просторным и спокойным. Пациенты уже сидели за столами, и Гас быстро познакомила меня со всеми двадцатью. Я была наслышана об ужасах, что творятся в психлечебницах, о том, что, раз попав в эти стены, люди уже не выходят оттуда. Но я никогда не слышала о новом психиатрическом отделении.

Контингент выглядел вполне нормально. Пациенты обоих полов в возрасте от подросткового до пожилого оказались в клинике, как я вскоре узнала, в силу самых разных житейских обстоятельств. Впрочем, чаще всего они попадали сюда в результате депрессии и алкогольной зависимости. Эти недуги косили людей вне зависимости от их возраста и социального статуса.

За то время, что пробыла в клинике, я успела узнать истории почти всех пациентов. Среди них была и жена успешного агента по недвижимости, которая страдала от вечных унижений со стороны мужа, тайного бабника и алкоголика. Так же, как и я, она приняла сильную дозу лекарств. Однако, в отличие от меня, сделала это неосознанно. В состоянии сильного опьянения она просто забыла, сколько таблеток транквилизатора уже выпила, и продолжала увеличивать дозу. Была здесь и молодая пара; влюбленные познакомились в этой же клинике год тому назад, тогда они оба лечились от алкоголизма. Встретившись, они полюбили друг друга, потом вместе выписались. Но, вместо того чтобы рука об руку идти к новой

жизни, заглянули в ближайший паб.

Некоторые пациенты пребывали в апатии под воздействием транквилизаторов, которыми гасили депрессию, с тем чтобы врачи могли приступить к непосредственному лечению. Одна женщина особенно заинтересовала меня. С копной ярко-рыжих волос, кремовой кожей и зелеными глазами, она была самой красивой в нашей группе и самой тихой.

За едой мой взгляд невольно скользил в ее сторону. Однако она ни разу не взглянула на меня, не оторвала глаз от своей тарелки. Казалось, она совершенно не замечала ни окружающей обстановки, ни собратьев по несчастью, и ее тупое безразличие лишь разжигало мой интерес.

В конце завтрака медсестра подошла к ее столику, нежно взяла ее за руку и повела обратно в палату. Там ее усадили в кресло, укрыли колени пледом, и она так и сидела долгие часы, уставившись в одну точку.

Меня распирало от любопытства, и при первой же возможности я спросила у Гас, кто эта женщина.

– Она жена доктора, – сказала Гас. – Если бы не это, ее бы здесь не держали.

– А что с ней? – спросила я.

– Не знаю, но некоторые женщины впадают в очень сильную депрессию после родов, и она здесь уже больше года. Когда ее принимали, она еще разговаривала, а вот в последнее время все молчит.

– Она поправится? – спросила я, но, уже задавая этот вопрос, знала, что улучшения не будет.

Меня почему-то очень заинтересовала судьба этой женщины. Она вызывала во мне и любопытство, и жалость. Я знала о существовании иной реальности, где можно было исчезнуть, когда живой мир уже не представлял интереса, но инстинктивно чувствовала, что ее сознание находится сейчас в куда более далеком измерении, чем то, где успела побывать я сама.

– Ну, если ей не станет лучше, ее переведут отсюда; так всегда бывает, если пациент не реагирует на лечение.

Гас, похоже, была безразлична к судьбе женщины, и я, не желая знать, куда переведут бедняжку, прекратила расспросы.

После завтрака дежурная медсестра выяснила у меня историю болезни и попросила не покидать палату, поскольку меня должен был осмотреть доктор, чтобы назначить лечение. Через час у меня состоялась первая встреча с психиатром. Пока я говорила, он делал записи, но, стоило мне расслабиться в его обществе, он задал один-единственный вопрос, который свел на нет наши будущие отношения.

– Антуанетта, тебе когда-нибудь доставляли удовольствие сексуальные домогательства отца?

И даже когда я ответила: «Никогда», он продолжал настойчиво расспрашивать об этом.

– Не может быть, ведь ты подросток, и у тебя должны быть какие-то желания.

В этот момент я отключилась, и его голос просто поплыл в воздухе, не проникая в мое сознание. Я не стала рассказывать ему о городе, который отверг меня, о своем унижении и отчаянии, об утрате надежд, о том, что до сих пор жду материнской любви. Не призналась я и в том, что душа кричала от боли всякий раз, когда окружающие хлестали меня своим презрением. Что на время забыла слова судьи и, посмотрев на себя со стороны, увидела в себе преступницу. Теперь на мне была другая маска – не прилежной школьницы и счастливого ребенка, а человека подозрительного и равнодушного к помощи.

Мне дали тесты на проверку IQ, спросили, слышу ли я голоса, приказывающие мне совершать те или иные поступки. Последним был вопрос: чувствовала ли я, что люди говорят обо мне?

– Я не чувствовала, я знала, – возразила я.

Но это вызвало лишь надменную улыбку доктора, который опять деловито застрочил в блокноте. Позже я узнала, что в его отчете была охарактеризована как личность угрюмая, конфликтная и склонная к паранойе.

По причине моего возраста решили обойтись без медикаментозного лечения и, что самое главное, без электрошока. Вместо этого прописали ежедневную психологическую терапию.

На каждой часовой беседе с одним из трех психиатров мне задавали вопросы о моих чувствах и мыслях, на которые я отвечала коротко и сухо. Свою депрессию я скрывала под маской безразличия. Единственный вопрос, на который я так и не дала им ответа, касался того, получала ли я когда-нибудь удовольствие от секса.

Они задавали его вновь и вновь. Как будто думали, что, если я признаюсь, мне сразу станет легче. Нет, они не желали мне зла; просто у них было свое, предвзятое мнение, и они отказывались принимать правду. Я все спрашивала себя: неужели они действительно думают, что побои, вливание виски и душевные муки могут доставить удовольствие?

Часто задавали и другой вопрос: как долго я страдаю от депрессии? Мне так и хотелось крикнуть им: «А сами вы как думаете?» Правильно было бы ответить, что с шести лет, когда жизнь моя изменилась, но я знала,

что они хотят услышать совсем другое. Поэтому отвечала: несколько недель. Мне уже было известно, какая участь ждет пациента, которого врачи считают опасным или не поддающимся лечению: перевод в закрытую палату и полная изоляция.

По соседству с нашим уютным островком стояло красно-кирпичное здание бывшей богадельни с маленькими зарешеченными окнами и длинными темными коридорами, в которых пахло хлоркой и плесенью. А вокруг него раскинулись одноэтажные здания, где, в зависимости от тяжести заболевания, проживали пациенты длительного содержания, все в одинаковых больничных пижамах. Мы часто видели, как их группками выводят на ежедневные прогулки вооруженные дубинками медсестры.

В то время госпиталь для душевнобольных был коммуной, изолированной от внешнего мира, и здесь было все, что требовалось для удовлетворения нужд его обитателей. Собственный магазин и столовая, куда нам разрешали ходить. Правда, после каждого посещения этих мест я возвращалась в свою палату совершенно опустошенная морально. Для меня это была деревня потерянных душ: людей, которые никому не нужны и которых давно забыли.

Госпиталь находился в стороне от главной дороги, занимая довольно большую территорию. Иногда мне удавалось тайком пробраться в одну из палат старого здания, когда открывались двери, чтобы вывести под конвоем очередную группу невменяемых. В палатах стояли койки и деревянные стулья. На некоторых из них сидели пациенты, которые были слишком неадекватными даже для прогулок. Они раскачивались взад-вперед и тихо стонали.

Впервые увидев обстановку в отделении для тяжелых больных, я поняла, что мне повезло оказаться в новом психиатрическом отделении. Наше здание было не только современным и красиво отделанным, но у нас были и телевизор, и игровая, и кухня, которая никогда не запиралась, так что мы могли в любое время суток приготовить себе горячие напитки, посидеть с ними в мягких креслах комнаты отдыха. Мы смотрели в большие и не зарешеченные окна, читали книги, ходили на прогулки. Единственное, что от нас просили, так это гулять группками в целях безопасности и находиться в палате в часы терапии. Кроме того, нам запрещалось покидать территорию клиники без разрешения, которое давали только при наличии сопровождающего посетителя. Но у нас и не было искушения нарушить эти правила и выйти в мир, потому что никто не хотел покидать безопасное уютное прибежище.

График посещения был гибким. Посетители могли приезжать в любое

время, правда, к ужину все уже разъезжались. Первые шесть дней своего пребывания в клинике я все ждала маму. И каждый вечер, так и не дождавшись ее, с отчаянием спрашивала себя: «Неужели меня забыл единственный близкий мне человек?» Тогда я ложилась в постель и с грустью наблюдала за своими подругами, вокруг которых сидели их родные. Для утешения я брала в руки книгу и нацепляла маску равнодушия.

Каждый день рыжеволосую женщину навещал муж с двумя их сыновьями, один из них был еще младенцем. У детей были ее волосы и ее глаза. Муж всегда держал ее за руку и говорил с ней, а мальчишки сидели с раскрасками и игрушками, и я издали чувствовала отчаяние и недоумение, в котором пребывали все трое. Она сидела неподвижно, с бессмысленной полуулыбкой на лице. Ни разу она не произнесла ни слова. Я уже понимала, что ей не выбраться из того пространства, где реальность лишена всякого смысла, в то время как у меня была перспектива. Я чувствовала, что во мне еще тлеет искорка оптимизма, и хотя я знала, что погасить ее очень легко, растворившись в себе, как рыжеволосая женщина, у меня больше не было желания этого делать. Таившаяся глубоко во мне сила молодости возвращалась.

Моя мать приехала в воскресенье, с фруктами, книгами, журналами и цветами. Меня пронзило такой любовью к ней, что на мгновение стало больно. Позже я узнала, что из клиники ей звонили и спрашивали, почему она не навещает дочь. Все-таки я была несовершеннолетней, и после выписки мне предстояло жить с ней. Она со свойственным ей обаянием убедила врачей в том, что очень беспокоится обо мне и единственная причина, по которой она не может приехать, ее работа. Ей, как управляющей, надлежит постоянно присматривать за персоналом, но, разумеется, в воскресенье она собирается приехать, поскольку это выходной. Жить приходится на одну зарплату, добавила мать, и она не может себе позволить отгулы, но уверена, что я все пойму. Медсестра с понимающим взглядом попыталась все это объяснить мне, и я, слепо доверяющая матери, согласно кивала головой, подтверждая, что на самом деле ситуация сложная.

Когда мама вошла в палату, я бросилась ей навстречу и в ответ получила поцелуй с объятиями, впервые за долгое время. Она сказала, что очень переживает за меня, но рада, что я нахожусь в хорошем месте. Потом стала рассказывать, как ей нравится ее работа. И поделилась своими планами на наше будущее. Больше мне не придется жить в чужих домах. Она была уверена, что в моем срыве виноваты прежние работодатели.

Потом она сказала то, что я больше всего хотела услышать: после выписки я смогу работать официанткой в ее кафе и жить вместе с ней, пока не стану взрослой. Она уже присмотрела дом – маленький, но очень симпатичный, и на наши две зарплаты мы вполне могли бы арендовать его. Официантки в том кафе, где она работала, зарабатывают даже больше, чем управляющая, поскольку кафе обслуживает бизнесменов, которые оставляют щедрые чаевые, особенно таким симпатичным и хорошо воспитанным девушкам, как я, добавила она с лучезарной улыбкой.

Впервые с раннего детства я услышала комплимент от матери и зарделась от удовольствия. Мы долго болтали с ней в тот день, и я рассказала ей о тех пациентах, с кем успела подружиться. На прощание я радостно помахала ей рукой, надеясь, что следующего визита не придется ждать целую неделю.

Недели в клинике летели очень быстро, поскольку все дни, хотя и без четкого расписания, были загружены. Именно в клинике зародилась дружба, которая длилась несколько лет; моим другом стал Клиффорд. Он был наслышан о моем прошлом, а по моим забинтованным запястьям легко мог догадаться, что я пыталась с собой сделать. У нас были платонические отношения, что устраивало нас обоих. Он был лишен сексуального интереса к женщинам и вообще был скуп на плотские желания; собственно, из-за этого его и бросила жена, что привело его к нервному срыву. Об этом он рассказал мне во время одной из наших прогулок, чувствуя, что у меня, в отличие от его жены, такие признания вызовут лишь симпатию.

Моя депрессия начала отступать во многом благодаря дружбе с Клиффордом и участившимся визитам матери. Я почувствовала, что в моей жизни появился смысл: у меня был дом, меня ждала работа и целая жизнь впереди.

После трех месяцев пребывания в Пердисберне мама забрала меня домой.

Глава 29

Через несколько дней состоялось собеседование с хозяином кафе, молодым человеком, который был явно доволен моей матерью как управляющей, и он предложил мне приступить к работе немедленно. Мне выдали униформу персикового цвета, кремовый фартук, и я очень быстро обнаружила, что работа совсем не сложная. Как и говорила мама, чаевые были щедрыми. Я смогла позволить себе сходить в парикмахерскую, купить новую одежду, а часть денег отдала матери. Она, радуясь притоку наличности, начала строить планы в отношении покупки дома. Ипотеку вполне можно было покрыть моими взносами.

Последовали два года мирной жизни, имя отца никогда не упоминалось, как и мой нервный срыв, и мы с матерью вновь стали близки. Бывали вечера, когда мы обе были свободны. Большие поклонницы кинематографа, мы часто ходили вместе в кино, потом часами обсуждали достоинства того или иного фильма. Теперь, в отсутствие отца, мы могли не ограничиваться одними вестернами и выбирали фильмы по своему вкусу.

Иногда я встречала ее после работы, и мы шли в соседнее кафе. Там, за чашечкой кофе, мы болтали как подружки. Я уже чувствовала себя вполне самостоятельной, и взрослый мир не пугал меня. Я убедилась в том, что в отсутствие отца моя мама наконец стала находить удовольствие в моем обществе, и это ощущение приносило мне радость и удовлетворение. Да и я сама, не чувствуя на себе тяжелого взгляда отца и его ревности, могла отдать матери всю свою любовь. Как цветку, которому для роста нужен солнечный свет, мне, чтобы цвести, нужна была свобода проявления любви. И, получив ее, я была готова делить с матерью все свое время.

А расширять круг общения мне и не хотелось. Иногда я готовила ужин для нас двоих, накрывала на стол и получала удовольствие, просто наблюдая за тем, как она ест приготовленное мной новое блюдо из книги рецептов. Хотя мы обе очень любили читать и слушать музыку, многие вечера мы счастливо проводили у своего новенького телевизора, который был для нас еще диковиной. Каналов было всего два, так что мы редко спорили, какой выбрать. Мы садились у зажженного камина, она – в свое любимое кресло-качалку, а я устраивалась на кушетке с Джуди под боком. Когда программа заканчивалась, я вскакивала и бежала на кухню, чтобы приготовить горячие напитки на ночь.

А еще мне нравилось ходить по маленьким антикварным магазинчикам, которых было очень много на Смитфилд-Маркет, выбирая для мамы какую-нибудь необычную безделушку или ювелирное украшение.

Друзья, которые у меня появились, и прежде всего Клиффорд, с пониманием относились к тому, что мама не только составляет важную часть моей жизни, но и что мне хочется ввести ее в свой круг. Чувствуя, что матери одиноко, и стараясь скрасить ей досуг, я познакомила ее с друзьями, в надежде что они ей понравятся и в их компании ей будет весело.

Единственное, что омрачало мою жизнь, было сознание того, что мне не хочется всю жизнь работать официанткой. Мне хотелось достичь чего-то большего, и не только для себя, но и для матери. Я хотела, чтобы она гордилась мной, а для этого мне нужна была достойная работа, которая позволила бы мне заботиться о ней.

Незадолго до Пасхи я твердо решила что-то предпринять в этом направлении. Я уже оставила свои амбиции поступить в университет, понимая, что три года учебы пробьют изрядную брешь в нашем бюджете. Без тех денег, что я вносила в семейную копилку, мать не смогла бы выплачивать ипотеку.

Был еще один вариант – поступить в колледж секретарей и получить диплом о среднем образовании, в котором фигурировал бы выпускной возраст восемнадцать лет. Для потенциальных работодателей он был куда более предпочтительным в сравнении с четырнадцатилетним возрастом, который значился в моем нынешнем школьном сертификате. Я уже поинтересовалась стоимостью обучения в частном колледже и рассчитала, что если мне удастся отпроситься из кафе на время летних каникул и устроиться на работу в каком-нибудь курортном местечке, можно будет накопить денег на время учебы. Я решила, что с этим проблем не будет, поскольку в Белфасте, университетском городе, не было недостатка в студентах, желающих подработать во время летних каникул, и меня смогут заменить на время моего отъезда на заработки. Так я смогла бы заработать денег на оплату двух семестров, а на следующий год повторить свой план.

Решительно настроенная, я отправилась к хозяину кафе. Он пошел мне навстречу и даже предложил помощь. У него была дальняя родственница, которая владела пансионом, гордо именуемым «отель», на острове Мэн. Она как раз собиралась нанимать штат на пасхальные каникулы, и с его рекомендацией я могла бы легко устроиться к ней. Правда, он сразу предупредил, что работа будет тяжелее, чем в его кафе, поскольку в таком маленьком пансионе могли держать только двух официанток, которым

помимо обслуживания завтраков и ужинов приходилось еще убирать номера и подавать утренний чай.

Зарплата, конечно, была невысокая, зато чаевые хорошие, и я могла бы заработать вдвое больше, чем у него. Он добавил, что если я себя хорошо зарекомендую, то меня смогут пригласить и на лето.

Спустя две недели, с обещаниями регулярно звонить, я села на паром, отходящий к острову Мэн.

Работа в отеле действительно оказалась тяжелой, и мы, две официантки, трудились не покладая рук. Вставали в половине восьмого утра, готовили утренний чай, разносили его по номерам. Затем сервировали завтрак и, лишь когда была убрана последняя грязная тарелка, садились завтракать сами. Ланч не входил в стоимость проживания, и мы полагали, что это и будет наше свободное время. Однако у хозяйки, толстой коротышки с вытравленными перекисью волосами, взбитыми в высокий пучок, щедро залитый лаком, были другие мысли на этот счет.

Раз в неделю надлежит чистить серебро, заявила она. Ее голос, хриплый от постоянного курения, следовал за нами по пятам, куда бы мы ни направлялись, будто хозяйка боялась, что без ее надзора что-нибудь из вещей обязательно пропадет или работа будет не сделана.

Постояльцев она встречала очаровательной улыбкой, которая сменялась суровым взглядом в нашу сторону, стоило гостям отвернуться. Мы только успевали подхватить чемоданы, как она уже выкрикивала приказания срочно проводить семьи в их комнаты. Мы с трудом поднимали по лестнице багаж, который весил, наверное, больше, чем мы сами, и, спустившись вниз, обнаруживали, что уже пора готовить чай.

Вновь прибывшим отдых с дороги был нужнее, чем нам, заявила она однажды, когда мы предприняли робкую попытку попросить о передышке. Она добавила, что мы молодые, а у нее больное сердце. Да и разве нам не нужны чаевые, удивилась она, и мы больше не заикались на эту тему.

Между тем, как я заметила, больное сердце вовсе не останавливало ее, когда она бралась за очередную сигарету или поедала огромные порции пудинга. Каждый раз, слыша ее стенания по поводу того, что она не может носить ничего тяжелого, я втайне ухмылялась: «Кроме самой себя». С каждым днем я со все большим отвращением смотрела на ее оплывшую физиономию и недоумевала, как у такого обаятельного человека, как хозяин кафе, могла быть такая родственница.

Некоторые из постояльцев-мужчин возражали против того, чтобы девочки несли их чемоданы, но она ледяным голосом заявляла, что нам за это платят. Когда мы, поднявшись по лестнице, сворачивали в коридор,

оставаясь в зоне слышимости, но вырываясь из-под прицела ее глазуристов, мужчины хлопали нас по плечу, молча выражая свое намерение освободить нас от тяжелой ноши. Мы благодарно ставили на пол чемоданы, показывали гостям их комнаты, а потом спускались на кухню готовить чай. И снова шли наверх, с подносами в руках, стараясь удержать равновесие на ноющих от боли ногах, и в ушах все звенел голос хозяйки, упрекающий нас в нерасторопности. «Ни минуты отдыха молодым» – таков был девиз этого отеля. Какую бы зарплату она ни выплачивала нам, причем с явной неохотой, почасовые ставки были рассчитаны по минимальной шкале.

Каждый вечер я без сил падала в постель, задаваясь вопросом, удастся ли мне когда-нибудь вкисить прелестей здешней ночной жизни, о которой была наслышана. В тот первый сезон я ее так и не увидела. Когда поток отдыхающих схлынул, она все-таки дала нам свободный вечер на шопинг, и то, как я думаю, только потому, что мне нужно было купить маме подарок, о чем я ей сказала.

Поскольку наша работа начиналась с утреннего чая в восемь утра, а заканчивалась уборкой посуды в половине десятого вечера, нам без труда удалось отложить денег с зарплаты и чаевых. В результате мои накопления оказались даже больше, чем я рассчитывала, и с лихвой покрывали мою будущую учебу в колледже. Зная о том, как хозяйка любит экономить, я попросилась уехать на несколько дней раньше намеченного срока.

Снова в хосписе, вспоминая ту Пасху, я слышала голос юной Антуанетты: «Вспоминай, Тони, вспоминай, что она сделала; вспоминай, каков был ее выбор».

Я попыталась прогнать из памяти тот день, когда моя слепая вера в мать наконец умерла.

Я хотела удивить ее своим ранним возвращением, поэтому не стала предупреждать о приезде. В предвкушении сюрприза и радости встречи, с чемоданом, полным подарков для матери, я погрузилась на паром до Белфаста. По прибытии в порт я не осталась ждать автобуса, а поехала на такси. Мыслями я уже была дома, видела Джуди и счастливое лицо матери, представляла себе, как мы устроимся за столом с чашками горячего шоколада и я начну рассказывать о своих приключениях на острове Мэн. У меня в запасе были забавные анекдоты о персонажах, которых я встретила в отеле, в том числе и о шофере хозяйки, и я знала, что они развеселят маму. Я представляла, как загорятся ее глаза, когда она развернет подарки,

которые я купила. Особенное удовольствие, как мне казалось, ей должно было доставить бледно-сиреневое платье, отделанное шелком, ниспадающее складками от бедра по моде того времени. Когда я нашла его в магазине, то подумала, что ничего красивее в жизни не видела. Поборов искушение купить его для себя, я упаковала его как подарок для матери. Я воображала, как она расплывется в улыбке, когда развернет упаковку, ведь мама так любила сюрпризы и подарки, не говоря уже о том, что обожала красивые вещи.

Двенадцать миль от порта Белфаста до Лисберна, где находился наш дом, показались мне нескончаемыми, пока я ехала в такси, сгорая от нетерпения поскорее добраться до дома. Я торопливо расплатилась с водителем, подхватила чемодан и почти побежала по дорожке к дому. Я вставила ключ в замок, открыла дверь и вошла. Крикнула с порога: «Я дома!» Мне навстречу выскочил меховой комок Джуди, но голоса матери я не услышала. Я была озадачена, поскольку знала, что в тот день мама не работала. Я распахнула дверь в гостиную и остолбенела от увиденной сцены.

Мой отец сидел в мамином кресле-качалке, и на его лице было выражение такого самодовольства и триумфа, что я лишилась дара речи. Мать сидела у него в ногах, обратив к нему взгляд, исполненный обожания. Я уже успела забыть этот взгляд; в нашей прежней жизни он был неизменно адресован отцу, на меня она ни разу так не смотрела. В это мгновение я поняла, что проиграла. Это в нем она всегда нуждалась, он был центром ее вселенной, а со мной она лишь коротала время, дожидаясь его возвращения.

Чувство глубокой обиды от совершенного предательства пронзило меня. Я доверяла своей матери, но теперь мне открылась страшная реальность. Пока я стояла в дверях в коматозном состоянии, откуда-то издали донесся ее голос, произнося слова, которые мне хотелось вычеркнуть из своего сознания.

– Папу отпустили на уик-энд, – сказала она. – Завтра он возвращается обратно. Я не ждала, что ты приедешь, иначе бы предупредила тебя.

Объяснения слетали с ее губ радостными возгласами, как будто она объявляла о каком-то приятном сюрпризе, сюрпризе, которым она хотела поделиться со мной. Ее воля как будто передавала мне немой приказ присоединиться к игре, старой доброй игре в счастливую семью. Улыбка не сходила с ее губ, а голос даже не дрогнул, пока она продолжала говорить, как будто отец приехал с заработков на побывку. В какой-то степени так оно и было. Позже я узнала, что именно так она преподносила свою

историю соседям. Именно поэтому она запрещала ему писать письма: ей не хотелось, чтобы на нашу почту приходили конверты с тюремным штемпелем. А я-то надеялась, что она наконец решила расторгнуть брак. Теперь все встало на свои места. Мне стало ясно, почему она переехала в Белфаст, а не вернулась в Англию: все это время она ждала его.

Мне захотелось исчезнуть из дома; от зловещего присутствия отца пространство вокруг меня как будто съежилось, а звуки ее голоса стали шумом, от которого было больно ушам. Не в силах вынести ни единого мгновения в их компании, я понесла чемодан в свою комнату. Медленно распаковала вещи, сняла упаковку с сиреневого платья, которое выбирала с такой любовью, и запихнула его в дальний угол шкафа. Там оно и осталось, ненюшенное, потому что я так и не отдала его ей, а сама надеть не решилась.

На следующее утро я услышала, как мама напевает себе под нос старинные мелодии, под которые когда-то танцевала с отцом. Взяв Джуди на поводок, я молча вышла из дома. Когда я вернулась, его уже не было, он уехал обратно в тюрьму. Там ему предстояло отбывать оставшийся срок с счастливым сознанием того, что у него есть семья и дом, где его ждут.

И это было началом другой игры, которую сочинила мать, под названием «Когда вернется папа».

Глава 30

Я знала, что мои дни в хосписе подходят к концу: теперь мать сидела в кресле, совершенно беспомощная, полностью зависимая от меня. Она уже не могла глотать твердую пищу, как бы тщательно я ни растирала ее ложкой. Я понимала, что это ее последние дни, когда организм способен поглощать только жидкость и только из чайной ложки.

Кормить из ложки безнадежно больного, почти полностью утратившего глотательный рефлекс, – тяжелая работа, и мне приходилось выполнять ее по три раза на день. Я все чаще вспоминала слова священника о том, что любовь – это привычка, от которой сложнее всего отказаться. Я уже чувствовала горечь предстоящей утраты и в душе оплакивала потерянные годы. Мне хотелось удержать ее в этом мире и в то же время отпустить, избавив от страданий. Она уже не могла говорить. Как бы она ни старалась, слова не складывались; вместо этого ее лицо сморщивалось от бесплодных усилий. Тогда я брала ее руку и говорила, что это не имеет значения; между нами нет недосказанности.

Я говорила, что люблю ее, и уже не боялась, что она не станет просить о прощении. Мысль о том, что она вообще собиралась это делать, я намеренно заткнула в самый дальний угол своего сознания, а ее вынужденное молчание укрепляло меня в напрасных надеждах.

Наступила ее последняя ночь в общей палате. Я знала, что завтра мать переведут в одиночную палату. Такова была практика хосписа: больные не должны были видеть агонию финальной стадии рака. Ее кости, больше не защищенные плотью, прорывали кожу; каждая связка была закрыта корпией и пластырем. Ее ноги были помещены в стальную клетку, помогавшую избежать соприкосновения с тонкой материей белья, которая иначе бы царапала кожу, оставляя кровоточащие раны.

Я потянулась, чтобы размять затекшую спину, и услышала знакомый звук; мне уже приходилось слышать его ранее здесь, в хосписе. Он предшествовал смерти, и сейчас доносился с кровати напротив. Я увидела, что мать в испуге смотрит на меня: никто из пациентов хосписа не желал лишнего напоминания о том, что смерть рядом. Хотя часто наступали моменты, когда многие из них молились об освобождении, это все-таки была мольба об избавлении от боли, а не о конце жизни.

Я нежно погладила мать по руке и пошла за медсестрой; та ворвалась в палату и быстро задернула шторы у кровати напротив, что, вкуче с

воцарившейся тишиной, подтвердило смерть Мэри.

Я думала о жене фермера, когда поутру снова кормила мать с ложечки. Бедная Мэри лежала напротив. Жизнерадостная и, судя по количеству посетителей, всеми любимая женщина, она обожала классическую музыку и любила жизнь. Ее глаза зажигались, когда она показывала мне фотографии своей семьи и начинала добродушно хихикать, рассказывая о проделках своего мужа, скончавшегося несколько лет тому назад. Сейчас я порадовалась за нее, порадовалась тому, что она успела уйти из жизни, не став пленницей морфия.

Пациентка, оказавшаяся по соседству с койкой Мэри, новенькая, поспешила в ванную, явно расстроенная. А я все продолжала заталкивать в рот матери чайную ложку с жидкостью, которую та уже не хотела принимать. Новенькая вернулась, молча прошмыгнула мимо нас и легла в постель. Я услышала ее глубокий вздох, потом физически ощутила молчание. В эти несколько секунд она перестала цепляться за жизнь, а я даже не успела познакомиться с ней. Потом я узнала, что ее тоже звали Мэри.

Я нажала кнопку вызова медсестры. Она вошла и вопросительно взглянула на меня. Не отвлекаясь от кормления матери, я кивком головы указала ей на койку номер три. И снова зашуршали шторы, теперь возле кровати новенькой. Странная тишина повисла в палате, поскольку из живых остались только моя мать и еще одна старушка. Краем глаза наблюдая за ней, я заметила, что вид у нее неважный. Она позвала меня, и, отложив ложку, я подошла к ее кровати.

Дрожащим старческим голосом она сказала мне, что больше не хочет оставаться в этой палате. Я взяла ее за худой локоть и помогла встать с постели. Потом надела на нее халат и, поддерживая за талию, повела в комнату отдыха для пациентов. Там я включила ей телевизор. И вернулась в палату, где лежали два трупа и одна старая женщина, которой, как мне казалось, оставалось жить всего несколько часов.

Измученная, я отступила от матери и уперлась в ступни Мэри. При жизни она бы расхохоталась над этой ситуацией, но сейчас я не находила ее смешной. В палату вошли медсестры. Моей матери помогли лечь в постель, и я, открыв шкафчик, достала оттуда бутылку шерри. Я чувствовала, что матери уже не суждено провести со мной еще одну ночь. С бутылкой в руке, я направилась в комнату отдыха для посетителей и, не потрудившись найти стакан, хлебнула прямо из горлышка.

Закурив, я позвонила в Англию. Мне необходимо было услышать голос человека, который не только не умирал, но и был далек от всего, что

связано со смертью.

– У нас вечеринка, – донесся голос моего друга из того мира, который я покинула несколько недель тому назад и который теперь казался таким далеким. – А ты что делаешь?

«Сижу с двумя трупами и своей матерью», – так мне хотелось ответить, но вместо этого я сказала:

– Выпиваю.

И на этом оборвав разговор, снова поднесла бутылку к губам и жадно глотнула.

На следующий день мать перевели в другую палату, и еще два дня я просидела возле нее. На третьи сутки она умерла. Был ранний вечер, и я вышла ненадолго в комнату отдыха; от усталости мои глаза закрылись, и я погрузилась в легкую дрему. В полузабытьи я почувствовала присутствие медсестры и без слов поняла, почему она здесь.

– Она умирает, Тони, – объявила медсестра, положив руку мне на плечо.

Я поднялась и последовала за ней в палату к матери. Она была неподвижна, дыхание прерывисто, глаза закрыты. Ее веки даже не дрогнули, когда я взяла ее руку, уже с посиневшими пальцами.

– Она слышит меня? – спросила я.

– Мы считаем, что слух уходит в последнюю очередь, – был ответ. – Не волнуйтесь, Тони, я останусь с вами, если вы захотите.

Я пошла звонить отцу. Не застав его дома, попыталась позвонить по второму номеру, в клуб «Британский легион».

– Мама умирает, умирает сейчас, – удалось мне выдать из себя, а потом, ради нее, добавила: – Ты придешь?

– Ты же знаешь, я не могу вести машину в темноте, – произнес он голосом, уже нечетким от алкоголя.

В трубке слышались звуки музыки и смех. Не веря своим ушам, я посмотрела на телефон и повторила, что мать умирает. Сказала, что она бы хотела его видеть, что он может взять такси, потому что еще одну ночь она не проживет.

С узнаваемой интонацией окончательного ответа он произнес:

– Ну, ты ведь там? А я что могу сделать?

Потрясенная его реакцией, я хотела крикнуть: «Да просто побыть здесь, ты, эгоист, грязный сукин сын. Проститься с ней, дать ей уйти с сознанием того, что ты любил ее, что не зря она пожертвовала всем ради тебя». Вместо этого я молча повесила трубку и вернулась к матери.

– Папа едет, – солгала я и, глядя на медсестру, выразительно покачала

головой.

Периодически ее дыхание останавливалось, и я со смешанным чувством горечи и облегчения встречала каждый момент ее робкого возвращения к жизни. Это тянулось несколько часов.

Помня слова медсестры о том, что слух уходит в последнюю очередь, я продолжала говорить с матерью, вспоминая нашу прежнюю жизнь, какие-то эпизоды, которые могли вызвать у нее улыбку, если бы она пришла в себя. Я хотела, чтобы последние слова, которые она услышит, были приятными. Чтобы они стали ее последними воспоминаниями, которые она могла бы забрать с собой.

Прощальная ночь прошла без отца, человека, которого она так любила на протяжении полувека. Вместо него рядом с ней были я, ее дочь, которую она так часто отвергала, и дежурная медсестра. Тем горше для меня был ее уход.

В ту ночь я молча проклинала своего отца. Это был его последний грех, и я молила о том, чтобы мать не пришла в сознание и не узнала о нем. Пусть умрет со своей мечтой, думала я. Конец наступил с рассветом: в ее горле заклокотало, последовал вздох. Дыхание покинуло ее тело тихим стоном, и я, все еще державшая ее руку, поняла, что все кончено.

Я почувствовала, как во мне шевельнулся призрак Антуанетты, и подумала о том, что теперь ничто не мешает ему мирно заснуть. Воспоминания покинули меня, и полусонному сознанию открылась реальность: я по-прежнему сидела в кресле возле навечно уснувшей матери. Я была голодна; и мне даже казалось, будто я ощущаю дрожжевой аромат свежее испеченной пиццы. Перед глазами возникла аппетитная лепешка с расплавленным сыром и острой начинкой из салями на клетчатой скатерти, а рядом бутылка красного вина. Картинка была настолько реальной, что напоминала галлюцинацию. Пожалуй, самое время для сэндвича с тунцом, сказала я себе и, покинув мать, вышла в холл в поисках кофе.

Наконец-то, впервые за долгие годы, я смогла объективно оценить свои отношения с родителями. Я снова задалась вопросом, почему не порвала с ними еще несколько лет тому назад. Однозначного ответа не было; возможно, как я сказала об этом священнику, мне была необходима иллюзия существования нормальной семьи. Была бы моя жизнь другой, выбрала бы я ту же дорогу, если бы однажды нашла в себе смелость уйти от них навсегда? Была ли любовь к матери моей силой или все-таки слабостью? И как долго собирался преследовать меня призрак Антуанетты? Мне почему-то вспомнилась беседа с психиатром во время одного из

сеансов терапии, когда мне задавали подобные вопросы.

– Можно построить дом и сделать его красивым, обставить изысканной мебелью. Можно превратить его в символ благополучия и успеха, как я сделала это со своей квартирой в Лондоне, или в уютный домашний очаг, наполнив его счастьем. Но, если не позаботиться о крепком фундаменте, на котором он будет стоять, с годами проявятся все трещины. Конечно, в отсутствие бурь и потрясений такой дом простоит вечно, но под гнетом неблагоприятной внешней среды рухнет, потому что был плохо построен.

Сделайте качественную облицовку, и тогда никто не заметит огрехов каркаса. Покрасьте дом, повесьте дорогие шторы, и отсутствия фундамента не заметит никто, кроме оценщика, – устало улыбнулась я терапевту, – или кроме нас самих, если мы говорим об одушевленном доме.

Это был мой тщательно скрываемый секрет, но он же был и ответом на мучившие меня вопросы. Во взрослой жизни мне пришлось идти именно той дорогой, которую я выбрала, чтобы выжить. Я всегда знала пределы своих возможностей и пыталась не выходить за эти рамки, что чаще всего мне и удавалось. С пониманием самой себя я и уснула.

Эпилог

В маленьких городках Ирландии, таких как Ларн, свои похоронные традиции. Мужчины в темных костюмах, с черными повязками на руках, в черных галстуках и белых рубашках идут за гробом: этот исключительно мужской эскорт символизирует уважение к покойному, отправляющемуся в свой последний путь. Следом едут машины со священником и скорбящими женщинами. Женщины доезжают только до кладбища и поворачивают назад, их обязанность – приготовить еду для мужчин, которые вернутся поминать усопшего. Женские руки не поднимают комья земли, чтобы бросить их на крышку гроба, женские глаза не видят, как гроб опускают в могилу. Женщины приходят на кладбище на следующий день, восхищаются цветами, которые разложены на земляном холме, и прощаются с покойным.

Кутаясь в пальто под пронизывающим октябрьским ветром, я вышла из дверей похоронного бюро, где прошла траурная церемония. Мать лежала в открытом гробу, и ее лицо было спокойным и умиротворенным.

Мой взгляд скользил по лицам людей, пришедших на похороны, друзей, которые любили и ее, и меня, а потом остановился на отце и его приятелях. Мне стало любопытно, кто из них пил с ним в ту ночь, когда я просила его приехать в хоспис. Эти мужчины, которые на публике поддерживали скорбящего вдовца, знали, что она умерла без него. Именно они должны были нести гроб и составлять похоронную процессию.

Я прошла мимо машины, в которой должна была ехать на кладбище, и решительным шагом двинулась к отцу. Теперь, когда мама умерла, а вместе с ней ушел и призрак моего далекого детства, мы с ним остались один на один. И я уже не чувствовала детского страха, когда твердо посмотрела ему в глаза, не обращая внимания на его трусливую улыбку. Я просто сказала: «Они пойдут за мной» – и жестом показала на его окружение.

Он посторонился, и уже без слов было ясно, что он в конце концов утратил контроль надо мной и моей жизнью, а мои чувства к нему умерли в хосписе. Он покорно занял место в шеренге своих собутыльников. Я подождала, пока они поднимут гроб, водрузят его на свои плечи и начнут свою медленную процессию. Я расправила плечи, как когда-то в детстве, и пошла за гробом матери, возглавляя мужской конвой.

Это моя рука, а не отцовская, подняла первый ком земли и рассыпала его на гроб, и я была единственной женщиной, которая простилась с

матерью на краю могилы.

Потом я развернулась и, по-прежнему одна, вышла из ворот кладбища к поджидавшей меня машине.

На следующий день я вернулась в Англию, в тот мир, который на время оставила. Вернулась с сознанием того, что навсегда распрощалась с Антуанеттой, призраком моего детства.